

СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО
УПРАВЛЕНИЯ

2011. № 2

Научно-практический журнал
Северо-Западной академии
государственной службы

Выходит четыре раза в год

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199178, Санкт-Петербург,

В. О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335 94 72, 335 42 16

Факс.: (812) 335 42 16

E-mail: uk@szags.ru

© Северо-Западная академия государственной службы, 2011

© Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2011

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА:

- Шамахов В. А.** — ректор Северо-Западной академии государственной службы, доктор экономических наук, профессор, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург) — председатель совета;
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург) — заместитель председателя совета;
- Артамонов В. С.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор военных наук, доктор технических наук, профессор, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники (Санкт-Петербург);
- Васецкий А. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Востряков Л. Е.** — доктор политических наук (Санкт-Петербург);
- Гуторов В. А.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Двас Г. В.** — вице-губернатор администрации Ленинградской области, доктор экономических наук (Санкт-Петербург);
- Елисеева И. И.** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор, академик Международной академии наук высшей школы (Санкт-Петербург);
- Журавлев В. П.** — председатель избирательной комиссии Ленинградской области, кандидат юридических наук (Санкт-Петербург);
- Киричук С. М.** — доктор социологических наук (Москва);
- Михеев Ю. А.** — заслуженный экономист Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор (Москва);
- Понеделков А. В.** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор политических наук, профессор (Ростов-на-Дону);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Суслов В. И.** — член-корреспондент Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор (Новосибирск);
- Филиппов Г. Г.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Шевченко В. Я.** — действительный член Российской академии наук, доктор химических наук, профессор, лауреат премии Совета министров СССР, Государственных премий РФ (Санкт-Петербург).

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

- Востряков Л. Е.** — доктор политических наук (Санкт-Петербург) — *главный редактор журнала*;
- Васецкий А. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Волков В. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Елфимов Г. М.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Исаев А. П.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Кириллов А. Л.** — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург) — *заместитель главного редактора*;
- Кашина М. А.** — кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Клюев А. В.** — заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Курзнев В. А.** — заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Старовойтов А. А.** — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Чимаров С. Ю.** — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Яновский В. В.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург).

- 5 **В. А. ШАМАХОВ**
Соответствовать вектору модернизации

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 8 **М. А. КАШИНА, И. В. ДРЕВАЛЬ**
Развитие системы дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих в контексте Болонского процесса
- 18 **В. Н. НАУМОВ, Д. Д. УЛЬЗЕТУЕВА**
Сценарный подход к прогнозированию системы высшего профессионального образования для учебных заведений, осуществляющих подготовку государственных служащих
- 34 **П. В. САМЫЛОВ**
Проектная деятельность как средство повышения качества профессиональной подготовки государственных служащих
- 41 **ЦЗЯН ВЭЙ**
Эффективность государственного управления на фоне евроазиатской интеграции
- 49 **О. И. ЧЕКМАРЕВА**
Проблемы формирования системы показателей муниципального социально-экономического развития

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 56 **В. Э. ШЛЯПЕНТОХ**
О формировании новой российской элиты
- 66 **Н. В. РАЗУВАЕВ**
Государство как философско-правовая категория
- 77 **А. К. НЕЩЕРЕТ**
Общие координаты инновационного развития в условиях евразийской интеграции
- 87 **Ю. В. КОСОВ**
Взаимосвязь энергетической и экологической безопасности в условиях современного мирового экономического кризиса
- 96 **Г. С. МЕЛЬНИК**
Современная журналистика в контексте коммунитаризма
- 105 **Е. П. СОКОЛОВА**
Технологии внедрения идеологий и в массовое сознание
- 111 **С. Г. СТАРЦЕВА**
Проблемы формирования и реализации региональной молодежной политики (на примере Вологодской области)
- 121 **С. В. АКОПОВ**
Вопрос Морено
- 131 **А. Ф. ИЗМАЙЛОВ**
За мир без нацизма: современный взгляд на события в Литве 1944–1956 гг.

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 140 Е. И. КУДРЯВЦЕВА**
Компетенция как ключевое понятие актуальной теории и практик менеджмента
- 149 А. В. РУКОВЧУК**
Оптимизация организационной структуры управления банком
- 166 Е. Х. МЕЛЬВИЛЬ**
Экономика культуры: государственный патернализм или свободный рынок?

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 177 Б. Я. МИСОНЖНИКОВ**
Понятие «третьего места» как элемента системы коммунитаристских ценностей
- 183 Л. Р. ДУСКАЕВА**
Стереотипы речевого поведения в блогосфере сообществ
- 189 О. Г. ФИЛАТОВА**
Коммунитаризм и гражданская журналистика как перспективные направления исследований
- 194 А. И. КУГАЙ, Е. М. ПРОШИНА**
Болонский процесс и национальная традиция: достоинства и издержки

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 202 Н. В. ДУНАЕВА**
Правовые средства модернизации аграрного общества в России: к 150-летию «Великой реформы»
- 211 В. Б. АЛЕКСАНДРОВ**
Русская философия XX века об истоках власти, государства и права

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- 221 Н. В. ГОРБАТОВА, Л. И. ПОЛЯХ**
Профессиональное образование как фактор конкурентоспособности страны

РЕЦЕНЗИИ

- 225 И. А. ИВАНЧУК**
Поэт и город

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки России от 19 февраля 2010 г. № 6/6 журнал СЗАГС «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

По инициативе Всероссийского института научно-технической информации РАН журнал СЗАГС «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» прошел экспертизу у ведущих специалистов ВИНТИ РАН, информация о нем размещается в Реферативном журнале и базах данных ВИНТИ РАН

Статьи научного журнала СЗАГС «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается

В. А. ШАМАХОВ

СООТВЕТСТВОВАТЬ ВЕКТОРУ МОДЕРНИЗАЦИИ

Ключевые слова:

модернизация, государственное управление, образование, инновации, государственные служащие, журнал

В статье рассматривается роль науки и образования в деле модернизации страны, формирования инновационной экономики в России. Особое внимание уделяется задачам и месту СЗАГС в составе нового вуза «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Очередной номер «Управленческого консультирования» — научно-практического журнала Северо-Западной академии государственной службы выходит в преддверии масштабных изменений в жизни нашего вуза. Начинает свою деятельность новое федеральное государственное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», созданное Указом Президента РФ от 20 сентября 2010 г. № 1140. РАНХиГС — самое крупное высшее учебное заведение в России и одно из самых больших в мире, в его состав вошли Академия народного хозяйства при Правительстве РФ, Российская академия государственной службы при

Key words:

modernization, public administration, education, innovation, civil servants, journal

The article examines the role of science and education in the country's modernization, the formation of an innovative economy in Russia. Special attention is paid to the objectives and place of the North-West Academy of Public Administration (NWAPA) in the new higher education institution "The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration".

Президенте России, а также 12 региональных академий государственной службы.

Статус нашего вуза в рамках Президентской академии значительно повышается. На базе СЗАГС будет реализован ряд крупных инновационных программ и проектов, сам вуз должен приобрести инновационный облик, в основе которого — финансовая устойчивость, соответствующая современным требованиям материально-техническая база, высококвалифицированные кадры профессорско-преподавательского состава, реализация программ непрерывного образования и стабильно развивающиеся научные исследования.

Это — этап, который ставит перед нашим научно-педагогическим коллективом новые, более сложные

задачи. Концепция долгосрочного динамичного развития Северо-Западного института управления РАНХиГС базируется на трех составляющих — модернизации, мобилизации и мотивации. Сегодня следует максимально использовать все передовое, способствующее построению инновационной экономики и достижению лидирующих позиций в высокотехнологичном конкурентном мире. Это особенно важно потому, что XXI в. уже признан эпохой экономики, основанной на знаниях, среди ключевых ресурсов которой — потенциал науки, образования и инновационные технологии. Именно наука, образование и профессиональное развитие, «инвестиции в человека», формирующие «человеческий капитал», при условии его успешного применения играют решающую роль в обеспечении всеобъемлющей модернизации страны.

Особенно важен для нас прорыв в образовательной деятельности. В этой связи большое значение приобретает обновление учебного процесса, внедрение эффективных современных и опережающих образовательных технологий. В нашем новом вузе будут реализованы пилотные проекты программ развития государственных и муниципальных служащих — в первую очередь — Северо-Запада России. Совершенствование всей системы дополнительного профессионального обра-

зования этой категории управленцев наряду с ликвидацией слабых мест должно в полной мере соответствовать вызовам времени. Согласно оценке экспертов ЕС, среди ключевых компетенций, необходимых профессионалам XXI в., особое значение приобретают следующие:

- социальные — иначе говоря, способность брать на себя ответственность вырабатывать решения и участвовать в их реализации, толерантность к различным этнокультурам и религиям, сочетание личных интересов с потребностями организации и общества;
- коммуникативные — владение технологиями устного и письменного общения на разных языках и посредством различных современных средств связи;
- когнитивные — готовность к саморазвитию, постоянному повышению образовательного уровня, реализации своего личностного потенциала, самостоятельному приобретению знаний и умений;
- профессиональные — готовность к самостоятельному выполнению служебной деятельности и оценке результатов своего труда.

Каждый специалист, получивший в нашей системе гуманитарное и общественно-экономическое образование, должен удовлетворять простым и понятным требовани-

ям — компетентность, честность, ответственность, гражданская позиция и патриотизм. Такой подход может стать эффективным механизмом, способствующим формированию в сознании населения нашей страны нового позитивного имиджа органов власти в целом и благоприятного образа государственной службы в частности.

Образовательный процесс в нашем вузе неразрывно связан с научно-исследовательской деятельностью профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Интеграции результатов исследований ученых нашего нового вуза в научно-информационное пространство страны служит и наш научно-практический журнал «Управленческое консультирование». Это издание — одно из немногих, посвященных научному обсуждению проблем развития государственной и муниципальной службы России. Уже сегодня журнал можно рассмат-

ривать как центр притяжения широкой научной общественности Северо-Западного федерального округа, основу для объединения и совместной работы видных ученых и практиков. Подобное широкое освещение результатов научных исследований сотрудников СЗАГС в полной мере соответствует задачам модернизации педагогических и научных методов работы в условиях масштабной реорганизации.

Уверен, что вектор нового развития, заданный нашему вузу Указом Президента Российской Федерации, будет способствовать его дальнейшему утверждению в качестве крупнейшего экспертно-аналитического центра России, ведущего образовательного и научно-исследовательского учреждения в сфере государственного и муниципального управления в СЗФО, равно как и повышению эффективности государственного управления на всех уровнях власти.

М. А. КАШИНА, И. В. ДРЕВАЛЬ

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В КОНТЕКСТЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА

Ключевые слова:

Болонский образовательный процесс, государственные гражданские служащие, дополнительное профессиональное образование, ЕврАзЭС

Key words:

Bologna educational process, civil servants, additional professional education, EvrAzES

В статье рассматриваются возможности использования положений Болонского процесса в целях совершенствования дополнительного профессионального образования гражданских служащих в странах — участницах ЕврАзЭС. Авторы предлагают разработать специальное соглашение об интеграции и унификации дополнительного профессионального образования, что позволит создать пространство для академической мобильности и взаимного обмена опытом как гражданских служащих, так и преподавателей.

Possibilities of using of the elements of Bologna educational process for the purpose of improving additional professional education of civil servants in the countries — members of EvrAzES are considered in the article. The authors suggest developing special agreement of integration and unification of additional professional education among these countries. The agreement will provide possibilities for academic mobility and mutual exchange of experience both for civil servants and lectures of the system of additional professional education.

Повышение профессионализма государственных гражданских служащих и роль в этом процессе профессионального образования — задача, не теряющая своей актуальности и не раз уже становившаяся предметом исследования специалистов, как ученых, так и практиков государственного управления (см., напр.: [1; 2; 3; 4, 6; 7]). Интерес к этой проблематике во многом

обусловлен тем, что динамичное развитие современного общества открывает сегодня новые возможности в этой области. Совершенствование института дополнительного профессионального образования гражданских служащих (ДПО ГС) представляется одним из наиболее перспективных направлений поиска инновационных решений этих вопросов.

В этой связи особый интерес представляют возможности развития системы ДПО ГС в контексте интеграционных процессов, протекающих на постсоветском пространстве, точнее, в рамках Евразийского экономического сообщества¹.

Поставить вопрос о возможности и необходимости интеграции и унификации систем ДПО ГС в странах — участницах ЕврАзЭС позволяет ряд обстоятельств, к важнейшим из которых следует причислить общее советское прошлое этих государств, породившее сходные системы государственной гражданской

службы, в том числе принципы ее функционирования и развития, а также сформировавшиеся подходы к организации профессионального образования.

Так, в начале 2000-х гг. во всех странах — членах ЕврАзЭС были приняты законы о государственной (гражданской) службе². В государ-

¹ ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество) — международная экономическая организация, наделенная функциями, связанными с формированием общих внешних таможенных границ входящих в нее государств (Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан), выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка. В соответствии с Уставом ЕврАзЭС, государство или межгосударственной (межправительственной) организации по их просьбе может предоставляться статус наблюдателя. Наблюдатель имеет право присутствовать на открытых заседаниях органов ЕврАзЭС, выступать на этих заседаниях с согласия председательствующего, получать при необходимости открытые документы и решения, принимаемые органами ЕврАзЭС. Статус наблюдателя не дает права голоса при принятии решений на заседаниях органов ЕврАзЭС и права подписи документов органов ЕврАзЭС. С мая 2002 г. наблюдателями стали Молдавия и Украина, с 2003 г. — Армения. Членство Республики Узбекистан приостановлено в 2008 г.

² См.: О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон Росс. Федерации от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Российская газета. 2004. 31 июля; О государственной должности и статусе государственного служащего: закон Республики Молдова от 04 июля 2008 г. № 158. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства Республики Молдова. Нормативные акты. URL: http://gov.gov.md/www.gov.md/file/Cadr_juridic/legea_158_rus.pdf (дата обращения: 25.01.2011); О государственной службе в Республике Беларусь: закон Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 204-3. [Электронный ресурс] // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь. URL: <http://www.pravo.by/WEBNPA/text.asp?RN=h10300204> (дата обращения: 25.01.2011); О государственной службе: закон Кыргызской Республики от 11 августа 2004 г. № 114. [Электронный ресурс] // Сайт Государственной кадровой службы Кыргызской Республики: официальный сайт. Нормативно-правовые акты в сфере государственной службы КР. URL: <http://www.csa.kg/doc/291.doc> (дата обращения: 25.01.2011); О гражданской службе: закон Республики Армения от 27 декабря 2001 г. № ЗР-272. [Электронный ресурс] // Национальное Собрание Республики Армения: официальный сайт. Законодательство. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1268&lang=rus> (дата обращения: 25.01.2011); О государственной службе: закон Республики Казахстан от 23 июля

ствах, входящих в Сообщество, была определена периодичность повышения квалификации гражданских служащих — раз в три года. Во всех странах признана значимость дополнительного профессионального образования чиновников: основным источником его финансирования определены средства государственного бюджета. Таким образом, не отрицая специфики функционирования институтов государственной гражданской службы в различных странах — участницах ЕврАзЭС, можно констатировать совпадение их основных позиций в отношении профессионального образования гражданских служащих, а также общность институциональных рамок осуществления этой деятельности.

Вторым важным следствием общего советского прошлого является сохранение гуманитарных и культурных связей между этими странами. В большинстве бывших советских республик используют русский

язык как средство межнационального общения, в них сохраняется интерес к событиям, происходящим в России, по-прежнему пользуется авторитетом российская система образования. Несмотря на наличие государственных границ, между гражданами этих стран, как правило, нет границ ментальных и развитой ксенофобии.

Наконец, третье следствие — общие геополитические интересы. Создание ЕврАзЭС стало одним из инструментов реализации этих интересов. При этом среди государств — участников любых международных союзов уровень взаимопонимания, как правило, выше, чем в других странах, в том числе при формулировке тактических и стратегических задач государственного строительства и общественного развития. Более того, руководство стран — членов сообщества заинтересовано в развитии различных интеграционных связей: от непарламентской демократии до безвизового режима въезда для бизнесменов, туристов, учащихся.

Все вышеизложенное и создает основу для постановки вопроса о возможности и необходимости интеграции и унификации процессов повышения профессионализма гражданских служащих стран — участниц ЕврАзЭС, в том числе о применении таких форм сотрудничества, как взаимные стажировки, академические обмены, создание,

1999 г. № 453. [Электронный ресурс] // Агентство Республики Казахстан по делам государственной службы: Законодательство. Законы. URL: http://www.kyzmet.kz/?lang=ru&id_1=2&id_2=1&id_3=3 (дата обращения: 25.01.2011); 0 государственной службе: закон Республики Таджикистан от 5 марта 2007 г. № 233. [Электронный ресурс] // Управление государственной службы при Президенте Республики Таджикистан: официальный сайт. URL: http://www.rhd.tj/index.php?option=com_content&task=view&id=44&Itemid=46 (дата обращения: 25.01.2011).

использование и развитие общего банка учебных программ и др.

Перспективным направлением указанной интеграции, на наш взгляд, является совершенствование системы ДПО ГС, применение отдельных положений и принципов Болонского процесса, служащего интеграции высшего профессионального образования в странах Европы.

Напомним его основополагающие моменты (см. подробнее: [5]). До конца XX в. каждое европейское государство имело свою систему образования, и в рамках национальных границ каждый работодатель четко представлял себе комплекс знаний и умений работника, получившего соответствующий документ об образовании. Интеграция мировой экономики, происходящая в настоящее время, приводит к значительной трудовой миграции. Открытые границы Европейского союза позволяют жителям Западной и Центральной Европы свободно перемещаться в поисках работы и возможностей приложения своих способностей.

Поскольку основным свидетельством квалификации индивида, наряду с опытом работы, является документ об образовании, то с формированием единого европейского рынка труда встал вопрос об общеевропейской и мировой унификации образования, в первую очередь, высшего. Эта унификация позволя-

ет работодателю в Италии принять на работу человека с французским дипломом об образовании и быть уверенным в том, что тот обладает необходимыми для замещаемой должности профессиональными компетенциями (знаниями, умениями, навыками).

Другим фактором, требующим унификации профессионального образования, является необходимость непрерывного обучения специалистов в течение всей трудовой карьеры, которое можно сейчас осуществлять в различных учебных заведениях в разных странах.

С учетом всего этого и была сформулирована общая цель Болонского процесса: создать в Европе пространство высшего образования с целью улучшения *мобильности* граждан, расширения *возможностей их трудоустройства*, а также повышения международной *конкурентоспособности* европейского высшего образования (курсив — М. К., И. Д.)

Основная задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить европейское разнообразие систем и подходов к образовательному процессу, использовать сложившийся опыт, а с другой — выработать некоторые критерии, позволяющие выстраивать общий образовательный процесс из совокупности дисциплин, преподающихся в учебных заведениях разных стран, в целях обеспечения совместимости обра-

зования, а тем самым — и мобильности получивших образование.

Значение универсальной системы квалификаций заключается в том, что она должна обеспечить не только мобильность между квалификациями внутри одной образовательной системы, но и между различными системами. Предполагается, что универсальная система квалификаций будет описывать в общепринятых терминах типичные квалификации высшего образования, а также существующие между ними связи, и основной ее задачей станет не обеспечение образовательных процессов, а получение общих результатов¹.

Тем самым система квалификаций должна стать средством получения, изменения или повышения квалификации в соответствии с индивидуальными потребностями и способностями работника. Это дает возможность странам, участвующим в Болонском процессе, сочетать применение экономически выгодного массового производства образовательных услуг и индивидуальных подходов к обучению.

Каждая страна, подписавшая Болонскую декларацию, обязана реформировать свою систему выс-

шего профессионального образования в соответствии со следующими положениями:

1. Многоуровневое образование — бакалавр, магистр.
2. Использование кредитов (особых учетных учебных единиц) и модульный подход к образованию.
3. Академическая мобильность (как студентов, так и преподавателей).
4. Контроль качества образования (наличие согласованных критериев и процедур оценки качества образования).

* * *

Проведенный нами анализ нормативных правовых актов, регулирующих институт ДПО ГС в Российской Федерации, показал, что все указанные положения Болонской декларации имплицитно в них представлены. Учитывая сходство систем ДПО ГС в странах — участницах ЕврАзЭС, можно говорить о возможности интеграции и унификации данного вида профессионального образования в рамках группы стран на определенной территории.

Так, принцип *многоуровневого (непрерывного)* образования отражен в ст. 60 (п. 1) Федерального закона РФ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ, согласно которой «профессиональная подготовка гражданских служа-

¹ Realising the European Higher Education Area. Communiqué of the Conference of Ministers responsible for Higher Education in Berlin on 19 September 2003. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.wg.aegeee.org/ewg/berlincommuniqué.htm> (дата обращения: 27.01.2011).

щих, их переподготовка, повышение квалификации и стажировка в соответствии с программами профессионального развития гражданских служащих — приоритетное направление формирования кадрового состава гражданской службы». Отметим, что согласно п. 12 Положения о порядке получения дополнительного профессионального образования государственными гражданскими служащими Российской Федерации в нашей стране осуществляется разработка программ по профессиональному развитию кадрового состава государственного органа в целом¹. Эти программы рассчитаны на три года и должны утверждаться постоянно.

В п. 11 данного Положения имеется следующее указание на необходимость *модульного подхода к образованию*: «Индивидуальный план профессионального развития гражданского служащего разрабатывается им в соответствии с должностным регламентом совместно с непосредственным руководителем сроком на три года и утверждается в установленном порядке». Другими словами, предусматривается создание конкретных программ профессионального развития гражданских служа-

щих, учитывающих особенности их служебной деятельности и личностные характеристики чиновников.

Возможность *академической мобильности* (слушателей и преподавателей) как внутри страны, так и зарубежной прослеживается в ст. 62 (пп. 2, 8) вышеупомянутого Федерального закона, в которой говорится, что «стажировка является как самостоятельным видом ДПО гражданского служащего, так и частью его профессиональной переподготовки или повышения квалификации. Гражданский служащий может получить ДПО за пределами территории РФ».

И, наконец, необходимость осуществления *контроля качества образования* (наличия согласованных критериев и процедур оценки качества образования) определяется ст. 7 п. 1 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании»², согласно которому «лица, завершившие обучение по образовательным программам послевузовского (дополнительного) профессионального образования и прошедшие итоговую аттестацию, получают документы о соответствующем уровне образования». Тем самым контроль качества становится условием полу-

¹ См.: Положение о порядке получения дополнительного профессионального образования государственными гражданскими служащими Российской Федерации. Утверждено Указом Президента РФ от 28 декабря 2006 г. № 1474 // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 203.

² О высшем и послевузовском профессиональном образовании: федер. закон Российской Федерации от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.

чения учащимся документа о дополнительном образовании. Внешний независимый контроль в системе ДПО ГС обеспечивается включением в состав государственной аттестационной комиссии представителей заказчика.

Таким образом, нормативная база для внедрения положений Болонского процесса в систему ДПО ГС у нас в стране есть. Следующий вопрос: кто может взять на себя эти функции? Ответ здесь достаточно очевиден — специализированные учреждения высшего профессионального образования, готовящие специалистов по государственному и муниципальному управлению, в частности система РАНХиГС при Президенте РФ, недавно созданная Указом Президента РФ (см. подробнее: [4]).

В рамках всех академий государственной службы, вошедших в эту систему, существуют специальные структуры, занимающиеся повышением квалификации и профессиональной переподготовкой действующих государственных гражданских служащих. Рассмотрим в качестве примера такой структуры Институт дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих Северо-Западной академии государственной службы (ИДПО ГиМС СЗАГС).

Анализ основных направлений деятельности института показыва-

ет, что он осуществляет полный образовательный цикл, начиная от разработки учебных планов и программ и заканчивая проведением итоговой аттестации. При этом в силу специфики и разнообразия своих задач, в том числе по реализации высокого уровня конкурентоспособности на рынке дополнительных образовательных услуг, эта образовательная структура должна быть ориентирована на инновации. Необходимо отметить, что у системы ДПО ГС в целом гораздо больше, в сравнении со структурами высшего образования, возможностей для экспериментов с образовательными программами, использования разнообразных элективных и специальных курсов, приглашения в качестве лекторов специалистов-практиков, зарубежных преподавателей и т. д. Более того, реализация программ дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих с участием зарубежных партнеров выделена в ИДПО ГиМС СЗАГС в отдельное направление.

Таким образом, институт может осуществлять как многоуровневый подход к образованию, реализуя систему курсов повышения квалификации различной продолжительности, так и модульный подход, разрабатывая и осуществляя различные комбинации базовой и элективной частей образовательных программ, а также используя акаде-

мическую мобильность с участием зарубежных партнеров. Контроль качества образования является необходимым условием получения слушателями ИДПО ГиМС СЗАГС соответствующих документов о дополнительном образовании. Варианты этого контроля весьма разнообразны, хотя самым распространенным является компьютерное тестирование (которое широко используется при обучении в высшей школе, основывающейся на Болонских принципах).

Суммируя все вышеизложенное, можно констатировать наличие объективных (нормативно-правовых и институциональных) предпосылок внедрения элементов Болонского процесса в систему ДПО ГС в странах — участницах ЕврАзЭС.

Как уже отмечалось, в отличие от стран Евросоюза на постсоветском пространстве сохранился общий базовый подход к образованию, но за прошедшие двадцать лет в системах повышения квалификации и профессиональной переподготовки в целом, и гражданских служащих в частности, произошли существенные изменения, отражающие специфику национального развития. В связи с этим потребность взаимного признания и нострификации документов об образовании весьма высока. Существует и значительная взаимная трудовая миграция между нашими странами, в которой участвуют и гражданские

служащие. С другой стороны, создание универсальной системы квалификаций позволит обогатить системы ДПО ГС стран-участниц имеющимися наработками. Если пространством для академического обмена в Болонском процессе является территория Европы, то в нашем случае это будет мобильность в рамках стран — участниц ЕврАзЭС.

В целом следует отметить, что во всех странах — участницах ЕврАзЭС большое значение придается дополнительному профессиональному образованию гражданских служащих и существует понимание необходимости его совершенствования.

Обучение в институтах системы ДПО ГС в странах — участницах ЕврАзЭС — это одновременно и социальная гарантия, и обязанность государственных служащих. Более того, в ряде стран необходимость повышения профессионализма госслужащих является одним из принципов государственной службы.

Формы дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих, закрепленные законодательно, сходные во всех государствах, например, в рамках программ обучения предусмотрены стажировки слушателей и обучение за рубежом.

В условиях интеграционных процессов на постсоветском пространстве перспективным направлением развития системы ДПО ГС

является внедрение в его организацию положений Болонской декларации. В странах — участницах ЕврАзЭС для этого существуют объективные (нормативно-правовые и институциональные) предпосылки. В Российской Федерации эту функцию могут взять на себя специализированные структуры региональных институтов государственной службы — филиалов РАНХиГС при Президенте РФ.

С учетом всего вышеизложенного целесообразно разработать специальное соглашение об интеграции и унификации дополнительного профессионального образования в рамках стран — участниц ЕврАзЭС, что позволит создать пространство для академической мобильности и взаимного обмена опытом как гражданских служащих, так и преподавателей системы ДПО ГС.

1. Барч У. Проблемы совершенствования квалификации в ходе модернизации государства и органов управления // Управленческое консультирование. 2008. № 2. С. 36–54
2. Горшков А. С. Совершенствование системы профессионального обучения государственных служащих в условиях административной реформы // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2006. № 1. С. 28–36.
3. Горшков А. С., Яновский В. В. Приоритеты профессионального образования государственных и муниципальных служащих // Управленческое консультирование. 2008. № 2. С. 5–14.
4. Горшков А. С. Формировать новое качество власти // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 5–15.
5. Гретченко А. И., Гретченко А. А. Болонский процесс: интеграция России в европейское и мировое образовательное пространство. М.: КНОРУС, 2009.
6. Древаль И. В., Кашина М. А. Аттестация государственных служащих как инструмент оценки и развития кадрового потенциала государственного органа // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2007. № 1. С. 53–71.
7. Мартынов С. А. Совершенствование механизмов оценки профессиональной служебной деятельности гражданского служащего // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2007. № 2. С. 42–47.

References

1. Barch U. Problemy sovershenstvovaniya kvalifikatsii v khode modernizatsii gosudarstva i organov upravleniya // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2008. № 2. S. 36–54
2. Gorshkov A. S. Sovershenstvovanie sistemy professionalnogo obucheniya gosudarstvennykh sluzhaschikh v usloviyakh administrativnoy reformy // Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik Koordinatsionnogo Soveta po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoy sluzhbe pri polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v Severo-Zapadnom federalnom okruge. 2006. № 1. S. 28–36.

3. *Gorshkov A. S., Yanovskiy V. V.* Prioritety professionalnogo obrazovaniya gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhaschikh // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2008. № 2. S. 5–14.
4. *Gorshkov A. S.* Formirovat novoe kachestvo vlasti // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2011. № 1. S. 5–15.
5. *Gretchenko A. I., Gretchenko A. A.* Bolonskiy protsess: integratsiya Rossii v evropeyskoe i mirovoe obrazovatelnoe prostranstvo. M.: KNORUS, 2009.
6. *Dreval I. V., Kashina M. A.* Attestatsiya gosudarstvennykh sluzhaschikh kak instrument otsenki i razvitiya kadrovogo potentsiala gosudarstvennogo organa // Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik Koordinatsionnogo Soveta po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoy sluzhbe pri polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v Severo-Zapadnom federalnom okruge. 2007. № 1. S. 53–71.
7. *Martynov S. A.* Sovershenstvovanie mekhanizmov otsenki professionalnoy sluzhebnoy deyatelnosti grazhdanskogo sluzhaschego // Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik Koordinatsionnogo Soveta po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoy sluzhbe pri polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v Severo-Zapadnom federalnom okruge. 2007. № 2. S. 42–47.

В. Н. НАУМОВ, Д. Д. УЛЬЗЕТУЕВА

СЦЕНАРНЫЙ ПОДХОД К ПРОГНОЗИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ДЛЯ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ПОДГОТОВКУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Ключевые слова:

прогнозирование, метод сценариев, иерархия критериев, собственный вектор, метод анализа иерархий

Key words:

forecasting, the method of scenarios, the hierarchy of criteria, the eigenvector method of analysis of hierarchies

В статье рассмотрен сценарный подход к решению задач краткосрочного и среднесрочного прогнозирования состояния системы высшего профессионального образования. В качестве аналога авторами выбрана задача, решенная Т. Саати в 1980-х гг. для системы высшего образования США. Специфика подхода, предложенного в статье, обусловлена содержанием сформулированных сценариев, выбором переменных и величиной их значений.

This article describes a scenario approach to the short-and medium-term forecasting system of higher education. As an analogue was chosen the model proposed by T. A. Saaty in the 1980's for forecasting the state of the system of higher education in the United States. Specificity of given approach is provided by the content of formulated scenarios, choice of variables and the magnitude of their values.

При оценивании системы высшего профессионального образования следует учитывать, что при выполнении краткосрочного или среднесрочного прогноза необходимо предусматривать различные контрастные сценарии ее развития. Существуют различные методы решения задач прогнозирования, при которых применяются языки формализации различного уровня. При этом, чем больше горизонт прогноза и чем больше степень неопределенности, тем более слабый язык следует выбирать. Для рассматриваемой задачи целесообразно использовать экспертные методы прогнозирования и, в частности, метод сценариев. В настоящей статье выбран ситуационный подход, предполагающий интерпретацию понятия «сценарий», базирующуюся не на динамическом, а на статическом состоянии исследуемой системы и ее среды в будущем. «Ситуационный» подход под сценарием понимает несамопричинно-следственную событийную последовательность, а картину будущей гипотетической ситуации, возникающей вследствие реализации такой событийной последовательности [3].

В основу модели прогнозирования положены такие характеристики, как иерархия влияний на сферу высшего образования, которая предусматривает пять уровней: фокус, факторы, акторы, цели и стратегии системы образования. Данная иерархия учитывает текущие процессы в высшем профессиональном образовании страны, т. к. принятые решения по магистратуре, бакалавриату и организация их исполнения оставляют за учебными заведениями большую степень свободы, что позволяет выбирать свою траекторию образовательного процесса. Кроме того, существующая система менеджмента качества определяет необходимость управления процессами, проектами и др., что требует прогнозирования и моделирования.

Для построения модели с учетом разработок Т. Саати и К. Кернс [1] выявлены сценарии, различающиеся друг от друга направленностью системы образования:

- сценарий «проекция», заключающийся в проекции настоящего на будущее с учетом незначительных изменений;
- сценарий «умение и навыки», предполагающий ориентацию образовательного процесса на приобретение профессиональных навыков. В первую очередь, необходимо обучать будущей профессиональной деятельности, навыкам решения задач, которые стоят перед специалистами данной сферы деятельности. Большинство занятий в этом случае должно иметь практическую направленность. В этой связи особое значение приобретает взаимосвязь процесса обучения с промышленностью, спонсорами. Образовательные учреждения оснащаются современным оборудованием, создаются филиалы или кафедры образовательных учреждений на предприятиях (аналоги вузам) и др. При этом роль научных исследований в образовательном учреждении сравнительно невелика;
- сценарий «обучение для всех», предполагающий обеспечение базового уровня образования, — бакалавриат. Узкой специализации нет, предусмотрена фундаментальная подготовка в широкой области знаний по выбранному направлению. Таким образом, уменьшается доля участия вузов в научных исследованиях, создаются крупные учебные заведения путем объединения более мелких. Роль ведомственных учебных заведений также сокращается. Снижается уровень индивидуализации обучения, не придается должного значения созданию индивидуальных учебных планов. Лаборатории в учебных заведениях в основном оснащаются универсальными средствами образовательных технологий. Уменьшается академическая свобода и преподавателей, и студентов;
- сценарий «обучение для избранных», предполагающий индивидуализацию обучения, ориентацию на подготовку избранных, развитие твор-

ческих способностей, навыков самостоятельно решать проблемы. Создаются технопарки, развивается исследовательская база, в вузах создаются научно-исследовательские лаборатории, выполняющие самостоятельные научные исследования. При вузах создаются научно-исследовательские институты, налаживаются или укрепляются связи с академическими учебными заведениями. Государство поддерживает и дополнительно финансирует так называемые элитные вузы. При этом развивается система магистратуры, аспирантуры. Большое внимание уделяется активности студентов, их самостоятельности, созданию органов самоуправления, различных научных обществ, формируются факультативы, увеличивается число проводимых семинаров, конференций, форумов. Возрастает роль диссертационных советов, повышаются требования к научно-преподавательскому составу, к его ученым степеням и званиям;

- сценарий «государство» заключается в уменьшении доли частных вузов. Большая роль в финансировании принадлежит государству или муниципальным властям, формируются государственные заказы. Существует система распределения выпускников, при этом велика доля госбюджетных студентов. Увеличивается контроль за деятельностью вузов со стороны государства. Возрастает влияние системы контроля, аттестации и аккредитации, уменьшается степень самостоятельности вузов. Выполняются научные исследования по заказу государственных органов, осуществляется связь с промышленностью;
- сценарий «информационные технологии» заключается в ориентации на применение современных средств обучения, развитие учебных лабораторий, формирование дистанционных методов обучения. Увеличивается академическая свобода преподавателей и студентов. Уменьшается доля аудиторного времени в учебном плане, создаются новые методики преподавания: телеконференции, теледебаты и др. Развиваются информационные образовательные системы, формируются информационные хранилища, компьютерные библиотеки, а также система планирования использования образовательных информационных технологий;
- сценарий «только обучение», в котором акцент делается на процессе обучения, научные исследования по фундаментальным проблемам практически не проводятся, основные работы направлены на совершенствование системы образования. Сокращается сеть диссертационных советов. Авторская работа направлена в первую очередь на формирование учебной литературы. Велика доля аудиторных занятий, текущего и промежуточного контроля успеваемости в учебных планах.

Планируются дополнительные аудиторные, в том числе самостоятельные, занятия студентов. Усиливается контроль за студентами со стороны администрации.

Приведенная иерархия позволяет ввести количественные характеристики, оценивающие состояние образовательного процесса, что соответствует сложившимся основным подходам к оценке качества образования [4].

Каждый из рассмотренных сценариев может быть описан переменными состояния образовательного процесса. Данные переменные определяются свойствами сформулированных сценариев. К ним можно отнести следующие показатели: студенты, преподаватели, учебные заведения, образование, правительство и частные спонсоры. Каждая переменная, в свою очередь, может быть также представлена множеством признаков, которые должны быть оценены с помощью какой-либо количественной шкалы. В исследованиях Т. Саати и К. Кернс [1; 2] предлагается использовать числовую шкалу, принадлежащую диапазону $[-8, 8]$. Интерпретация этой шкалы дана в табл. 1.

Таблица 1

Шкала разностей для сравнения значений признаков

Разность в значениях	Определение
0	Значения не изменяются
2 (-2)	Несущественное увеличение (уменьшение) значения
4 (-4)	Существенное увеличение (уменьшение) значения
6 (-6)	Сильное увеличение (уменьшение) значения
8 (-8)	Очень сильное увеличение (уменьшение) значения
1, 3, 5, 7 -1, -3, -5, -7	Промежуточные значения между двумя смежными суждениями

Оценка переменных состояний для каждого сценария выполнена методами экспертного опроса. Результаты оценки по предложенной шкале приведены в табл. 2.

За ноль принимается существующее значение признака. Если значение отрицательное, то свойство, оцениваемое признаком, ухудшается. Если значение положительное, то соответствующее свойство улучшается. Например, для вузов управляющая структура в шестом сценарии принимает значение 8. Это означает, что для данного сценария будет гораздо большая степень административного контроля по сравнению с нынешним положением. С другой стороны, если пройдет третий сценарий (образование для всех), то значимость ученой степени в системе образования незначительно уменьшится (-3) по сравнению с оценкой состояния данной переменной на сегодня.

Оценки переменных состояния по шкале –8... +8 для семи сценариев

Веса критериев	0,099	0,260	0,203	0,165	0,126	0,067	0,079	
	1	2	3	4	5	6	7	
Переменные состояния	Проекция	Умение и навыки	Обучение для всех	Обучение для избранных	Государство	Информационные технологии	Только обучение	Обобщенные веса
Студенты								
Число	-3	3	6	-5	-2	3	-3	0,59
Тип	-2	-3	-5	5	-2	-3	-2	-1,78
Функции	2	-2	0	0	0	-3	3	-0,29
Работа	2	6	-5	6	2	-3	1	1,86
Преподаватели								
Число	-3	3	6	-5	-2	-8	-6	-0,74
Тип	2	0	-3	3	2	3	-5	0,14
Функции	-3	-5	-3	2	-3	-8	-8	-3,42
Обеспеченность работой	-3	2	3	-5	-2	-6	-6	-1,12
Академическая свобода	0	-3	0	3	-2	-6	-8	-1,57
Учебные заведения								
Число	-2	3	3	-5	-2	-6	-2	-0,45
Тип	-2	-6	-5	5	-2	-5	-5	-2,93
Управляющая структура	3	6	4	-3	3	8	8	3,72
Эффективность	3	5	-3	6	-2	-2	0	1,59
Доступность	0	3	8	-5	3	6	2	2,52
Культура и досуг	0	-3	5	5	2	-5	-2	0,82
Денежные средства и другие ресурсы	-2	3	3	-3	0	-2	-5	0,17
Образование								
Учебная программа	2	-3	3	5	2	0	-2	0,95
Продолжительность обучения	0	-5	3	0	2	3	0	-0,24
Значимость ученой степени	-2	0	-3	6	-2	-3	-3	-0,51
Стоимость обучения	5	5	5	6	3	-2	-2	3,89
Исследования, проводимые преподавателями	2	-2	-2	5	2	-5	-6	-0,46

Веса критериев	0,099	0,260	0,203	0,165	0,126	0,067	0,079	
	1	2	3	4	5	6	7	Обобщенные веса
Переменные состояния	Проекция	Умение и навыки	Обучение для всех	Обучение для избранных	Государство	Информационные технологии	Только обучение	
Правительство и частные спонсоры								
Число	2	-3	3	5	2	3	-3	1,07
Квота	0	-5	3	0	2	0	-6	-0,91
Спонсоры	-2	0	-3	6	-2	1	-1	-0,08
Государственные заказы	5	5	5	6	3	2	-1	4,23
Социальные программы	2	-2	-2	5	2	0	-1	0,27
Льгота	-2	3	3	-3	0	-2	-5	0,17

Для количественной оценки каждого сценария с помощью шкалы Саати [1; 2] выполнен расчет локальных приоритетов всех элементов иерархии по отношению к вышестоящему уровню.

В табл. 3 приведены результаты попарного сравнения влияния первичных факторов (экономического, политического, социального, технологического) на фокус иерархии. Данная матрица позволила оценить собственный вектор применительно к максимальному собственному числу λ_{\max} . Значения координат собственного вектора можно рассматривать как локальный приоритет, определяющий значимость влияния фактора на систему образования (фокус иерархии).

Из этой матрицы видно, что экономический фактор доминирует над политическим фактором по степени воздействия на высшее образование.

Аналогичный подход использован для оценки влияния акторов — элементов третьего уровня иерархии на факторы. Четыре матрицы доминирования акторов на факторы иерархии приведены в табл. 4–7.

В результате попарного сравнения всех целей, включенных в четвертый уровень иерархии (цели студентов, преподавателей, администрации, правительства, спонсоров, промышленности), получены шесть таблиц доминирования и соответственно шесть собственных векторов, приведенных в табл. 8–13.

Влияние первичных факторов на высшее образование

Высшее образование	Экономический	Политический	Социальный	Технологический	Собственный вектор
Экономический	1	4	3	5	0,549
Политический	1/4	1	1/3	1	0,106
Социальный	1/3	3	1	2	0,234
Технологический	1/5	1	1/2	1	0,111
λ_{\max}					4,057

Таблица 4

Матрица доминирования влияния акторов на экономику

Экономика	Студенты	Преподаватели	Администрация	Правительство	Спонсоры	Промышленность	Собственный вектор
Студенты	1	3	1/2	1/8	1/5	1/8	0,04
Преподаватели	1/3	1	1/5	1/8	1/6	1/8	0,02
Администрация	2	5	1	1/7	1/3	1/5	0,07
Правительство	8	8	7	1	5	4	0,46
Спонсоры	5	6	3	1/5	1	1/5	0,13
Промышленность	8	8	5	1/4	5	1	0,28
λ_{\max}							6,667

Таблица 5

Матрица доминирования влияния акторов на политику

Политика	Студенты	Преподаватели	Администрация	Правительство	Спонсоры	Промышленность	Собственный вектор
Студенты	1	1	3	1/7	1/5	1/7	0,05
Преподаватели	1	1	5	1/7	1/5	1/7	0,05
Администрация	1/3	1/5	1	1/7	1/3	1/5	0,03
Правительство	7	7	7	1	7	5	0,48
Спонсоры	5	5	3	1/7	1	1/6	0,12
Промышленность	7	7	7	1/5	6	1	0,27
λ_{\max}							7,17

Таблица 6

Матрица доминирования влияния акторов на социальный фактор

Социальные исходы	Студенты	Преподаватели	Администрация	Правительство	Спонсоры	Промышленность	Собственный вектор
Студенты	1	3	3	1/5	1	1/5	0,102
Преподаватели	1/3	1	4	1/5	1/3	1/4	0,064
Администрация	1/3	1/4	1	1/5	1/5	1/5	0,036
Правительство	5	5	5	1	4	3	0,410
Спонсоры	1	3	5	1/4	1	1/3	0,126
Промышленность	5	4	5	1/3	3	1	0,261
λ_{\max}							6,589

Матрица доминирования влияния акторов на технологию

Технология	Студенты	Преподаватели	Администрация	Правительство	Спонсоры	Промышленность	Собственный вектор
Студенты	1	1/7	1/3	1/8	1/8	1/9	0,022
Преподаватели	7	1	7	1/4	1/3	1/5	0,101
Администрация	3	1/7	1	1/7	1/7	1/8	0,033
Правительство	8	4	7	1	2	1/3	0,240
Спонсоры	8	3	7	1/2	1	1/5	0,167
Промышленность	9	5	8	3	5	1	0,437
λ_{\max}							7,036

Таблица 8

Цели студентов

Студенты	Профессиональное обучение	Самообразование	Статус	Собственный вектор
Профессиональное обучение	1	4	7	0,687
Самообразование	1/4	1	5	0,244
Статус	1/7	1/5	1	0,069
λ_{\max}				3,124

Таблица 9

Цели преподавателей

Преподаватели	Работа	Профессиональный рост	Улучшение знаний	Уверенность	Собственный вектор
Работа	1	5	4	6	0,022
Профессиональный рост	0,2	1	1	3	0,101
Улучшение знаний	0,25	1	1	5	0,033
Уверенность	1/6	1/3	0,2	1	0,240
λ_{\max}					4,166

Таблица 10

Цели администрации

Администрация	Традиции	Финансовая уверенность	Собственный вектор
Традиции	1	3	0,022
Финансовая уверенность	1/3	1	0,101
λ_{\max}			2

Таблица 11

Цели правительства

Правительство	Благополучие	Общественный порядок	Люди	Интеллектуальная сила	Технологии	Возможности	Собственный вектор
Благополучие	1	1/5	3	3	5	6	0,208
Общественный порядок	5	1	5	7	8	8	0,506
Люди	1/3	1/5	1	1/2	3	5	0,095
Интеллектуальная сила	1/3	1/7	2	1	3	5	0,114
Технологии	1/5	1/8	1/3	1/3	1	4	0,051
Возможности	1/6	1/8	1/5	1/5	1/4	1	0,026
λ_{\max}							6,563

Таблица 12

Цели спонсоров

Спонсоры	Социальная программа	Знания	Культура	Инвестирование	Собственный вектор
Социальная программа	1	3	3	1/5	0,216
Знания	1/3	1	3	1/3	0,142
Культура	1/3	1/3	1	1/6	0,069
Инвестирование	5	3	6	1	0,574
λ_{\max}					4,311

Таблица 13

Цели промышленности

Промышленность	Люди	Технологии	Прибыль	Стабильность и уверенность	Собственный вектор
Люди	1	1/4	1/9	1/7	0,055
Технологии	4	1	1/7	1/7	0,082
Прибыль	9	7	1	1/3	0,329
Стабильность и уверенность	7	7	3	1	0,535
λ_{\max}					4,308

Полученная система матриц и собственных векторов позволяет проводить анализ ситуационных сценариев. Такая оценка проводится, начиная с вершины иерархии. Для оценки степени важности акторов относительно факторов, влияющих на высшее образование, выполнено умножение справа матрицы собственных векторов акторов относительно каждого фактора на собственный вектор четырех факторов (экономический, политический, социальный и технологический).

$$\begin{bmatrix} 0,04 & 0,05 & 0,10 & 0,02 \\ 0,02 & 0,05 & 0,06 & 0,10 \\ 0,07 & 0,03 & 0,04 & 0,03 \\ 0,46 & 0,48 & 0,41 & 0,24 \\ 0,13 & 0,12 & 0,13 & 0,17 \\ 0,28 & 0,27 & 0,26 & 0,44 \end{bmatrix} \cdot \begin{bmatrix} 0,55 \\ 0,11 \\ 0,23 \\ 0,11 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0,05 \\ 0,04 \\ 0,05 \\ 0,43 \\ 0,13 \\ 0,29 \end{bmatrix} \quad (1)$$

Результат произведения показывает: т. к. на акторы — «правительство» и «промышленность» — приходится $72\% = (0,43 + 0,29) \times 100$ воздействия на факторы, то данные акторы являются основными для анализа прогнозных сценариев. В частности, для этих акторов можно найти важнейшие цели. Для этого нужно умножить собственный вектор целей на соответствующий вес актора.

Результат произведения:
для правительства:

$$0,43 \cdot \begin{bmatrix} 0,21 \\ 0,51 \\ 0,10 \\ 0,11 \\ 0,05 \\ 0,03 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0,09 \\ 0,22 \\ 0,04 \\ 0,05 \\ 0,02 \\ 0,01 \end{bmatrix}, \quad (2)$$

для промышленности:

$$0,29 \cdot \begin{bmatrix} 0,06 \\ 0,08 \\ 0,33 \\ 0,54 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0,02 \\ 0,02 \\ 0,10 \\ 0,16 \end{bmatrix}. \quad (3)$$

Наиболее влиятельными целями для правительства являются благополучие и общественный порядок, а для промышленности — прибыль, вместе со стабильностью и уверенностью. Используя эти четыре цели и нормализуя их веса, можно получить вектор весов, приведенный в табл. 14. Этот вектор применяется для получения весов сценариев.

Последний этап, который необходим для получения весов сценариев, — построение матриц доминирования относительно каждой цели для семи сценариев.

Таблица 14

Обобщенный вектор весов четырех целей

Вес	Цели акторов
0,13	Благополучие
0,32	Общественный порядок
0,21	Прибыль
0,34	Стабильность и уверенность

В табл. 15–18 приведены результаты попарного сравнения сценариев для каждой из выбранных целей.

Таблица 15

Весы сценариев для цели «благополучие»

Благополучие	Проекция	Умение и навыки	Обучение для всех	Обучение для избранных	Государство	Информационные технологии	Только обучение	Собственный вектор
Проекция	1	1/5	1/5	5	1	5	5	0,117
Умение и навыки	5	1	3	7	1	5	5	0,286
Обучение для всех	5	3	1	7	5	5	5	0,359
Обучение для избранных	1/5	1/7	1/7	1	1/5	3	1	0,039
Государство	1	1	1/5	5	1	3	3	0,127
Информационные технологии	1/5	1/5	1/5	1/3	1/3	1	1/3	0,029
Только обучение	1/5	1/5	1/5	1	1/5	3	1	0,043
λ_{\max}								8,445

Таблица 16

Веса сценариев для цели «общественный порядок»

Общественный порядок	Проекция	Умение и навыки	Обучение для всех	Обучение для избранных	Государство	Информационные технологии	Только обучение	Собственный вектор
Проекция	1	1/3	1/5	5	1	3	3	0,125
Умение и навыки	3	1	1/3	5	1	3	3	0,183
Обучение для всех	5	3	1	5	3	5	5	0,365
Обучение для избранных	1/5	1/5	1/5	1	1/5	1/3	1/2	0,033
Государство	1	1	1/3	5	1	5	5	0,181
Информационные технологии	1/3	1/3	1/5	3	1/5	1	1/3	0,049
Только обучение	1/3	1/3	1/5	2	1/5	3	1	0,063
λ_{\max}								7,60

Таблица 17

Веса сценариев для цели «прибыль»

Прибыль	Проекция	Умение и навыки	Обучение для всех	Обучение для избранных	Государство	Информационные технологии	Только обучение	Собственный вектор
Проекция	1	1/5	4	1/5	3	1/3	1/3	0,065
Умение и навыки	5	1	7	1	3	5	5	0,306
Обучение для всех	1/4	1/7	1	1/8	1/3	1/3	1/3	0,029
Обучение для избранных	5	1	8	1	6	5	5	0,345
Государство	1/3	1/3	3	1/6	1	1/4	1/3	0,046
Информационные технологии	3	1/5	3	1/5	4	1	3	0,123
Только обучение	3	1/5	3	1/5	3	1/3	1	0,086
λ_{\max}								7,786

Таблица 18

Веса сценариев для цели «стабильность и уверенность»

Стабильность и уверенность	Проекция	Умение и навыки	Обучение для всех	Обучение для избранных	Государство	Информационные технологии	Только обучение	Собственный вектор
Проекция	1	1/7	7	1/5	1	1/3	1/4	0,056
Умение и навыки	7	1	5	1	5	3	5	0,310
Обучение для всех	1/7	1/5	1	1/8	1/5	1/3	1/4	0,025
Обучение для избранных	5	1	8	1	6	5	5	0,348
Государство	1	1/5	5	1/6	1	3	1/3	0,078
Информационные технологии	3	1/3	3	1/5	1/3	1	1/3	0,068
Только обучение	4	1/5	4	1/5	2	2	1	0,115
λ_{\max}								7,786

Для получения весов сценариев нужно умножить матрицу только что полученных собственных векторов сценариев на вектор весов четырех наиболее важных целей (благополучие, общественный порядок, прибыль, стабильность и уверенность).

$$\begin{bmatrix} \text{благоп.} & \text{порядок} & \text{прибыль} & \text{стаб.} \\ 0,117 & 0,125 & 0,065 & 0,056 \\ 0,286 & 0,183 & 0,306 & 0,310 \\ 0,359 & 0,365 & 0,029 & 0,025 \\ 0,039 & 0,033 & 0,345 & 0,348 \\ 0,127 & 0,181 & 0,046 & 0,078 \\ 0,029 & 0,049 & 0,123 & 0,068 \\ 0,043 & 0,063 & 0,086 & 0,115 \end{bmatrix} \cdot \begin{bmatrix} 0,13 \\ 0,32 \\ 0,21 \\ 0,34 \end{bmatrix} = \begin{bmatrix} 0,088 \\ 0,265 \\ 0,178 \\ 0,206 \\ 0,111 \\ 0,068 \\ 0,083 \end{bmatrix} \quad (4)$$

Таким образом, второй сценарий имеет наибольший вес — 0,255. Этот результат означает, что наиболее предпочтительным является сценарий — «умение и навыки». Примерно таким же весом обладает третий сценарий «обучение для всех», что соответствует в рассматриваемом понимании ориентации на бакалавриат.

Интегрируя эти два сценария, будущее развитие системы высшего образования можно представить следующим обобщенным сценарием.

Узкой специализации не будет. Высшее образование получит направленность на фундаментальную подготовку в широкой области знаний с ориентацией на приобретение профессиональных навыков по выбранному направлению. Велика роль информационных технологий в обучении, лаборатории оснащаются в основном универсальными средствами образовательных технологий. Учебные программы будут направлены на приобретение студентами практических навыков, хотя, возможно, для развития личности было бы полезнее иное. В процессе обучения примет участие больше студентов с посредственными интеллектуальными способностями. Они будут менее активно участвовать в студенческой жизни, однако у них не возникнут проблемы в трудоустройстве после окончания вуза. Стоимость обучения возрастет.

Будет больше преподавателей примерно такого же интеллектуального уровня, как в настоящее время, однако они смогут играть значительно меньшую роль в управлении вузом. Что касается вузов, то их число увеличится, но они станут в меньшей степени ориентированы на научную работу. Исследовательской работы будет меньше. Обучение станет более доступ-

ным, однако вузы будут играть менее значимую роль в организации культурной жизни и досуга. Вузы смогут располагать большими возможностями, чем сейчас, в получении средств и других ресурсов.

Таким образом, рассмотренная модель, основанная на сценарном методе прогнозирования, позволила определить наиболее желательный ситуативный сценарий. Наряду с такой задачей необходимо оценить ресурсные ограничения, риски, что определяет необходимость ввести еще один уровень иерархии, учитывающий выигрыши, возможности, риски и издержки. Такой подход был предложен Т. Саати [2], он позволяет определить не только желательный, но и вероятный результат развития системы высшего образования.

1. *Saati T., Kerns K.* Аналитическое планирование. Организация систем. М.: Радио и связь, 1991.
2. *Saati T. L.* Принятие решений при зависимостях и обратных связях: Аналитические сети. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
3. *Цыгичко В. М.* Прогнозирование социально-экономических процессов. М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
4. *Фокина В. В.* Проблемы управления качеством образовательных услуг в Российской высшей школе // Управленческое консультирование. 2010. № 4. С. 197–205.

References

1. *Saati T., Kerns K.* Analiticheskoe planirovanie. Organizatsiya sistem. M.: Radio i svyaz, 1991.
2. *Saati T. L.* Prinyatie resheniy pri zavisimostyakh i obratnykh svyazyakh: Analiticheskie seti. M.: Izd-vo LKI, 2008.
3. *Tsygichko V. M.* Prognozirovanie sotsialno-ekonomicheskikh protsessov. M.: Knizhnyy dom «Librokom», 2009.
4. *Fokina V. V.* Problemy upravleniya kachestvom obrazovatelnykh uslug v Rossiyskoy vysshey shkole // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2010. № 4. S. 197–205.

П. В. САМЫЛОВ

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ

Ключевые слова:

метод проектов, проектная деятельность, системно-деятельностный подход, общекультурные и профессиональные компетенции

Статья посвящена изучению возможностей использования метода проектов в целях формирования социальных и профессиональных компетенций будущих государственных служащих. Представлена тематика студенческих проектов, а также рассматриваются особенности комплексной оценки их результатов.

Одной из основных современных проблем российского вузовского образования является разработка эффективной модели формирования специалиста в системе «образование — обучение — трудоустройство». Такой подход предполагает решение основных управленческих задач при реализации учебного процесса:

- выполнение основных требований программы обучения в соответствии с образовательным стандартом дисциплины;
- формирование профессиональных навыков при обучении будущего специалиста, которые должны учитываться в соответствии с требованиями рыночных условий.

Key words:

method of projects, project activities, system and activity-based approach, cultural and professional competences

The article is devoted to studying the possibilities of using the projects to create social and professional competencies of future civil servants. Subjects of student projects are presented, as well as the specific features of a comprehensive assessment of their results.

В условиях модернизации высшего образования особое значение приобретают адаптация учебного процесса к реалиям постиндустриального общества, а также совершенствование структуры образования для сохранения лучших традиций подготовки профессиональных элит в соответствии с требованиями рынка труда. В этой связи особое значение приобретает обновление технологий и организации обучения. Важно, чтобы в результате данного процесса получился не просто человек, «напичканный» информацией, — часто избыточной, бесполезной и быстро устаревающей, а индивид, способный к постоянному самообучению, умеющий «добывать» знания.

Особенности образования на современном этапе развития России обусловлены задачами, стоящими перед демократическим и правовым государством, а также требованиями рыночной экономики. Современные процессы развития образования связаны со сменой парадигм: ориентация на знания сменяется компетентностным подходом, в котором заложена идеология интерпретации содержания образования, формируемого от достижения требуемых результатов, а целью становится обеспечение качества образования [1]. В условиях модернизации образования повышаются требования к организации образовательного процесса и актуализируются вопросы использования проектного обучения как образовательного ресурса в формировании общекультурных и профессиональных компетенций студентов вуза.

Сегодня метод проектов является одним из популярнейших в мире, поскольку позволяет рационально сочетать теоретические знания и их практическое применение для решения конкретных проблем. В США, Великобритании, Бельгии, Израиле, Финляндии, Германии, Италии, Бразилии, Нидерландах и многих других странах метод проектов нашел широкое распространение и приобрел большую популярность [2].

В современной системе высшего образования в России доминирует

знание-центрированный подход. Несмотря на то, что элементы системно-деятельностного подхода имеются в теории и практике профессионального обучения, он не представляет целостностной системы в контексте проектной деятельности студентов. Помимо этого, нужен не просто контроль качества обучения студентов, а системный мониторинг качества образования, где бы достигалась системная интеграция условий образования с ориентацией проектной деятельности студентов на творческое саморазвитие конкурентоспособной личности [5].

В связи с этим важным этапом исследования, проводимого в Калужском филиале Северо-Западной академии государственной службы, стало выявление резервных возможностей проектной деятельности спозиции системно-деятельностной ориентации обучения в вузе и ее влияния на развитие общекультурных и профессиональных компетенций студентов — будущих государственных служащих.

В рамках данной статьи мы остановимся только на двух значимых аспектах исследования: во-первых, возможности применения комплексного, системно-деятельностного подхода к реализации метода проекта в образовательном процессе вуза, во-вторых, на комплексной системе оценки результатов проектной деятельности студентов.

Организаторами проектной деятельности студентов вуза выступают кафедры и научно-исследовательские подразделения (лаборатории) учебного заведения в соответствии с их предметной (тематической) направленностью и с учетом междисциплинарного характера проектной работы. Результатом работы студентов являются завершённые проекты, имеющие авторский характер, выполненные индивидуально или в соавторстве, направленные на исследование конкретных социально-экономических вопросов.

Следует выделить несколько типов таких учебных проектов:

- исследовательский проект, предполагающий обоснование актуальности избранной темы, обозначение задач исследования, обязательное выдвижение гипотезы с последующей ее проверкой, обсуждение полученных результатов (при этом используются методы современной науки: лабораторный эксперимент, моделирование, социологический опрос и др.);
- информационный проект, направленный на сбор информации о каком-то объекте, явлении с целью ее анализа, обобщения и представления для широкой аудитории (результатом такого проекта часто является публикация в средствах массовой информации, в том числе в Интернете);
- творческий проект, предусматривающий максимально свободный и нетрадиционный подход к оформлению результатов (это может быть видеоряд, посвященный экономической, коммерческой, социальной тематике, рекламный ролик, видеофильм и т. п.);
- практико-ориентированный проект, нацеленный на профессиональные интересы самих участников проекта или внешнего заказчика (продукт заранее определен и может быть использован в дальнейшей профессиональной деятельности; важным критерием оценки является реальность продукта, его способность решить поставленную проблему на практике).

Приведем примерную тематику направлений исследования. К таким направлениям следует отнести проекты развития:

- сельских территорий (вопросы социального развития села);
- энергосберегающих технологий в регионе и муниципальных образованиях (в системе ЖКХ, в малом и среднем бизнесе и др.);
- транспортной инфраструктуры в регионе и муниципальных образованиях;
- института семьи, решение демографической проблемы в регионе и муниципальных образованиях;

- образования, науки и инновационной сферы в регионе и муниципальных образованиях;
- политических и общественных институтов, форм участия населения в управлении территорий (в том числе развитие ТОС и ТСЖ), электоральной активности избирателей;
- системы подготовки кадров для муниципальной и государственной служб, профессиональной ориентации молодежи, переподготовки кадров для осуществления модернизации экономики конкретной территории;
- российских регионов и муниципальных образований (увеличение инвестиционной привлекательности территории, создание бренда территории, развитие внутреннего туризма и др.);
- духовно-нравственного начала многонационального русского народа, охраны и реставрации памятников истории и культуры.

Все представленные в вузе проекты систематизированы по критериям Е. С. Полат [3]:

1. По предметно-содержательной области: проекты, ориентированные на решение теоретического вопроса конкретного предмета образовательной программы в целях углубления знаний студентов (монопроект), которые носят интегративный характер и направлены на решение актуального практическо-

го вопроса, требующего привлечения знаний студентов из разных научных областей (межпредметный проект).

2. По доминирующей в проекте деятельности: исследовательская, поисковая, творческая, ролевая, прикладная, ознакомительно-ориентировочная.

3. По характеру контактов: проекты, осуществляемые участниками вуза совместно с представителями других организаций города, региона, а также с зарубежными партнерами.

4. По продолжительности: проекты кратковременные, продолжительные.

5. По составу участников: проекты, выполняемые индивидуально, малыми группами, большими группами участников.

Результаты проектной работы студентов рассматриваются по представлению руководителя проекта на заседаниях кафедры. Работа может быть рекомендована для участия в межвузовских, региональных и федеральных конкурсах и олимпиадах. В отдельных случаях по представлению руководителя проекта, при наличии положительного заключения, проектная работа засчитывается в качестве итоговой по профильной дисциплине кафедры.

При этом оцениваются не только «прямые» результаты выполнения проекта с позиции анализа ка-

чества работы (профессиональные результаты), но и «побочные» эффекты от процесса участия студентов в проектной деятельности (личностные достижения и результаты).

Оценка результатов проектной деятельности студентов предусматривает комплексный подход, включающий:

1) внешний экспертный анализ результатов (педагогическая экспертиза и анализ, осуществляемый студентами, не участвующими в данном проекте);

2) самоанализ, который проводится студентами, принимавшими участие в проектной деятельности.

Для внешней оценки используется экспертная карта, включающая критерии оценки оформления и выполнения проекта И. Д. Чечель [4]:

- актуальность темы и предполагаемых решений, практическая направленность и значимость работы; объем и полнота разработок, самостоятельность, законченность, подготовленность предлагаемых решений;
- уровень творчества, оригинальность раскрытия темы, подходов, планируемых результатов;
- аргументированность предлагаемых решений, подходов, выводов, полнота библиографии, цитируемость;
- качество исполнения проекта: оформление, соответствие стан-

дартным требованиям, рубрицирование и структура текста, качество эскизов, схем, рисунков; уровень подготовленности рецензий.

Среди критериев оценки защиты проекта выделяются:

- качество доклада (композиция, полнота представления работы, аргументированность, объем тезауруса);
- уровень знаний по теме (или предмету), эрудиция, межпредметные связи, педагогическая ориентация (культура речи, манера, использование наглядных средств, чувство времени, удержание внимания аудитории);
- ответы на вопросы (полнота, аргументированность, убедительность, дружелюбность, стремление использовать ответы для успешного раскрытия темы и сильных сторон работы);
- деловые и волевые качества докладчика (ответственное решение, стремление к достижению высоких результатов, готовность к дискуссии, контактность).

Для оценки развивающих эффектов проектной работы студентам предлагается карта самоанализа, включающая позиции, связанные с развитием общих и профессиональных компетенций. Особое внимание уделяется познавательным умениям (выявлять проблемы, осуществлять поиск, отбор и анализ

информации, проводить наблюдения, фиксировать результаты, строить гипотезы, исследовать, делать выводы и др.) и коммуникативным умениям (способность работать в команде, высказывать свою точку зрения, слушать, понимать иное мнение, взаимодействовать с партнерами в целях нахождения общего решения и др.).

При таком подходе к анализу результатов проектной деятельности осуществляется попытка связать профессиональные, социальные, общекультурные и личностные умения, формируемые у студентов в процессе выполнения проектов, и компетенции, которыми должен обладать выпускник вуза и которые зафиксированы в требованиях к результатам освоения основной профессиональной образовательной программы.

Таким образом, изучение возможностей использования метода проектов в целях формирования социальных и профессиональных компетенций будущих государственных служащих показало, что

применение данной методики позволяет не только активизировать процесс приобретения и углубления знаний по конкретным предметам, стимулировать творческую активность студентов, но и решать задачи развития личности, содействия профессиональному росту, развитию общекультурных и профессиональных компетенций. Таким образом, проектная деятельность становится средством построения развивающего образовательного пространства конкретного региона за счет выхода на сотрудничество и взаимодействие с другими учреждениями и организациями в городе, регионе, стране, а также за рубежом.

Образовательная среда, насыщенная вариативной проектной деятельностью, отношениями сотрудничества и диалогического взаимодействия, обладающая креативной направленностью, становится средством расширения возможностей и обогащения личностных ресурсов студентов — будущих государственных служащих.

1. Алушкин Ю. А., Самодуров А. А., Яновский В. В. Адаптивные модели образования // Управленческое консультирование. 2006. № 3. С. 153–167.
2. Полат Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 2. С. 3–10.
3. Полат Е. С. Метод проектов на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. 2000. № 3. С. 3–9.
4. Чечель С. И. Метод проектов: субъективная и объективная оценка результатов или попытка избавить учителя от обязанностей всезнающего оракула // Директор школы. 1998. № 4. С. 3–10.
5. Хайруллина Э. Р. Системная ориентация проектно-творческой деятельности на саморазвитие конкурентоспособности студентов, инженеров-технологов. Казань: Центр инновационных технологий, 2007.

References

1. *Alushkin Ю. А., Samodurov A. A., Яновский В. В.* Adaptivnye modeli obrazovaniya // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2006. № 3. S. 153–167.
2. *Polat E. S.* Metod proektov na urokakh inostrannogo yazyka // Inostrannye yazyki v shkole. 2000. № 2. S. 3–10.
3. *Polat E. S.* Metod proektov na urokakh inostrannogo yazyka // Inostrannye yazyki v shkole. 2000. № 3. S. 3–9.
4. *Chechel S. I.* Metod proektov: sub'ektivnaya i ob'ektivnaya otsenka rezultatov ili popytka izbavit uchitelya ot obyazannostey vseznayuschego orakula // Direktor shkoly. 1998. № 4. S. 3–10.
5. *Khayrullina E. R.* Sistemnaya orientatsiya proektno-tvorcheskoy deyatel'nosti na samorazvitie konkurentosposobnosti studentov inzhenerov-tekhnologov. Kazan: Tsentr innovatsionnykh tekhnologiy, 2007.

ЦЗЯН ВЭЙ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ФОНЕ ЕВРОАЗИАТСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова:

эффективность, интеграция, стратегический план, управление, совместный выигрыш

Key words:

efficiency, integration, strategic plan, management, joint profit

Эффективность государственного управления напрямую связана с эффективностью распределения ресурсов. Для того чтобы удовлетворить материальные и духовные запросы населения, правительство страны должно эффективно использовать социальные ресурсы. Автор отмечает, что для успешной евроазиатской государственной интеграции важно выработать концепцию устойчивого развития.

Государственное управление представляет собой комплексную систему, его можно проанализировать исходя из двух типов логики — горизонтальной и вертикальной. Структурирование государственного управления по горизонтали предусматривает разделение на политическое, экономическое, социальное, культурное, военное управление, а также управление окружающей средой и т. д. Первостепенное значение в этом ряду приобретает политическое управление, которое во многом определяет типы организационных структур управления и перспективы их развития. Горизонтальный ракурс затрагивает управление в областях,

Effectiveness of public administration is directly associated with the effectiveness of resource allocation. Government should effectively utilize social resources in order to satisfy material and spiritual needs of population. The author notes, that it is important to develop the concept of sustainable development for successful integration of the Euro-Asian states.

которые оказывают существенное влияние на другие сферы управления. Управление государством по вертикали можно разделить на стратегическое управление, исполнительную власть, управленческий контроль и другие аспекты. Ключевую позицию среди них занимает стратегическое управление, которое обуславливает эффективность исполнительной власти и управленческого контроля. Вертикальный ракурс отличают непростые отношения между верхними и нижними уровнями управления, однако следует отметить, что они тесно связаны между собой, и, в случае ошибки одного звена, это может привести к утрате позиций другого. Эффек-

тивность государственного управления, невзирая на то, горизонтальное оно или вертикальное, зависит от множества факторов.

И, прежде всего, эффективность управления государством — это рациональность распределения ресурсов. Высокая и низкая эффективность управления государством зависит от того, какое место в шкале ценностей населения занимает рациональное использование ресурсов. Для того чтобы удовлетворить растущие материальные и духовные потребности людей, правительство страны также должно эффективно использовать социальные ресурсы. Это предусматривает применение наиболее рационального способа распределения ограниченных ресурсов (например: человеческих, финансовых ресурсов), что позволяет соблюдать стандарты и достигать надлежащих результатов.

Главный фактор создания евроазиатской интеграции

Евроазиатская интеграция — это результат геополитических, культурных и исторических факторов. В настоящее время идет процесс интеграции, в результате которого различные районы, преодолевая существующую на сегодняшний момент разобщенность, формируются, взаимодействуя друг с другом. Политические контакты, научно-технические, информацион-

ные обмены, денежное обращение позволяют человечеству непрерывно развиваться, превращая мир в единое целое.

Если обратиться к анализу геополитических факторов, следует отметить, что Евразия является самым большим континентом в мире, имеющим тесные территориальные связи. Россия и Китай — это две самые большие страны по площади в Евразии, которые имеют общую границу. Сотрудничество этих двух стран может повлиять на их политическое и экономическое развитие. С точки зрения геополитики, Россия находится между двумя культурными центрами — востоком и западом, являясь мостом, соединяющим евроазиатский континент, и играя решающую роль в формировании внешней политики. Это государство относится не только к восточной, но и к западной цивилизации. Россия должна не только уделять внимание развитию отношений со странами Европы, но и укреплять сотрудничество с государствами Азии, обеспечив сбалансированное и совместное развитие курса двусторонней политики в Евразии. Русский философ Бердяев отметил следующую особенность России: «В России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть

света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное» [1].

Главной характерной чертой культуры России является синтез культурных особенностей востока и запада. Эту страну отличают глубокие исторически корни и важные геополитические факторы: мост, разделяющий два континента, — восточный и западный — объединяет в себе восточные и западные традиции. Китай — это большая страна в Азии, которая реализует прогрессивную форму государственного управления. Соседство России и Китая и их преимущество в геополитике являются фундаментальными факторами в развитии отношений между странами. Русско-китайские взаимосвязи позволяют играть решающую роль в процессе евроазиатской интеграции.

Если проанализировать культурные факторы, следует отметить, что Россия и Китай являются родной европейской и восточной цивилизаций. Процесс мировой интеграции основывается на культурном взаимовлиянии китайской конфуцианской культуры и русской православной церковной культуры. Во-первых, конфуцианская и христианская культуры, обладающие такими характерными чертами, как спокойствие и сдержанность, прошли большой путь истории. Эти две культуры счита-

ют традиции, людей разных сословий и не навязывают свой взгляд другим. Во-вторых, русская и китайская культуры — культуры прагматичные. Интеграция государства и церкви, светской и религиозной жизни обладает практическим опытом, позволяющим учитывать изменения современного общества и впитывать в себя лучшие традиции другой культуры. Конфуцианская культура существенное внимание уделяет модели государственного управления. В конфуцианской культуре развитие прогресса и человечества — понятие, лежащее в основе любого исследования. Отличительная черта развития русской культуры — это вбирание опыта восточно-европейской цивилизации. Конфуцианская культура обладает в высшей степени духовностью, в Китае есть храм «Уважение трех религий»¹ (сочетающий в себе такие религии, как буддизм, конфуцианство, даосизм). Конфуцианская культура Китая никогда не относилась отрицательно к иностранному влиянию, а впитывала его в себя, сохраняя при этом свой самобытный путь развития. Таким образом, объединенная культура восточной и европейской цивилизации может служить объединению Евроазиатского континента.

¹ Храм «Уважение трех религий» расположен на горе Кунтун в провинции Ганьсу.

Отношения между Россией и Китаем в разные исторические эпохи были различными. Но благодаря развивающимся традициям дружеского сотрудничества отношения между двумя странами стали прочными и успешными. Первая коммунистическая партия Китая и Советский Союз эффективно взаимодействовали, обеспечивая друг другу поддержку в области финансов, боеприпасов, стратегий. В начале создания КНР Советский Союз оказывал большую поддержку Китаю, начиная от вложений инвестиций до технологической помощи, от подготовки персонала до культурных обменов. На протяжении нескольких десятилетий Россия и Китай совместно строили определенную модель сотрудничества, и в настоящее время этот процесс по-прежнему не останавливается, обретая все более широкие рамки: повышается технико-экономический прогресс, совершенствуется система военной обороны, углубляется сотрудничество в области торговых инвестиций и многих других областях. Темпы укрепления сотрудничества между Китаем и Россией, Украиной, Казахстаном, Таджикистаном и другими странами в области нефти, природных ресурсов постоянно растут. Особое оживление в международных отношениях в последнее время вызвал рост торговых связей между странами евразийского региона.

Как уже указывалось ранее, Россия и Китай, а также сопредельные районы играют большую роль в процессе мировой интеграции. Евроазиатская интеграция непрерывно развивается и способствует установлению межрегиональных связей, что, в свою очередь, обуславливает дальнейший прогресс в развитии человечества. Китай и Россия, а также сопредельные государства имеют определенный опыт в области стратегического сотрудничества, навык взаимодействия по многим направлениям, что, безусловно, должно привести к мировой интеграции. Таким образом, процессы осуществления интеграции стран евроазиатского континента могут послужить примером для всех народов мира.

Эффективность государственного управления в процессе евроазиатской интеграции

Если не рассматривать вопрос эффективности государственного управления в процессе евроазиатской интеграции на горизонтальном и вертикальном уровнях, то можно просто ответить на три вопроса: «Что делать?», «Как делать?», а также «Кому это выгодно?». Эти вопросы определяют эффективность стратегического планирования, результативность управления, реализацию общих задач в процессе интеграции.

Ответ на вопрос «Что делать?» определяет уровень эффективности стратегии. При выработке стратегии необходимо учитывать принципы научности, всесторонности и точности. Научный подход важно применять с учетом объективной реальности. Всесторонность предусматривает системный подход. Точность обуславливает рассмотрение стратегических позиций, необходимых для эффективного решения разного рода проблем процесса интеграции, что позволяет своевременно устранять различные противоречия, сглаживать разногласия, возникающие в процессе сотрудничества между странами. В частности, таким образом следует рассматривать структуру, план и тип сотрудничества между государствами, а также применение данного принципа важно при создании и соблюдении международной нормативно-правовой базы, формировании корпоративных организаций на всех уровнях. Стратегический план — это залог развития правильного курса. Он отвечает на вопросы: как и какие направления сотрудничества развивать, какие совместные проекты необходимо регулировать.

Государственное управление на фоне евроазиатской интеграции затрагивает такие аспекты, как политика, экономика, общество, технологии, идеология, образование, культура, ресурсы, защита окружающей среды и многие другие. Дан-

ные сферы государственного управления регулируются на международном уровне, уровне отдельного государства, на региональном и местном уровнях. Поэтому необходимо думать о текущих стратегических планах с учетом всеобщих тенденций развития стран Евразии, принимая во внимание различия политических систем, различный уровень их экономического развития, а также их различное историческое и культурное наследие. В этой связи для осуществления эффективности государственного управления на фоне евроазиатской интеграции особое значение приобретает применение научного подхода к выработке основ стратегического управления интеграционными процессами. При этом Евразия должна рассматриваться как единое целое, а для построения международных отношений и совместного развития необходимо проводить анализ системы и планирования.

Ответ на вопрос «Как делать?» акцентирует внимание на том, как эффективно применять различные сферы государственного управления. Данный вопрос определяет евроазиатское сотрудничество в процессе разработки законов, проектов, программ и т. д. на основе соблюдения принципа безопасности, непрерывности, научного подхода к принятию решений. В реализации принципа бесперебойности имеют большое значение законо-

положения и выработанный политический курс. Безопасность — это гарантия достижения ожидаемых результатов после реализации стратегического планирования. При этом важно, чтобы управление и исполнительная власть взаимодействовали, руководствуясь в своей деятельности такими показателями, как важность, срочность, решали такие вопросы, как единое планирование, налаживание всесторонних отношений, внедрение эффективной системы контроля исполнения поручений. Страны Евразии должны проводить в жизнь непрерывное координирование целей, способствующих дальнейшему развитию международного сотрудничества.

Вопрос «Кому это выгодно?» обращает внимание на объединение потенциалов стран. В процессе евроазиатской интеграции и совместного строительства перед всеми странами стоит вопрос об ограниченности ресурсов, в связи с этим их рациональное использование определяет эффективность сотрудничества в целом. С одной стороны, нужно эффективно использовать ресурсы, чтобы свести к минимуму их потери. С другой стороны, необходимо создать полноценную систему распределения ресурсов, т. е. минимизировать потери ресурсов, а также снизить их дефицит. Каким образом, например, в процессе импортирования нефти и природного

газа можно сократить их потери? Это проблема предусматривает решение ряда технических вопросов. Если уменьшится нерациональный расход природных ресурсов, то от этого выиграют все страны. Эффективное распределение ресурсов означает, что в будущем только максимально нуждающиеся районы будут их получать и наиболее рационально их использовать. Особая нехватка ресурсов в евразийском регионе наблюдается в странах Азии, где большая плотность населения, поэтому необходимо коллективно определять, каким образом поддерживать справедливые условия конкуренции. Распределение ресурсов является самым острым вопросом, и поэтому нужно искать оптимальные способы распределения, что будет способствовать гармоничному развитию отношений между странами, а также их социальному развитию.

Идея непрерывного развития — эффективный путь повышения государственного управления евроазиатской интеграции

Сегодня по-прежнему ощущаются последствия международного финансового кризиса. Евроазиатская интеграция способствует укреплению международных обменов и сотрудничества, что помогает странам с наименьшими потерями выходить из международного фи-

нансового кризиса. Если на практике реализовать идею непрерывного развития, это приведет к повышению уровня жизни населения в странах в рамках евроазиатской интеграции.

Процесс непрерывного развития приведет к улучшению экологии, экономичному расходу энергетических ресурсов, технических инноваций. Непрерывное развитие — процесс важный для всего человечества. Прошлая история цивилизаций во многом определяет наше сегодняшнее развитие.

Улучшение экологии в процессе евроазиатской интеграции является общим стремлением государств, основным направлением правительства контроле экономики. Такого рода контроль позволяет увеличить приток новаторских идей в области технологий энергосбережения и внедрить их, продвигать развитие экологической сферы промышленности, стимулировать программы по озеленению городов. Экономические возможности каждой страны Евразии имеют огромный потенциал.

Экономичный расход энергетических ресурсов — это общая ответственность всех стран евроазиатской интеграции. Такие проблемы, как загрязнение окружающей среды, водных ресурсов, должны активно решать страны Евразии путем регулирования отраслевой структуры промышленности и уменьшения

расхода потребления энергетических ресурсов. С одной стороны, существуют международные законодательные требования, с другой — при рассмотрении общеполитической обстановки в стране, исторической ответственности и многих других факторов появляются новые идеи развития отдельных государств. В рамках непрерывного развития эффективно осуществляются не только общие, но дифференцированные принципы ответственности.

Технические инновации — это эффективный путь развития каждой страны в процессе евроазиатской интеграции. Основная производительная сила — передовые научные технологии. Каждая страна Евразии, научившаяся экономично расходовать энергетические ресурсы, защищать окружающую среду, находить новые источники энергии, должна эффективно сотрудничать в области высоких технологий, расширять предыдущий опыт и применять его на практике в области экономического и социального развития. Инновации являются движущей силой национального развития. Кроме того, важнейшую роль в возрождении экономики Евразии играют такие факторы, как эффективная охрана имущественных прав, а также укрепление технических обменов и совместного сотрудничества. Если развитые страны Евразии смогут развивать технологии

и будут действовать в рамках повышения открытости рынка и сокращения себестоимости товаров, это будет способствовать эффективности процессов евроазиатской интеграции.

В ходе сотрудничества между странами Евразии неизбежно возникает разобщенность, неправильное понимание. Поэтому всем странам необходимо развивать обмены, укреплять взаимопонимание, сотрудничество, совместно изучать идею устойчивого развития. В области политики необходимо соблюдать принципы взаимного уважения, равноправия и содействовать демократизации международных отношений. В области экономики важно расширять совместное сотрудничество, дополняя друг друга,

способствовать процессам интеграции для достижения сбалансированности развития и обоюдного выигрыша. Большое значение приобретает обмен опытом в области культуры, позволяющий находить точки соприкосновения, ценить культурное многообразие. В области экологии необходимо преодолеть нерациональное использование ресурсов. Совместный диалог стран играет большую роль в области научных достижений, взаимных инвестиций, уменьшения долговых обязательств и др. Только с учетом деятельности в вышеприведенных направлениях можно видеть дальнейшие пути развития эффективности государственного управления на фоне евроазиатской интеграции.

1. *Бердяев Н. А.* Русская идея: Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. М., 1997.

References

1. *Berdyaev N. A.* Russkaya ideya: Osnovnye problemy russkoy mysli XIX veka i nachala XX veka. M., 1997.

О. И. ЧЕКМАРЕВА

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ МУНИЦИПАЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Ключевые слова:

муниципальное образование; показатели социально-экономического развития, уровни социально-экономического развития, муниципальная статистика, индикатор

Key words:

municipality; indicators of social and economic development, levels of social and economic development, municipal statistics, the indicator

В статье рассматриваются основные проблемы, связанные с оценкой уровней социально-экономического развития муниципальных районов и сельских поселений. Автор обосновывает необходимость выявления и применения новых показателей для определения степени социального и экономического развития муниципальных образований и входящих в их состав территориальных единиц.

The article examines the main problems associated with assessing levels of social and economic development of municipalities and rural settlements. The author justifies the necessity of identifying and using new indicators to measure the social and economic development of municipalities and territorial units comprising them.

С переходом к рыночным отношениям, усилением конкуренции возрастает потребность в получении более объективной информации, необходимой для обеспечения процесса прогнозирования социально-экономического развития муниципальных образований. Современное состояние муниципальной статистики не соответствует возрастающим потребностям в получении информации в ходе проведения исследований. Все более остро встают проблемы количественной и качественной оценки социально-экономического положения и развития муниципальных образований. Эти проблемы связаны с тем, что

социально-экономическое положение муниципальных образований не всегда, но зачастую является следствием внешних, не зависящих от деятельности муниципалитета условий; отсутствует общепринятая система соответствующих показателей и интегральных критериев; используются одни и те же показатели при оценке разных территорий, а возможность применения методики комплексной оценки уровня социально-экономического развития, базирующейся только на специфических показателях, может быть ограниченной.

Поэтому возникают вопросы. Что именно и в каких единицах не-

обходимо измерять? Как можно отделить оценку социально-экономического развития муниципальных образований сельских поселений от соответствующей оценки социально-экономического положения территории всей России? Как организовать сбор необходимой информации (при условии труднодоступности специфической статистической информации)?

Сложность получения необходимой (дополнительной) статистической информации за счет специализированных государственных источников приводит к тому, что ряд организаций, занимающихся муниципальной проблематикой, пытается собственными силами наладить сбор муниципальной социально-экономической статистики для решения конкретных задач. В рамках федеральной целевой программы поддержки развития муниципальных образований разработкой основ муниципальной статистики занимался Институт государственного управления и кадровой политики Российской экономической академии им. Г. В. Плеханова. В результате в 1998 г. была создана «Система основных показателей для анализа и прогнозирования социально-экономического развития муниципальных образований» и «Методика анализа и прогнозирования социально-экономического развития муниципального образования» [3]. На наш взгляд, разрабо-

танная система представляет собой важные, с точки зрения адаптации муниципальной статистики к реалиям рыночных отношений, методические разработки. Источником информации о социально-экономическом положении муниципальных образований может также послужить выпущенный учеными-регионалистами В. Н. Лексиным и А. Н. Швецовым труд, в котором представлены сопоставимые за ряд последних лет данные приблизительно по 100 показателям, характеризующим социально-экономическую ситуацию в 600 городах и в 1900 муниципальных районах всех субъектов РФ [2].

Проблема использования информационных ресурсов (таких как официальные сайты муниципальных образований, справочники, отчеты глав муниципалитетов о социально-экономическом развитии, публикуемых в местных газетах, и т. д.) заключается в их ограниченной насыщенности, в них публикуются только самые общие сведения. Получение статистических данных через статистические органы также несет ряд трудностей. Так, отношения между территориальными статистическими комитетами и органами местного самоуправления, как правило, строятся на жесткой, формальной основе. Поставщики статистической информации — муниципалитеты — не заинтересованы в координации ра-

боты со структурами «Росстата» (в создании информационных баз, к которым они фактически не будут иметь доступа). Поэтому, как следствие, статистическая информация, поступающая в ответ на запросы органов статистики, часто оказывается неполной или не вполне достоверной.

Другая проблема заключается в том, что статистическая информация, собираемая «Росстатом» и поступающая к «потребителю», является весьма ограниченной (особенно это касается информации по муниципальным районам и сельским поселениям). «Паспорт муниципального образования» является практически единственным комплексным информационным ресурсом, характеризующим социально-экономическую ситуацию в муниципальных образованиях. Недостатком этого ресурса является то, что данные предоставляются «с опозданием», при этом не во все муниципальные образования поступает одинаковая статистическая информация.

При формировании системы комплексных показателей, характеризующих социально-экономическое положение муниципалитетов, необходимо учитывать проблему неравенства в уровнях развития территорий. Следует различать экономическое и социальное неравенство как отдельных категорий, так и в их взаимной связи. «Экономическое» неравенство происходит за

счет концентрации экономической деятельности в местах, которые обладают преимуществами, позволяющими снижать издержки бизнеса. Районы, которые не обладают явными конкурентными преимуществами, отстают в своем развитии даже при значительной государственной поддержке. В области реализации социальной политики на сегодняшний день основную выравнивающую роль играет повышение оплаты труда в бюджетной сфере. Директор региональных программ Независимого института социальной политики, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова Н. В. Зубаревич отмечает, что для смягчения неравенства нужны два условия: достаточно высокий уровень экономического развития страны и эффективная политика государства. В России помимо отсутствия данных факторов есть еще один фундаментальный барьер — существенные территориальные различия качества населения и уровня модернизации образа жизни [1, с. 168].

Устранение различий между статистическими данными, собираемыми, например, в разрезе субъектов Федерации и местных административно-территориальных единиц, а также выявление дополнительного перечня статистических данных и разработка на их основе новых показателей, наиболее полно отражающих социально-экономическое положение муниципальных

образований, — вопрос, который на сегодняшний день остается открытым. По каждой из составляющих социально-экономического развития может быть приведено множество данных, количество которых зачастую исчисляется сотнями, а в совокупности — тысячами показателей. Приблизительный перечень статистических показателей, характеризующих социально-экономическое положение муниципальных образований, утвержден «Постановлением Госкомстата России» и содержит более 190 групп индикаторов и первичных данных¹.

В России, в основном, делается акцент на две группы показателей:

- данные, характеризующие инвестиции в основной капитал (объем, динамика, структура);
- сведения об иностранных инвестициях, с выделением их в составе прямых, портфельных и прочих.

Основная проблема применяемых показателей заключается в том, что при этом отсутствуют сопоставимые ряды данных с начала 1990-х гг. В отношении инвестиций в основной капитал «Госкомстат России» изменил методику расчета. Если до 1998 г. данные публика-

лись по полному кругу предприятий, то в последующий период — только по крупным и средним предприятиям, а официальные данные по иностранным инвестициям в регионах появились только с 1995 г.²

С одной стороны, существует мнение, что количество показателей, характеризующих социально-экономическое положение муниципальных образований, должно быть дополнено, и для комплексной оценки необходимо применять разнообразные показатели в их взаимной связи. С другой стороны, некоторые специалисты считают, что в целом должен существовать один критерий оценки. Например, для оценки уровня развития национальной экономики может применяться один критерий, такой как — ВВП на душу населения. Недостатком «шаблонной оценки» и применения обобщенных показателей является то, что анализируемые показатели могут быть хорошо адаптированы на уровне России, но гораздо хуже на уровне области, муниципальных районов, сельских поселений, и, таким образом, в них не будут проследиваться различия территорий.

На наш взгляд, для каждого типа муниципального образования должна быть разработана своя система

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_14p/Main.htm (дата обращения: 12.03.2011).

² Энциклопедия местного самоуправления: интернет-журнал для профессионалов местного самоуправления // Обнинск Сити. On-line издания. URL: <http://rels.obninsk.com>. (дата обращения: 12.03.2011).

показателей, которые будут различными для разных целей анализа. Для решения этой задачи необходимо выделить все ключевые сферы жизнедеятельности местного сообщества и из них разработать индивидуальную систему показателей, которая бы позволила рассмотреть развитие территорий во взаимной связи с уровнем жизни населения. Проблема формирования системы показателей, необходимой для комплексной оценки уровня социально-экономического развития территорий муниципальных образований, не имеет однозначного решения, т. к. определяется множеством индивидуальных факторов и условий. Важную роль при оценке уровня социально-экономического развития муниципальных образований играет разнообразие внешних и внутренних факторов, включающих в себя и ресурсный потенциал, и структуру производства территорий, и социальную инфраструктуру, которые, в свою очередь, определяют уровень и качество жизни населения.

Актуальным направлением может стать разработка информационных форм-моделей, позволяющих осуществлять: предварительный, более глубокий анализ положения муниципального образования; оценивать ожидаемый эффект проводимых мероприятий; осуществлять мониторинг выбранных программ развития. Система

комплексной оценки социально-экономического положения муниципального образования должна включать: совокупность частных, интегральных, сравнительных показателей, подсистему сбора и обработки показателей, подсистему мониторинга «социального самочувствия» населения. Оценка будет основываться на данных, полученных в результате: сбора и обработки частных показателей, расчета интегральных показателей, расчета сравнительных показателей, анкетирования населения, обработки результатов анкетирования, итоговой оценки результатов анкетирования, сравнения результатов расчетной и экспертной оценок, определения комплексной итоговой оценки.

Оценивая социально-экономическое положение территории, необходимо учитывать целый ряд показателей, которые включают в себя: демографические показатели, оценку экономического состояния предприятий, функционирующих на данной территории, частных хозяйств граждан, уровень предпринимательской активности, базу налогообложения, объем привлекаемых инвестиций, платежеспособность населения, обеспеченность населения социально значимыми услугами, наличие банковской сферы, состояние систем образования, здравоохранения (т. е. обеспеченность поликлиниками, аптеками, больни-

цами, диагностическими центрами и услугами скорой помощи).

Эффективность системы здравоохранения должна оцениваться, в первую очередь, по состоянию здоровья населения, а не по количеству обращений к врачу или по «количеству коек в стационарах на тысячу жителей» [4]. Применяя определенную систему показателей в оценке социально-экономического положения территории, необходимо руководствоваться рядом принципов:

1. Система применяемых показателей должна носить комплексный характер. При условии, что муниципальное образование рассматривается в комплексе с входящими в его состав территориальными единицами, показатели должны отражать ситуацию во всех сферах экономики и состояние социальной среды.

2. Должен быть соблюден принцип «полноты охвата» в сочетании с относительно простой системой выбранных показателей. Качественная оценка в этом случае должна предусматривать обработку больших объемов информационных ресурсов и как следствие — привлечение значительных сил и средств на их обработку.

3. Статистическая информация должна быть максимально достоверной, сопоставимой во времени и пространстве.

4. Показатели, характеризующие социально-экономическое

развитие муниципального образования, должны быть доступными, что является важнейшим условием привлечения инвесторов и создания эффективной маркетинговой программы.

5. Используемые показатели должны быть «однозначно интерпретируемы», т. к. это является решающим условием сопоставимости значений показателей.

Международными организациями разработаны подходы к оценке социально-экономического развития территории, которые рассматривают, в том числе, и такие аспекты, как равенство возможностей в экономической сфере, свобода выбора, качество оказываемых услуг и т. д. Уровень экономического развития выбранной территории, как правило, соотносят с уровнем получаемого дохода.

Таким образом, можно сделать такой вывод: большая часть существующих показателей, применяемых для оценки социально-экономического положения муниципальных образований, перешла к нам из экономики эпохи социализма. Принятый набор показателей зачастую используется различными исследователями «по инерции» и чаще всего для подтверждения или опровержения субъективных экономических или социальных теорий, поскольку в условиях, когда федеральный центр включает в круг своего внимания только субъекты РФ и отка-

зывается от прямого взаимодействия с муниципальным уровнем, правила игры (критерии оценки) от субъекта к субъекту разнятся очень сильно. К тому же, мы сталкиваемся с проблемой недостаточности статистической информации по отдельным отраслям. При этом возникает вопрос некорректности получаемых результатов из-за использования стандартного набора показателей, не учитывающих различия в социально-экономическом положении муниципальных обра-

зований. В то же время, необходимость в выработке наиболее общих критериев оценки в этой сфере кажется вполне очевидной. С другой стороны, вряд ли можно говорить и о единственном глобальном всеохватывающем критерии оценки, целесообразнее было бы поставить вопрос о едином методе или методике в оценке уровней социально-экономического развития муниципальных образований и входящих в их состав территориальных единиц.

1. *Зубаревич Н. В.* Проблема социального неравенства регионов: возможно ли реальное смягчение // *Управленческое консультирование*. 2009. № 3. С. 154–169.
2. *Лексин В. Н., Швецов А. Н.* Муниципальная Россия: социально-экономическая ситуация, право, статистика (энциклопедический справочник): в 5 т. М., 2001. Т. 1.
3. *Лекции по экономике города и муниципальному управлению*. М., 2004.
4. *Шишкин С. В.* Здравоохранение и образование России: логика и направления реформ // *Управленческое консультирование*. 2005. № 2. С. 161–177.

References

1. *Zubarevich N. V.* Problema sotsialnogo neravenstva regionov: vozmozhno li realnoe smyagchenie // *Upravlencheskoe konsultirovanie*. 2009. № 3. S. 154–169.
2. *Leksin V. N., Shvetsov A. N.* Munitsipalnaya Rossiya: Sotsialno-ekonomicheskaya situatsiya, pravo, statistika (entsiklopedicheskiy spravochnik): v 5 t. M., 2001. T. 1.
3. *Lektsii po ekonomike goroda i munitsipalnomu upravleniyu*. M., 2004.
4. *Shishkin S. V.* Zdravookhranenie i obrazovanie Rossii: logika i napravleniya reform // *Upravlencheskoe konsultirovanie*. 2005. № 2. S. 161–177.

В. Э. ШЛЯПЕНТОХ

О ФОРМИРОВАНИИ НОВОЙ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ

Ключевые слова:

российская элита, политическая элита, правящая элита, система ценностей общества, модернизация

Key words:

Russian elite, political elite, ruling elite, society value system, modernization

Автор, анализируя вопросы происхождения политической элиты России и мотивации ее деятельности, приходит к выводу о необходимости формирования в стране новой демократической правящей элиты, способной провести глубокую модернизацию общества и вывести страну на прогрессивный путь развития.

The author while analyzing the problems of origin of political elite in Russia and motivation of its activity states the necessity of formation of the new democratic ruling elite in the county, capable to provide deep modernization of the society and progress of the country.

Российская история XX в. является замечательной иллюстрацией тезиса о том, что элиты в советское время за короткий срок и коренным образом меняли ценности населения, и убедительно опровергает взгляд о «непробиваемой ментальности русского народа»¹.

Начнем рассмотрение данного утверждения с этапа победы советской власти после Октябрьской революции. За короткий исторический период большевики сумели существенно разрушить такие ведущие ценности дореволюционного общества, как частная собственность, религия, ксенофобия, включая антисемитизм, и создать уважение к таким ценностям, как социализм, коллективизм, общественная

собственность, плановая экономика, дружба народов, партия, наука и ряд других. Большевики полностью изменили в сознании большинства отношение к дореволюционной истории и создали свои иконы, вроде Октябрьской революции, гражданской войны, Ленина.

А с какой легкостью Сталин в 1940–1950-е гг. внедрил в сознание масс русский шовинизм и антисемитизм! В течение короткого исторического времени интернационалистическая идеология была вытеснена новой, прямо противоположной. Подавляющее большинство русских стало исповедовать новые взгляды на национальные отношения не только на партийных собраниях, но и дома на кухне с самыми близкими друзьями. Кремль без труда внедрил в массовое сознание абсолютно новую

¹ Подробнее см.: [2].

трактовку русской истории, которая полностью ликвидировала тот ее вариант, который преподавался в XX в.

После 1985 г. М. Горбачев и либералы (а до этого оппозиционная элита в 1960-е г.) произвели новую революцию ценностей в обществе. Они сумели существенно подорвать уважение к общественной собственности и плановой системе, к государству, силам безопасности, армии, и внушить значительной части населения почтение к универсальным ценностям, сурово преследуемым советской властью, — демократии и рыночной экономике, политическим свободам и частной собственности. При этом вновь был произведен почти полный пересмотр отечественной истории, принятый значительной частью общества.

С приходом к власти В. Путина произошло очередное изменение структуры ценностей населения. Существенно выросла значимость таких позитивных и негативных ценностей, как главенствующая роль государства в жизни общества, вера в величие России и ее ключевую роль в мировой политике, в особый путь исторического развития России и в авторитаризм как наиболее приемлемую форму российского политического устройства, презрение к западной политической модели и к демократии.

Рисуя крайне непривлекательный образ среднего россиянина,

Л. Гудков и Б. Дубин вменяют ему среди других негативных черт также острую ксенофобию и антизападные, особенно антиамериканские настроения, веру в то, что «Россия — в кольце врагов»¹. Поразительно, что они оба буквально ни слова не сказали в своем анализе о том, что антизападные, антиукраинские и антигрузинские лозунги внедрялись в массовое сознание средствами массовой информации, изображая дело так, словно некая стихийная ксенофобия стала распространяться снизу и затем внедрилась во «властные отношения, силовые структуры, образование, в культуру и телевидение».

Быстрое изменение ценностей под давлением элит в других странах

Активная роль элиты в изменении структуры ценностей является универсальным явлением. Самый разительный пример из новейшей истории — это трансформация ценностей в послевоенной Германии и особенно Японии, которая была успешно осуществлена за короткий срок оккупационной администрацией. Действительно, сейчас трудно встретить японского или иностранного автора, который бы отрицал, что американской военной адми-

¹ См.: Липский А. Фоторобот российского обывателя // Новая газета. 2008. 28 августа.

нистрации удалось за небольшой период времени создать новый менталитет населения Японии. Но это не отрицает сохранения многих элементов традиционной японской культуры и не мешает тому, что демократические ценности прочно вошли в ментальность населения страны.

Изменение ценностной структуры населения под давлением элит происходит почти непрерывно в США и Европе. В короткий период под влиянием государственных учреждений, СМИ, кинематографа, школы и колледжей, американцы и европейцы изменили свои взгляды на расовые отношения, положение женщин в обществе, экологию, брак и секс.

Можно привести много других примеров, показывающих, как быстро лидеры могут и обновить общество, и почти полностью его погубить. Первый тезис могут иллюстрировать события в штате Бихар. Этот индийский штат был символом глубокой экономической и культурной отсталости в стране. Уровень преступности и коррупции был одним из самых высоких в Индии. Однако когда в 2005 г. к власти пришло новое руководство, которое отстранило от власти коррумпированного политика, занимавшего свой пост 15 лет, в штате произошло индийское «чудо». Преступность и коррупция были резко снижены, а экономический рост

сделал Бихар вторым в стране штатом по экономическому прогрессу¹.

С другой стороны, режим Р. Мугабе был способен в конце прошлого века превратить относительно процветающую страну Зимбабве в общество ужасов, террора и нищеты, уничтожив экономику, здравоохранение, образование. Рядом с этой страной находится Ботсвана — небольшая страна со схожими культурой и традициями, которую правящая элита превратила в модель успеха для всего континента².

Еще более разительный пример негативного влияния лидера на состояние общества, ибо идет речь о ведущей европейской стране, представляет Италия, в которой президенту С. Берлускони, являвшемуся одновременно владельцем главных каналов телевидения, удалось за одно десятилетие практически разрушить демократические институты страны. Он сумел сделать итальянскую судебную систему беспомощной и неспособной привлечь его к ответственности за очевидную коррупцию в огромных размерах и заставил парламент принимать законы, обеспечивающие ему полный иммунитет. Берлускони без особых проблем «избрал» в парламент дюжину женщин

¹ Polgreen L. Turnaround of India State Could Serve as a Model // The New York Times. 2010. April 10.

² Kristof N. Zimbabwe and the Causes of African Poverty // The New York Times. 2010. April 10.

свободного поведения и своих любовниц, а также личных адвокатов, докторов и бухгалтеров. Итальянские журналисты назвали нынешнюю политическую систему в стране «проститутократией» и не видят путей, как страна может от нее избавиться. Тот факт, что при Берлускони страна стала быстро деградировать (в 2007 г. итальянская экономика росла медленнее, чем в других 29 странах Европейского союза), не создал никакой серьезной угрозы режиму¹.

Еще один пример из истории изменений системы ценностей на уровне государства связан с послевоенным переделом мира, когда были образованы две Германии, две Кореи, два Вьетнама и два Китая. С какой поразительной быстротой система ценностей двух обществ с одними и теми же традициями дрейфовала друг от друга! Когда западные и восточные немцы в 1989 г. встретились друг с другом, они не могли поверить, что у них общее многовековое прошлое, хотя, наверное, и обнаружили некоторую общность менталитета. Руководство ГДР и условия жизни в тоталитарном обществе создали одну систему ценностей, в то время как американская военная администрация — другую.

Индуцирование новых ценностей в массовое сознание воплощается элитами и, прежде всего, пра-

вляющей политической элитой для того, чтобы осуществить реальные изменения в жизни общества — уничтожение старых институтов и создание новых. Вряд ли у кого-то вызовет сомнение тот факт, что советское общество с его новыми институтами было создано большевистской элитой за удивительно короткий срок. По сути, советская система с момента, как она сформировалась в первые пять лет после Октября, существенно не менялась. Да и те изменения, которые происходили в советском обществе после 1953 г., всегда были делом рук тех, кто имел доступ к рычагам власти. Все изменения в российском обществе после 1991 г. были только результатом действий Кремля: от внедрения рыночных цен до отмены выборов губернаторов.

Неверно полагать, что в демократических обществах инициирование изменений происходит «снизу», демократическим образом. На самом деле разница между авторитарной и демократической системами состоит в том, что в одном случае народ прямо не может влиять на решения элит, а в другом — с помощью голосования одобряет или отвергает изменения, предлагаемые сверху, идущие от политической, экономической и культурной элит.

Роль элит и избирателей в инициировании изменений в США очень интересно наблюдать на примере того, как Белый дом пытается

¹ *Stille A.* The corrupt reign of emperor Silvio // The New York Review of Books. 2010. April 8.

изменить здравоохранение в стране. Большинство американцев или выступали против реформы, или относились к ней очень скептически. Движение «снизу», так называемая «партия чаепития» была решительно против каких-либо изменений. По сути, реформа была одобрена благодаря активности Белого дома и руководству Палаты представителей вопреки воле большинства американцев. Все другие важные нововведения в американской жизни в последние десятилетия (защита прав меньшинств и женщин при принятии в университеты и на работу, защита прав инвалидов, борьба с курением, неправильным питанием и многое другое) были результатом деятельности правящей либеральной элиты страны.

Откуда политическая элита

На мой взгляд, нет более неверных и несправедливых утверждений, чем «каждый народ заслуживает своего правительства» и «каков народ, такова и элита». Многие российские авторы, цитируемые мною, прямо или косвенно склоняются к этой точке зрения. Она находит поддержку и у ярых либералов, таких как Л. Радзиховский или В. Новодворская, и у откровенных апологетов Кремля, таких как Г. Павловский или С. Марков.

На самом деле всякая элита, политическая в том числе, по определению не представляет народ. Взять,

например, социально-демографические характеристики политической элиты. Ни в одной стране элита даже близко не похожа на среднего представителя населения страны, какой бы показатель ни взять — образование, национальность, профессиональный опыт, родители, имущество, вкусы и все остальное. Это справедливо не только для наследственной элиты (некоторые неверно считают, что нет элиты без наследственности), но и для новой элиты. Люди, которые добрались до верхних эшелонов власти, даже если они дети рабочих и крестьян, уже в детские и школьные годы радикальным образом отличались от своих сверстников — по уровню энергетики, морали или интеллекта. Трудно утверждать, что большевистское руководство хотя бы отдаленно напоминало среднего россиянина. Даже стабильная брежневская элита никак не могла быть представлена как выборка из населения страны. Это же справедливо и для постсоветской элиты. Среди членов элиты при В. Путине, согласно расчетам О. Крыштановской, в 2002 г. было 100% лиц с высшим образованием, 21% — имеющих ученую степень, 27% — с военным образованием, 23% — получивших образование в элитных вузах, 21% — земляков главы государства [1, с. 269]. Да и тех, кто пришли к власти в 1991 г., также нелепо отождествлять с населением страны.

Несомненно, культурные традиции семьи, школа и улица будут оказывать влияние на ментальность будущего члена элиты и на его язык; это хорошо видно на примере В. В. Путина или В. С. Черномырдина. Но как только люди оказываются у власти, они отходят от той среды, в которой они проходили так называемую социализацию, хотя ее влияние нельзя полностью сбросить со счетов.

Состав новой политической элиты бывает разным, в ней зачастую присутствуют представители старой элиты и новые люди. Пропорциональное соотношение тех или иных представителей крайне важно для общества, потому что носителями изменений все-таки в первую очередь являются люди с иным прошлым, чем представители старой элиты. Особое значение имеет вопрос о том, кто именно окажется во главе государства — человек из прошлой элиты или тот, кто с ней воевал. То, что во главе новой России стал Б. Н. Ельцин, оказалось, в конечном счете, роковым для демократизации общества. Он не только разогнал демократически выбранный парламент, но и организовал свое переизбрание в 1996 г., используя свой «административный ресурс». Не говоря уже о том, что он властвовал, как авторитарный лидер, готовый разогнать Думу при малейшей опасности для его власти. Это Ельцин определил

вектор России в политическом развитии и, по сути, направил страну на путь разнузданной коррупции.

Известный тезис, приписываемый разным авторам, о том, что каждый народ заслуживает правительство, которое имеет, обычно аргументируется ссылками на большевистский и нацистский режимы. Действительно, в обоих случаях к власти пришли люди, которые воспользовались недовольством масс существующим положением. Однако ни русские, ни немцы не делегировали новым лидерам ни проведение коллективизации, ни массового террора или холокоста. Как только лидеры в обеих странах получили в свое распоряжение власть, они сделали ее неограниченной и получили возможность проводить политику в соответствии со своими идеалами, обеспечивать с помощью страха и монополии на идеологию поддержку населения. Так и русские, избрав Ельцина, не делегировали ему распространение коррупции и произвола бюрократии.

Мотивация элиты

Конечно, можно исходить из того, что все члены новой элиты хотят как можно дольше наслаждаться властью и теми привилегиями, которые она обеспечивает. Правда и то, что элиты не равнодушны к своему национальному и международному престижу и к своему месту в истории. Однако члены элиты су-

щественно отличаются друг от друга способами, которыми они хотят достичь своих целей.

Если говорить только о новой элите, которая пришла к власти в России в посткоммунистический период, то в ней можно выделить три категории людей: чистых «карьеристов», враждебных всему, что представляет опасность их власти, экономических реформаторов и демократов.

Огромную роль играет идеологическое прошлое членов новой элиты. Если до появления у власти люди были вовлечены в деятельность по защите своих идеалов и подвергались преследованиям за это, если в обществе их имена ассоциировались с борьбой за эти идеалы, то существует большая вероятность, что, придя к власти, они по-прежнему будут их защищать, а не откажутся от них. Как бы ни оценивать сегодня деятельность большевиков, нельзя не отметить, что большая часть из них была идеалистами и хотела перевернуть мир, рискуя своей жизнью.

Среди зародившейся после 1991 г. элиты было немного истинных энтузиастов создания нового российского демократического общества, было больше тех, кто озабочен созданием рыночной экономики, рассматривая демократизацию как ее побочный продукт. Концентрация только на экономических преобразованиях существен-

но уменьшает риск потери власти в случае демократизации. Посмотрите, какова динамика элит в Восточной Европе после падения коммунизма, где экономические и политические преобразования шли рука об руку. И сравните с Россией, где новая элита незначительно менялась после 1991 г., что подтверждает правильность ориентации ее курса на экономические реформы, но не на политические. Отсюда и популярность у российской элиты «китайской модели»: жесткое сохранение политической власти в комбинации с экономическими преобразованиями.

По сути, в России победу среди новой элиты одержала чисто «материалистическая» карьеристская ориентация, лишенная всякой идеологии инноваций. Большинство в руководстве общества получили люди, озабоченные только своей властью и обогащением. В элите оказались либо бывшие аппаратчики, начиная с члена Политбюро Ельцина, либо рядовые научные работники или новые предприниматели. По данным О. Крыштановской, 70% представителей элиты в постсоветской России были выходцами из партийного и советского аппарата [1]. Необычайно высокой, по сравнению со странами Восточной Европы, оказалась доля «красных директоров» среди владельцев новых предприятий (10% против 2% в Чехии, Польше и Венгрии) [3, p. 166].

Ни один бывший диссидент не был допущен в руководство страны — поразительный контраст с тем, что произошло в Восточной Европе после победы «бархатных революций», когда к власти пришли люди, такие как Л. Валенса и В. Гавел. А ведь сам Е. Т. Гайдар — знамя экономических реформ — не только был активным сотрудником ведущих партийных органов «Коммунист» и «Правда», но и партию покинул только в 1991 г. Даже активисты перестройки играли очень скромную роль в высшем руководстве страны при Ельцине. Участие Г. Старовойтовой в качестве советника президента Ельцина — единственный, слабо опровергающий наш тезис, пример. При В. Путине обе группы людей, которых можно было считать носителями каких-либо идеалов — рыночных или демократических — начисто исчезли из правящей элиты. При том, что его реальная политика резко противоречила имперской идеологии [см.: 4; 6].

При отсутствии в новой посткоммунистической элите даже небольшой группы людей с демократическим прошлым движение страны в сторону от демократии было предрешено. И в этом два обстоятельства сыграли решающую роль. Во-первых, даже та небольшая группа людей в правящей элите, которая хотела реализовать свои прежние идеалы, видела свою главную задачу

в модернизации экономики и рассматривала задачу демократизации страны как второстепенную, декларировав (как Е. Гайдар или А. Чубайс) свою приверженность к ней. Большая часть элиты, включая экономических реформаторов, пришла во власть с глубоким презрением к рядовым людям, что было характерной чертой коммунистической элиты со времен Ленина. В то же время понимание необходимости изменения экономики было присуще и новой, и советской элите. Ведь все советские лидеры, начиная с В. И. Ленина, проявляли полную удовлетворенность существовавшей при них политической системой, но всегда были недовольны экономической.

Второй фактор, который сблизил всех членов новой элиты — как бывших у власти ранее, так и впервые оказавшихся в ней, — приватизация, открывшая им возможность стать богатыми и нанеся смертельный удар перспективам демократии в стране. Приватизация была у истоков возникновения новой экономической элиты России, которая сформировалась как из числа бывших аппаратчиков и «красных директоров», их родственников и друзей, так и из числа научных работников и подпольных бизнесменов. Почти все они, как только обрели богатство, за редким исключением, были врагами тоталитарного государства, но одновременно

и противниками настоящей демократии. Почти все они исповедовали олигархическую (или феодальную) идеологию, которая обеспечила им взаимопонимание с политической элитой, также отвергавшей демократические идеалы [5].

Дело в том, что новая элита, которая пришла к власти в 1991 г., попала в западню, которую почти никто не смог избежать, особенно потому, что ее жертвой оказался и сам Ельцин, новый руководитель страны, и его ближайшее окружение. Большевицкая элита не имела такого соблазна, ибо национализация собственности делала невозможным для нее «ухватить» имущество старого класса. Она могла рассчитывать только на определенные привилегии, которые заканчивались с уходом с должности и не передавались потомству. Некоторое оживление собственнических настроений у аппаратчиков низшего уровня во время НЭПа (бесконечно слабое по сравнению с 1990 гг.) было подавлено Кремлем самым беспощадным образом.

Иначе развивались события в 1990-е гг. Если бы в новой элите руководящая роль принадлежала лицам с демократической и аскетической ориентацией, то искusstва собственности был бы, вероятно, преодолен, как это произошло в Восточной Европе, хотя и там было не все гладко на этот счет. Другой ход событий имел бы место, если бы

СМИ обладали свободой, с самого начала стояли на страже закона и обличали бывшую номенклатуру и «новых русских» в незаконном захвате собственности, как это было в Восточной Европе [3, p. 166]. Однако этого не произошло, и новые элиты — политическая, экономическая и даже культурная — почти единодушно включились в процесс обогащения, который почти всегда носил более или менее криминальный характер.

Приватизация привела к мощному слиянию власти и больших денег, и коррупция стала нормальным явлением общества. В результате этого процесса абсолютное большинство должностных лиц (от главы муниципалитета в небольшой деревне до губернаторов и министров, от скромного милиционера или сотрудника ФСБ до генералов в армии, а также значительное количество представителей крупного бизнеса) были людьми, совершившими уголовные преступления и незаконно овладевшими частной собственностью.

* * *

Главная причина нынешних проблем России и слабые перспективы для модернизации общества лежат в характере политической элиты страны. Глубока ошибка тех, кто объясняет нынешнее положение страны главным образом ментальностью россиян и русскими

традициями. Стечение разных обстоятельств (включая и некоторые традиции) привело к тому, что во главе страны оказалась люди, глубоко враждебные всяким серьезным изменениям в стране, т. к. они несут

прямую угрозу их власти и собственности. Только в том случае, если России удастся сформировать новую демократическую правящую элиту, она может вернуться на стезю прогресса.

1. *Крыштановская О.* Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.
2. *Шляпентох В. Э.* Влияние элиты на структуру ценностей россиян // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 63–76.
3. *Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.* Making Capitalism without Capitalists. L.: Verso, 2000.
4. *Shlapentokh V. E.* Aggressive Foreign Policy, an Instrument for the Legitimization of Putin's Regime. Georgia's Case // The Cornell International Affairs Review. 2009. Vol. II. № 2.
5. *Shlapentokh V. E.* Big Money as an Obstacle to Democracy in Russia // Journal of Communist Studies and Transitional Politics. 2008. Fall. P. 512–530.
6. *Shlapentokh V. E.* Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007.

References

1. *Kryshtanovskaya O.* AnATOMiya rossiyskoy elity. M.: Zakharov, 2005.
2. *Shlyapentokh V. E.* Vliyanie elity na strukturu tsennoyey rossiyan // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2011. № 1. S. 63-76.
3. *Eyal G., Szelenyi I., Townsley E.* Making Capitalism without Capitalists. L.: Verso, 2000.
4. *Shlapentokh V. E.* Aggressive Foreign Policy, an Instrument for the Legitimization of Putin's Regime. Georgia's Case // The Cornell International Affairs Review. 2009. Vol. II. № 2.
5. *Shlapentokh V. E.* Big Money as an Obstacle to Democracy in Russia // Journal of Communist Studies and Transitional Politics. 2008. Fall. R. 512–530.
6. *Shlapentokh V. E.* Contemporary Russia as a Feudal Society: A New Perspective on the Post-Soviet Era. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007.

Н. В. РАЗУВАЕВ

ГОСУДАРСТВО КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Ключевые слова:

государство, государственные институты, философско-правовая категория, философия права

Key words:

state, state institutions, philosophical and legal category, philosophy of law

Статья посвящена вопросам обоснования правомерности применения философско-правовых методов изучения государства и государственных институтов. Автор приходит к выводу, что размежевание правоведческой и государствоведческой проблематики при изучении категории государства противоречит основным тенденциям современного познания.

The article is devoted to the validity of philosophical and legal methods application to state and state institutions studying. The author concludes that dissociation of jurisprudential and political problematic while investigating the category of state contradicts with main tendencies of contemporary knowledge.

Последние десятилетия развития отечественной правовой мысли характеризуются растущим интересом к разработке философско-правовых проблем. Будучи вполне естественной реакцией на этатизм и «одномерный» позитивизм, царившие в советской юридической доктрине [20], философско-правовой метод изучения государства и государственных институтов, с одной стороны, значительно расширил горизонт видения этих вопросов, введя в поле зрения юристов фундаментальные проблемы, изучение которых длительное время считалось прерогативой «чистых» философов. С другой же стороны, активность (равно как и актуальность) философско-правовых изыс-

каний во многом ограничивается нерешенностью ряда основополагающих вопросов, без ответа на которые, как представляется, невозможен и сам философско-правовой дискурс. К их числу принадлежит, в частности, определение предметного поля философии права и, следовательно, круга базовых категорий данной дисциплины.

Помимо прочего, речь идет о том, относится ли к сфере предметных интересов философии права (и юридической науки вообще) государство или же оно, обладая собственными природой и сущностью, является объектом таких наук, как социология, политология и, соответственно, социально-философской и политико-философской ка-

тегорией [32, с. 9]. Как известно, именно среди сторонников «философского» подхода к юридическим явлениям наблюдается особенно активное стремление размежевать право и государство, исключив последнее из числа юридических феноменов. При этом право вполне справедливо рассматривается в качестве «необходимой формы свободы равенства и справедливости в общественной жизни людей» [20, с. 1], т. е. как царство свободы *par excellence*. С другой стороны, государство (и этот тезис остается неизменным с советских времен) понимается как институциональное выражение публичной политической власти¹, иными словами, как царство необходимости в чистом виде, из чего делается вывод о качественной нетождественности права и государства. Оставляя пока в стороне обоснованность и научную (а тем более философскую) продуктивность такого суждения,

¹ См.: [8; 12; 13; 33; 34]. Тесная и неразрывная взаимосвязь государства и политической власти констатируется не только в российской, но и в зарубежной философской, социологической и юридической литературе. С другой стороны, сама категория власти значительно шире, чем власть государства, и не исчерпывается последней (см.: [4; 5] и др.). В любом случае крайне проблематичным и трудно доказуемым является тезис о том, что именно власть, к тому же ни на что, кроме самой себя не опирающаяся, как некое «чистое», метафизическое властвование, выступает сущностью государства. См. подробнее: [24, с. 34–48; 25, с. 68–82].

зададимся вопросом: насколько целесообразно исключать государство из числа правовых явлений и — как следствие — из сферы философско-правового рассмотрения?

Как известно, в классической философской традиции, от Античности до Нового времени, государство рассматривалось как явление юридическое, обуславливающее правовую дефиницию. Наиболее показательным в этом смысле является приписывавшееся Платону определение государства как множества людей, подчиняющихся единому закону [22; 1, с. 444, 461–462; 36, с. 20; 7, с. 74; 11, с. 354; 6, с. 279]. Таким образом, именно в ракурсе философского (как общего, так и специального, философско-правового) анализа конституируется неизменная *сущностная* связь права и государства. Более того, эта связь осознавалась также античными и средневековыми юристами [20, с. 529–539, 545–551; 9, с. 291–310; 10, с. 54–69]. Данное обстоятельство, на наш взгляд, объясняется характерными особенностями традиционных государств (к числу которых относились все государства эпохи Древнего мира и Средних веков). В традиционном государстве политическая власть проистекала из принадлежавшего ему права собственности на землю, составлявшую территорию государства², при

² См. подробнее: [25].

этом правовая, а точнее сказать, частноправовая природа государственной власти выступала с особой наглядностью.

Лишь в трудах позитивистски ориентированных ученых конца XIX столетия, т. е. в условиях перехода от традиционного к современному государству, впервые появляется известная триада признаков (власть, народ, территория) [30, с. 224]¹, вплоть до наших дней так или иначе воспроизводимая во всех определениях государства [24, с. 20–24]. С другой стороны, еще Б. Н. Чичерин, следуя западноевропейской либеральной традиции (которую он достаточно противоречивым образом пытался сочетать с гегелевским этатизмом), стремился выявить правовую суть государства, и эту суть он видел в политической свободе граждан, базирующейся на принадлежащем им как членам гражданского общества праве собственности. По словам мыслителя: «Гарантия личных прав возможна и без политической свободы, но последняя дает им высшее обеспечение. *Политические права составляют завершение всего юридического здания*» (курсив авт.) [35, с. 672]. И лишь XX в. с его опытом

чудовищных тоталитарных диктатур, лишенных всякого правового основания, создал представление о будто бы имеющей место сущностной противоположности права и государства.

Однако задача состоит не в том, чтобы обосновать правовую природу и сущность государственности, а в том, чтобы показать принципиальную применимость философско-правового дискурса к изучению государства, учитывая никем не оспариваемую взаимосвязь последнего с правом и всем комплексом юридических явлений. Следует также рассмотреть вопрос правомерности применения философско-правовых методов к изучению государства и государственных институтов². В этой связи следует предварительно обратиться к специфике философского дискурса, отличного от дискурса научного. Наш взгляд, грань между двумя видами интеллектуальной деятельности лежит в плоскости *монолог — диалог*.

Любая наука монологична в самой своей основе, причем это касается не только естественных, но и гуманитарных наук, в том числе юриспруденции. Монологизм су-

¹ Заметим, что даже при таком понимании государства власть рассматривается лишь как один из его внешних, формальных признаков, а не как сущностная характеристика, т. е. вопрос о сущности государства в конечном итоге остается открытым.

² Не оспаривая значимости политических процессов, выступающих социальным базисом государства, мы, вместе с тем, полагаем, что при философском анализе государства как юридического явления, политические аспекты властвования следовало бы оставить вне рамок рассмотрения.

шественно влияет на методологию наук, их исследовательский инструментарий, а также на способы изложения, экспликации полученных результатов. Нельзя не согласиться с утверждениями В. С. Библера, который, характеризуя образ научного мышления эпохи Нового времени, писал: «Даже диалог с другими здесь осуществляется в форме монолога, доказательства <...> Изобретение идей должно быть опущено в дологическое подземелье, внутренний спор должен уничтожить самого себя, в теории не должно остаться следов ее происхождения. Если это получается, значит теория готова к употреблению и может поступать в распоряжение практики, в оборот внешнего общения» [3, с. 72]. Иными словами, с научной точки зрения (по крайней мере, в традиционном ее понимании) вполне логично и правильно «отсекать» все лишнее, не вписывающееся в понятийный и смысловой ряд, разрушающее единство и целостность выстраиваемой наукой картины действительности.

Совершенно иначе дело обстоит с философским дискурсом. Уже в античную эпоху (ярчайшее подтверждение чему дают труды Платона) сложилось представление о диалогичности, открытости и принципиальной незавершенности философского мышления. Это представление становится неоспоримым в современную эпоху, которую мож-

но охарактеризовать как время крушения великих философских систем, претендующих на всеобщность и конечную истинность. В таких условиях единственно возможным способом философствования становится диалог. Диалогизм современной философии обуславливается, помимо всего прочего, ее антропологической направленностью. Иными словами, не только способ, но и предмет философской рефлексии имеет диалогический характер. В самом деле, человеческое бытие является открытым, незавершенным, т. е. в подлинном смысле *диалогичным*. На это, в частности, обращал внимание Ф. Иоханнес, по словам которого: «Открытость к миру реализуется в целом ряде ответов, которые, изменяя собственную экзистенцию человека, являются вызовом миру <...>: один раз человек переоценивает свой вес, уполномочивая себя на господство, в другой раз перевес признается за миром, а человек адаптируется к нему. Но на самом деле налицо *диалогическое отношение*» (курсив авт.) [38, с. 68–69].

Именно эта диалогичность находится в поле зрения всех специальных философий и ориентированных на философское познание научных дисциплин, прежде всего антропологии, основной задачей которой (разделяемой с иными социальными и гуманитарными науками) является, по справедливому

утверждению Кристофа Вульфа, познание Другого, Инаковости [5, с. 79]¹. Представляется, что такая диалогическая установка может считаться весьма продуктивной для научного познания, поскольку создает предпосылки для взаимодействия различных областей знания, их междисциплинарного сотрудничества и синтеза. При этом необходимым условием междисциплинарности, диалога является именно философский подход, поскольку философия не просто пребывает вне предметных рамок отдельно взятых научных дисциплин, но и получает свои, наиболее значимые результаты, находясь на границах между ними. Данное обстоятельство подчеркивал, в частности, М. М. Бахтин, предварив свои заметки (известные как «Проблема текста») следующими словами: «Приходится называть наш анализ философским прежде всего по соображениям негативного характера: это не лингвистический, не филологический, не литературоведче-

ский или какой-либо иной специальный анализ <...> Положительные же соображения таковы: наше исследование движется в пограничных сферах, т. е. на границах всех указанных дисциплин, на их стыках и пересечениях» [2, с. 306].

Учитывая сказанное, можно сделать вывод о том, что философско-правовое познание не составляет исключения из общего правила. Его целью также является обеспечение дисциплинарного синтеза правоведческих и государствоведческих наук. По сути, именно в задачи философии права входит, как представляется, осмысление тех многообразных диалогических связей, которые складываются между правом и государством в современном мире (равно как и в диахронической ретроспективе). В первом приближении можно наметить три круга проблем, непосредственно относящихся к сфере философско-правового исследования. Среди них центральным, на наш взгляд, является *историческое и логическое соотношение права и государства*. Здесь, как известно, существует три основных точки зрения. Согласно первому (позитивистскому) подходу, государство первично, а право имеет место там и постольку, где и постольку есть государственная власть. В силу этого «право есть следствие власти, которая в обязательном порядке включает в себя элемент силового принуждения. Если произ-

¹ От себя заметим, что цель философского и гуманитарно-научного познания состоит, в конечном счете, не только в осмыслении Иного, но в приведении его к некоему (хотя бы и весьма относительному) тождеству со Знакомым, без чего познание чего-то принципиально чуждого, на наш взгляд, все-таки невозможно. Философии здесь отводится критическая функция, заключающаяся в выявлении относительности, несовершенства подобного рода уподоблений, открывающая, в свою очередь, для познания дальнейшие перспективы.

вольная власть может обходиться без права, то право есть атрибут организованной власти» [30, с. 316; 16, с. 351; 39, р. 23]¹. Второй подход — либертарно-юридический — отстаивает приоритет права перед государством как в системном, так и в историческом планах, поскольку «не право — следствие официально-властной общеобязательности, а, наоборот, эта общеобязательность — следствие права» [21, с. 10–11]. Наконец, согласно третьему компромиссному варианту, право и государственная власть есть «равноправные» в социальном плане величины, а потому вообще нет смысла ставить вопрос, что из них первично [27, с. 169]. По словам И. Сабо, «государство и право находятся друг с другом в функциональном единстве: одно предполагает другое, одно является элементом другого» [27, с. 169].

Поскольку ни одна из перечисленных точек зрения не получила до сих пор решающего перевеса, есть все основания утверждать, что ни данные эмпирической науки, ни догматическая юриспруденция этот спор разрешить не могут, т. к. истоки его целиком и полностью лежат в сфере философии права. Соответственно и всякая аргументация может разворачиваться лишь с опорой на философское умозрение и

будет оцениваться, прежде всего, с точки зрения присущих ей внутренней логики и смысла (что, однако, не только не исключает, но, более того, предполагает необходимость широкого привлечения данных специальных наук: юриспруденции, истории, антропологии, социологии и т. п.). Иными словами, более «сильную» позицию в данной дискуссии будет занимать наиболее продуктивный в философско-правовом отношении подход.

Очевидно, что позитивистские концепции в различных их вариантах явно не соответствуют выдвинутому критерию, ибо, выводя право за рамки понятия государственной власти, они не только лишают его собственного онтологического статуса, но и делают бессмысленной какую бы то ни было философскую рефлексию в отношении как права, так и государства [20, с. 58]. Весьма уязвима также и компромиссная точка зрения на соотношение права и государственной власти. Утверждая, что государство и право, с одной стороны, имеют одинаковый онтологический статус, а с другой — включают в себя друг друга в качестве элементов, сторонники указанного воззрения просто уходят от ответа на вопрос, создавая порочный логический круг. К тому же, если даже применительно к современному обществу такой подход может считаться оправданным хотя

¹ Следует заметить, что в настоящее время остается все меньше авторов, последовательно придерживающихся такой позиции.

бы эвристически, то для историко-юридического познания он явно непродуктивен. Вот почему, как представляется, именно признание первичности права не только создает условия для философско-правового дискурса, но и позволяет поместить государство в широкий правоведческий контекст, рассматривая его как юридическое в основе своей явление. Неслучайно такого представления придерживаются те ученые, которые, подобно А. В. Полякову, полагают, что право «возникло раньше государства и существование его возможно без государства. Но государство без права существовать не может» [23, с. 529].

Второй основополагающей философско-правовой проблемой, получившей основательную разработку как в зарубежной, так и в отечественной литературе, является соотношение права и закона [19]. Согласно распространенной в российской философии права точке зрения, ее предметом как раз и является различие и соотношение права и закона (понимаемого в общем смысле) [20, с. 2]. По словам В. С. Нерсисянца: «Под *правом* в его различении с законом имеется в виду право как сущность<...>, а под *законом* как официально-властным явлением <...> — все *позитивное право* <...> Иными словами, под законом в контексте различения права и закона имеется в виду закон в собирательном смысле, т. е. все то, что

обладает законной силой, является официально обязательным» [20, с. 2–3]. Подобная дихотомия имеет значение не только в философско-правовом плане. Различение права и закона является весьма плодотворной предпосылкой для решения некоторых актуальных теоретико-правовых проблем. Речь, в частности, идет об уточнении смысла категории источников права, соотношении источников и форм права [28, с. 187–198], а также — источников позитивного и «естественного» права [17; 37, р. 3–16; 40, с. 20–32].

Однако для философии права данная проблема имеет самостоятельное и исключительно большое значение. Будучи явлением духовной культуры, право обладает ценностным измерением [14], и потому всякая позитивация права, его закрепление в виде закона (либо любой иной внешней формы) предполагает экспликацию правовых ценностей как обязательное предварительное условие. Представляется, что именно ценностное измерение закона, его соответствие принятым в рамках определенной цивилизации ценностям, выступает критерием истинности любого закона, что, собственно, и позволяет говорить о единстве аксиологического и гносеологического аспектов в праве¹. Но, как известно, сами

¹ Об истинности права и различных ее интерпретациях см.: [15, с. 38–115].

ценности многозначны, они могут по-разному восприниматься не только одним и тем же обществом в разные периоды времени, но и одновременно разными социальными группами, общественными слоями и даже индивидами — в зависимости от уровня воспитания, культурного развития и конкретных интересов. Соответственно, именно в задачи философии права входят критическая рефлексия существующих в обществе ценностных представлений (в этом аспекте она в известной мере смыкается с социологией права) и формулирование на данной основе единого общезначимого содержания базовых юридических ценностей.

Наконец, третий комплекс проблем (тесно связанный с двумя вышеуказанными) касается *бытия права в государстве*, или, иначе говоря, *правового бытия государственности*. Если согласиться с мыслью о том, что государство как таковое представляет собой правовое явление, выступая в качестве институционального выражения действующего в обществе правопорядка¹, возникает вопрос, не решаемый, по-видимому, на основе эмпирических данных науки: всякое ли отдельно взятое государство во всех его проявлениях с непреложностью связано с правом, пусть даже косвенным и несовершенным образом,

или же сущностная связь права и государства проявляет себя далеко не во всех конкретно-исторических условиях и зависит от множества факторов, в том числе и от особенностей формы правления и политического решения.

Если не брать чисто позитивистские трактовки, которые вообще обходят стороной данный вопрос, а потому не нуждаются в специальном рассмотрении, то можно выделить две основные точки зрения. Согласно первой (и более распространенной), хотя взаимная связь права и государства имеет место во все эпохи и в любых политических условиях, наиболее тесной и всеобъемлющей она становится лишь в современном мире с возникновением демократического правового государства. Таким образом, выявление правовой сущности государства есть в той или иной мере поступательный диалектический процесс, который, то ускоряясь, то замедляясь, направлен к конечной искомой цели — правовому государству. В таком случае оказывается совершенно необъяснимым с юридической точки зрения опыт тоталитарных диктатур минувшего столетия: следует ли государства, в которых господствуют такие диктатуры, также считать (пусть и в конечном счете) базирующимися на правопорядке и насколько они вообще совместимы с каким бы то ни было правопорядком?

¹ См. подробнее: [26, с. 65–66].

Суть другой позиции состоит в том, что в качестве государства может и должна рассматриваться не любая институциональная организация политической власти, а лишь такая, которая адекватно для своих исторических условий соответствует праву как всеобщей мере свободы, равенства и справедливости, т. е., иными словами, всякое государство, в котором реализуются хотя бы минимальные для данного уровня развития общества требования права, является «правовым». Государство неправовое (такое, например, как восточные деспотии) вообще не соответствует критериям государственности. Именно такую точку зрения отстаивал Кант в своей знаменитой дефиниции: «Государство (*civites*) — это объединение множества *людей, подчиненных правовым законам*» (курсив авт.) [11, с. 354]. Задолго до него аналогичную мысль высказывал Августин, писавший: «Государство без справедливости, что это, как небольшая шайка разбойников?» [10, с. 19]. Представляется, что при всех своих недостатках подобное понимание данного понятия логически является наиболее последовательным, ибо позволяет согласовать право и государство в их сущностных характе-

ристиках. Во всяком случае, такой подход позволяет избежать искусственного противопоставления права как «царства свободы» государству как «царству необходимости». Едва ли можно оспорить внутреннюю логику утверждения (неважно, солидарны мы с ним или нет), согласно которому «право и государство возникают не как аппарат организованного насилия и не для насилия <...>, а для признания, утверждения и защиты свободы <...>». Это подтверждается и всем последующим прогрессом свободы в исторически развивавшихся государственно-правовых формах, вплоть до правовой государственности наших дней» [18, с. 236].

Итак, мы имеем все основания полагать, что государство является в основе своей юридическим феноменом, при этом данная категория занимает важное место среди философско-правовых понятий. Размежевание (тем более на философском уровне) правоведческой и государствоведческой проблематики повлечет за собой их ограничение узко дисциплинарными рамками, что, как мы видели, не только непродуктивно, но и противоречит основным тенденциям современного познания.

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч.: в 4 т. М., 1983. Т. 4.
2. *Бахтин М. М.* Проблема текста // М. М. Бахтин. Собр. соч.: в 7 т. М., 1997. Т. 5.
3. *Библер В. С.* Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. М., 1975.
4. *Власть*. Очерки политической философии Запада. М., 1989.
5. *Вульф К.* Антропология: история, культура, философия. СПб., 2008.

6. Гегель Г. В. Философия права. М., 1990.
7. Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1956.
8. Денисов А. И. Сущность и формы государства. М., 1960.
9. История политических и правовых учений. Древний мир. М., 1985.
10. История политических и правовых учений. Средние века и Возрождение. М., 1986.
11. Кант И. Метафизика нравов // И. Кант. Критика практического разума. СПб., 1995.
12. Королёв А. И., Мушкин А. Е. Государство и власть // Правоведение. 1963. № 2.
13. Лейст О. Э. Сущность права. М., 2002.
14. Лукашева Е. А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2009.
15. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007.
16. Марксистско-ленинская теория государства и права. Основные понятия и институты. М., 1970.
17. Марченко М. Н. Источники права. М., 2006.
18. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства. М., 2001.
19. Нерсесянц В. С. Право и закон: из истории правовых учений. М., 1983.
20. Нерсесянц В. С. Философия права. М., 2006.
21. Общая теория права и государства. Академический курс: в 3 т. / под ред. М. Н. Марченко. М., 2007. Т. 2.
22. Платон. Диалоги. М., 1998.
23. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.
24. Разуваев Н. В. Основа теоретической и эмпирической типологии традиционных государств. СПб., 2008.
25. Разуваев Н. В. Понятие и признаки традиционного государства // Управленческое консультирование. 2008. № 3. С. 51–71.
26. Разуваев Н. В. Традиционное государство: правовая природа, сущность и типология. СПб., 2008.
27. Сабо И. Основные теории права. М., 1974.
28. Сапельников А. Б., Честнов И. Л. Теория государства и права. СПб., 2006.
29. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М., 2001.
30. Тихонравов Ю. В. Философия права. М., 1997.
31. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб., 1998.
32. Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права. СПб., 2004.
33. Чиркин В. Е. Публичная власть. М., 2005.
34. Чиркин В. Е. Современное государство. М., 2001.
35. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. СПб., 2005.
36. Цицерон. О государстве // Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1994.
37. Finnis J. Natural Law and Natural Rights. N. Y., 1990.
38. Johannes F. Die Entfaltung der Anschauungskraft. Ein Beitrag zur paedagogischer Anthropologie. Heidelberg, 1963.
39. Hoebel E. The Law of Primitive Man. A Study in Comparative Legal Dynamics. Cambridge (Mass.), 1954.
40. Wolf E. Das Problem der Naturrechtslehre. Karlsruhe, 1959.

References

1. Aristotel. Politika // Aristotel. Soch.: v 4 t. М., 1983. Т. 4.
2. Bakhtin M. M. Problema teksta // Bakhtin M. M. Sbornie sochineniy: v 7 t. М., 1997. Т. 5.
3. Bibler V. S. Myshlenie kak tvorcestvo. Vvedenie v logiku myslennogo dialoga. М., 1975.
4. Vlast. Ocherki politicheskoy filosofii zapada. М., 1989.
5. Vulf K. Antropologiya: istoriya, kultura, filosofiya. SPb., 2008.

6. *Gegel G. V.* *Filosofiya prava.* M., 1990.
7. *Grotsiy G.* *O prave voyny i mira.* M., 1956.
8. *Denisov A. I.* *Suschnost i formy gosudarstva.* M., 1960.
9. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Drevniy mir.* M., 1985.
10. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy. Srednie veka i Vozrozhdenie.* M., 1986.
11. *Kant I.* *Metafizika нравов // Kant I. Kritika prakticheskogo razuma.* SPb., 1995.
12. *Koroliov A. I., Mushkin A. E.* *Gosudarstvo i vlast // Pravovedenie.* 1963. № 2.
13. *Leyst O. E.* *Suschnost prava.* M., 2002.
14. *Lukasheva E. A.* *Chelovek, pravo, tsivilizatsii: normativno-tsennostnoe izmerenie.* M., 2009.
15. *Maltsev G. V.* *Sotsialnye osnovaniya prava.* M., 2007.
16. *Marksistsko-leninskaya teoriya gosudarstva i prava. Osnovnye ponyatiya i instituty.* M., 1970.
17. *Marchenko M. N.* *Istochniki prava.* M., 2006.
18. *Nersesyants V. S.* *Obschaya teoriya prava i gosudarstva.* M., 2001.
19. *Nersesyants V. S.* *Pravo i zakon: Iz istorii pravovykh ucheniy.* M., 1983.
20. *Nersesyants V. S.* *Filosofiya prava.* M., 2006.
21. *Obschaya teoriya prava i gosudarstva. Akademicheskiy kurs: v 3 t. / pod red. M. N. Marchenko.* M., 2007. T. 2.
22. *Platon.* *Dialogi.* M., 1998.
23. *Polyakov A. V.* *Obschaya teoriya prava: Problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda.* SPb., 2004.
24. *Razuvaev N. V.* *Osnova teoreticheskoy i empiricheskoy tipologii traditsionnykh gosudarstv.* SPb., 2008.
25. *Razuvaev N. V.* *Ponyatie i priznaki traditsionnogo gosudarstva // Upravlencheskoe konsultirovanie.* 2008. № 3. S. 51–71.
26. *Razuvaev N. V.* *Traditsionnoe gosudarstvo: pravovaya priroda, suschnost i tipologiya.* SPb., 2008.
27. *Sabo I.* *Osnovnye teorii prava.* M., 1974.
28. *Sapelnikov A. B., Chestnov I. L.* *Teoriya gosudarstva i prava.* SPb., 2006.
29. *Spiridonov L. I.* *Teoriya gosudarstva i prava.* M., 2001.
30. *Tikhonravov Yu. V.* *Filosofiya prava.* M., 1997.
31. *Trubetskoy E. N.* *Entsiklopediya prava.* SPb., 1998.
32. *Chestnov I. L.* *Aktualnye problemy teorii gosudarstva i prava. Epistemologiya gosudarstva i prava.* SPb., 2004.
33. *Chirkin V. E.* *Publichnaya vlast.* M., 2005
34. *Chirkin V. E.* *Sovremennoe gosudarstvo.* M., 2001
35. *Chicherin B. N.* *Sobstvennost i gosudarstvo.* SPb., 2005.
36. *Tsitseron.* *O gosudarstve // Tsitseron. Dialogi. O gosudarstve. O zakonakh.* M., 1994.
37. *Finnis J.* *Natural Law and Natural Rights.* N. Y., 1990.
38. *Johannes F.* *Die Entfaltung der Anschauungskraft. Ein Beitrag zur paedagogischer Anthropologie.* Heidelberg, 1963.
39. *Hoebel E.* *The Law of Primitive Man. A Study in Comparative Legal Dynamics.* Cambridge (Mass.), 1954.
40. *Wolf E.* *Das Problem der Naturrechtslehre.* Karlsruhe, 1959.

А. К. НЕЩЕРЕТ

ОБЩИЕ КООРДИНАТЫ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Ключевые слова:

инновационное развитие, евразийская интеграция, ЕврАзЭС, прямые иностранные инвестиции, транснациональные корпорации

Key words:

innovative development, the Eurasian integration, EurAzES, foreign direct investment, transnational corporations

Статья посвящена рассмотрению общих подходов к формированию стартовых условий для обеспечения инновационного развития стран — членов ЕврАзЭС. Предложенные автором общие координаты инновационного развития в условиях евразийской интеграции не являются исчерпывающими, но наиболее доступны и быстро реализуемы в рамках деятельности ЕврАзЭС. Они требуют в основном организационных межгосударственных мероприятий и соответствующей политико-административной поддержки.

Инновационное развитие является магистральным направлением современного движения мировой экономики.

Отдельные страны и их интеграционные группировки стремятся максимально учитывать специфику своего уровня социально-экономического развития и продвинутости в научно-техническом состоянии для определения наиболее оптимальных форм и методов освоения инноваций. Такой подход основан на экономическом реализме и практицизме, на желании не ограничиваться политическим декларирова-

The article considers general approaches to the formation of the starting conditions for the innovative development of the EurAzES member countries. The general coordinates of innovative development in the Eurasian integration proposed by the author are not exhaustive, but the most accessible and readily achievable in the realities of EurAzES. They require mainly organizational interstate activities and the corresponding political and administrative support.

нием различных союзов, а на стремлении получить действенный механизм ускорения роста.

Евразийское экономическое сообщество в данном контексте представляет собой весьма специфическое образование. С одной стороны, несомненно, есть весомые объективные основания для интеграции стран ЕврАзЭС. К ним можно отнести сложившиеся между ними за десятилетия пребывания стран-участниц в составе единого государства многочисленные хозяйственно-экономические связи. Этот фактор следует учитывать, несмотря на

то, что за последние 20 лет эти связи существенно уменьшились. Сегодня особую актуальность приобретает выработка новых межгосударственных рыночных форм этих отношений.

Для всех стран — участниц ЕврАзЭС характерными показателями являются: высокий уровень участия государства в экономике и ее государственного регулирования. Это может обеспечивать рост интеграционных процессов, а также их целевую направленность. Основным условием евразийской интеграции является существование региональных рынков: энергетического, продовольственного, транспортных услуг, инвестиций, образовательных услуг.

Мощным стимулом евразийской интеграции служит неотложность решения общих для стран — участниц ЕврАзЭС социальных задач: обеспечение соответствующего уровня жизни, здравоохранения, пенсионного обеспечения, развития ЖКХ и т. д.

Однако особенности стран, входящих в состав ЕврАзЭС, обуславливают существование разных подходов к обеспечению инновационного развития. Эти различия носят глубокий и долговременный характер. Прежде всего они состоят в разнице масштабов экономик данных стран. Такая ситуация даже в условиях мощных и давно сложившихся интеграционных объединений вы-

зывает большие сложности в обеспечении инновационного развития, это наглядно демонстрирует, например, «проблема» стран Юго-Восточной Европы в составе ЕС.

Экономики стран — членов ЕврАзЭС существенно отличаются друг от друга по структуре, по состоянию производственного аппарата, развитости инфраструктуры, научно-техническому потенциалу. Даже экономико-географическое положение стран — участниц ЕврАзЭС кардинально различно. Некоторые из них по своему международному статусу относятся к развивающимся странам, не имеющим выхода к морю (РСНВМ), что считается крайне негативным фактором для включения в мировые инновационные процессы. Разительно отличаются и природно-ресурсные потенциалы государств — членов ЕврАзЭС.

Очевидно, что перечисленные различия диктуют необходимость особых подходов к формированию стартовых условий для обеспечения инновационного развития в рамках евразийской интеграции.

Учитывая относительную слабость собственной финансовой базы ЕврАзЭС, необходимо особое внимание уделять согласованию действий по привлечению иностранных инвестиций и, прежде всего, прямых иностранных инвестиций (ПИИ). При этом, конечно, важно учитывать современные ми-

ровые тенденции в инвестиционной сфере.

В глобальной структуре прямых иностранных инвестиций прослеживается ряд существенных изменений, которые предшествовали мировому кризису и которые, по всей вероятности, будут набирать обороты в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Во-первых, как ожидается, продолжится рост удельного веса развивающихся стран и стран с переходной экономикой как объектов размещения и как источников глобальных ПИИ. Эти страны, на которые в 2009 г. приходилась почти половина притока ПИИ, и в настоящее время занимают лидирующие позиции в данной сфере. Во-вторых, существующий сегодня спад ПИИ в обрабатывающей про-

мышленности по сравнению с инвестициями в сферу услуг, добывающих отраслей и сельского хозяйства вряд ли в ближайшее время удастся переломить. В-третьих, несмотря на серьезные последствия для ПИИ, кризис не блокировал процесс дальнейшей интернационализации производства.

Потоки ПИИ сократились по всем трем секторам: сектору добывающих отраслей и сельского хозяйства, сектору обрабатывающей промышленности и сектору услуг. Пострадали не только такие циклично развивающиеся отрасли, как автомобильная и химическая промышленность. В 2009 г. сократились и ПИИ в отраслях, которые на первоначальном этапе сопротивлялись влиянию кризиса, в том числе

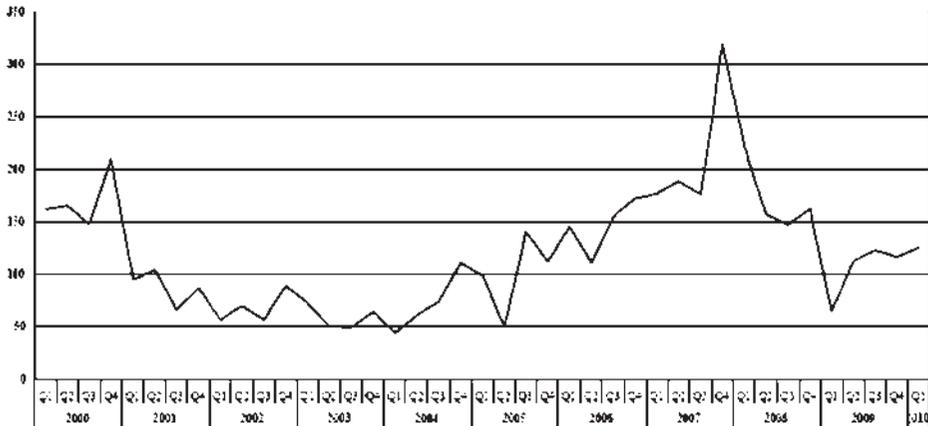

Рис. 1. Динамика глобального квартального индекса ПИИ, I квартал 2000 г. — I квартал 2010 г. (База 100: среднеквартальный показатель 2005 г.)¹

¹ Источник: World Investment Report 2010. [Электронный ресурс] // UNCTAD. URL: http://www.unctad.org/en/docs/wir2010_presentation_en.pdf (дата обращения: 15.03.2011).

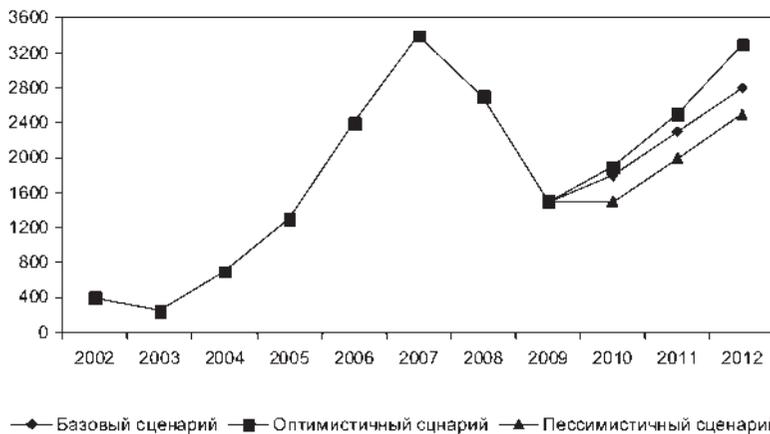

Рис. 2. Глобальные потоки ПИИ, 2002–2009 гг., и прогнозы на 2010–2012 гг. (в млрд долларов США)¹

в фармацевтике и пищевой промышленности. Приток ПИИ увеличился в 2009 г. по сравнению с 2008 г. лишь в случае очень немногих отраслей, а именно в электро-, газо- и водоснабжении, а также производстве электронного оборудования, строительстве и коммуникациях.

В целом сильнее всего кризис ударил по ПИИ в секторе обрабатывающей промышленности, о чем свидетельствует падение трансграничных слияний и поглощений (СиП) против уровня 2008 г. на 77%. В секторе добывающих отраслей, сельского хозяйства и услуг сокращение таких сделок было не столь кардинальным — соответственно на 47% и 57%. В результате продолжал

повышаться их удельный вес в общем мировом объеме СиП за счет обрабатывающей промышленности. Вместе с тем серьезно пострадали некоторые отрасли и в этом сегменте. Так, в частности, в случае финансовых услуг было зарегистрировано обвальное падение стоимостного объема трансграничных СиП на 87%.

Половина глобального притока ПИИ теперь поступает в развивающиеся страны и страны с переходной экономикой.

Приток ПИИ в развивающиеся страны и страны с переходной экономикой после шести лет непрерывного роста к 2009 г. упал на 27% — до 548 млрд долларов (табл. 1). Несмотря на сокращение

¹ Источник: World Investment Report 2010. [Электронный ресурс] // UNCTAD. URL: http://www.unctad.org/en/docs/wir2010_presentation_en.pdf (дата обращения: 15.03.2011).

Таблица 1

Потоки ПИИ по регионам, 2007–2009 гг. (в млрд долларов США)¹

Регион	Ввоз ПИИ			Вывоз ПИИ		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Все страны мира	2 100	1 771	1 114	2 268	1 929	1 101
Развитые страны	1 444	1 018	566	1 924	1 572	821
Развивающиеся страны	565	630	478	292	296	220
Африка	63	72	59	11	10	5
Латинская Америка и Карибский бассейн	164	183	117	56	82	47
Западная Азия	78	90	68	47	38	23
Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия	259	282	233	178	166	153
Юго-Восточная Европа и СНГ	91	123	70	52	61	51
Страны со слабой в структурном отношении, уязвимой и небольшой экономикой ²	42,5	62,1	50,5	5,3	5,8	4,2
НРС	26	32	28	2	3	1
РСНВМ	16	26	22	4	2	3
МОРАГ	5	8	5	0	1	0

ПИИ, эта группа стран была более устойчива к воздействию кризиса по сравнению с развитыми странами, поскольку в их случае снижение было меньше, чем в развитых странах (–44%) (табл. 2). Впервые в истории возникла ситуация, когда в развивающиеся страны и страны с переходной экономикой теперь поступает половина глобальных ПИИ (рис. 3).

После пяти лет движения в рамках повышательного тренда вывоз ПИИ из развивающихся стран и стран с переходной экономикой

сократился в 2009 г. на 21%. Однако в условиях повышения роли транснациональных компаний в этих странах сокращение ПИИ также было менее резким, чем в развитых странах, где вывоз ПИИ упал на 48% (табл. 1). К тому же в развивающихся странах уровень ПИИ восстанавливается быстрее. Доля вывозимых ими инвестиций по-прежнему гораздо ниже, однако при возрастающих темпах роста она приближается к четверти глобального объема вывозимых ПИИ (рис. 3).

В 2009 г. Российская Федерация — крупнейший источник ПИИ, вывозимых из региона, — стала чистым внешним инвестором. Такие

¹ Источник: World Investment Report 2010...

² Без повторного счета, поскольку некоторые страны принадлежат к двум из указанных трех групп.

Потоки ПИИ по регионам, 2007–2009 гг.¹ (в процентах²)

Регион	Ввоз ПИИ			Вывоз ПИИ		
	2007	2008	2009	2007	2008	2009
Развитые страны	68,8	57,5	50,8	4,8	81,5	74,5
Развивающиеся страны	26,9	35,6	42,9	12,9	15,4	20,8
Африка	3,0	4,1	5,3	0,5	0,5	0,5
Латинская Америка и Карибский бассейн	7,8	10,3	10,5	2,5	4,3	4,3
Западная Азия	3,7	5,1	6,1	2,1	2,0	2,1
Южная, Восточная и Юго-Восточная Азия	12,3	15,9	20,9	7,9	8,6	13,9
Юго-Восточная Европа и СНГ	4,3	6,9	6,3	2,3	3,1	4,6
Страны со слабой в структурном отношении, уязвимой и небольшой экономикой ¹	2,0	3,5	4,5	0,2	0,3	0,4
НРС	1,2	1,8	2,5	0,1	0,2	0,1
РСНВМ	0,7	1,5	2,0	0,2	0,1	0,3
МОРАГ	0,3	0,4	0,4	0,0	0,0	0,0

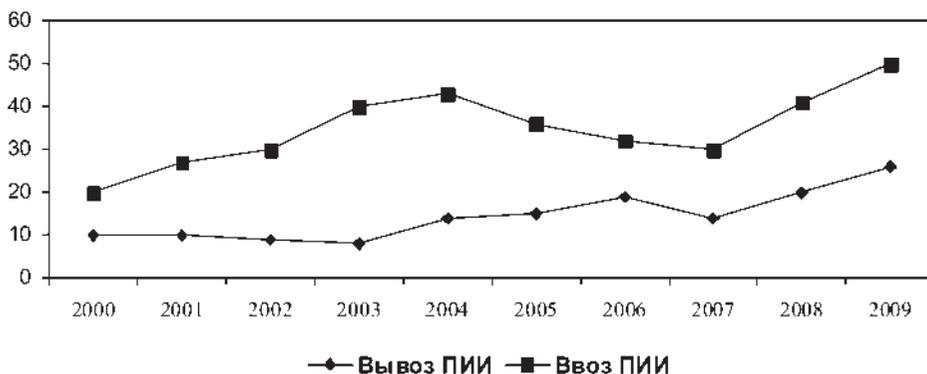

Рис. 3. Доля развивающихся стран и стран с переходной экономикой в глобальных объемах ввоза и вывоза ПИИ, 2000–2009 гг. (в процентах)³

¹ См.: World Investment Report 2010...

² Приводится доля ПИИ в процентах от общемировых потоков.

³ Источник: World Investment Report 2010...

факторы, как укрепление цен на сырье, новый раунд приватизации и экономический подъем в странах, являющихся крупными экспортерами сырья (Казахстан, Российская Федерация), должны служить основой для умеренного оживления динамики ПИИ в регионе в 2010 г.

Традиционно развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю (к ним относится 31 страна), не слишком привлекательны как объект размещения ПИИ. В сочетании со структурными недостатками неблагоприятное географическое положение отрицательно сказывается на функционировании экономики данных стран. Вместе с тем в результате проведения экономических реформ и либерализации инвестиционного режима, а также благодаря благоприятным глобальным экономическим условиям в период 2000–2008 гг. приток ПИИ неуклонно возрастал. Зафиксированное в 2009 г. падение ПИИ на 17% (до 22 млрд долларов) было менее резким, чем в остальных странах мира. Из-за недиверсифицированного производственного потенциала ПИИ в РСНВМ по-прежнему сконцентрированы в добывающем секторе нескольких стран, обладающих богатыми природными ресурсами (в 2009 г. только на Казахстан приходилось 58% общего объема ПИИ). В РСНВМ быстрого роста ПИИ, размещаемых инвесторами преимущественно из развива-

ющихся стран, не ожидается. Для преодоления трудностей неблагоприятного географического положения развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю, могли бы сконцентрировать внимание на отраслях, ориентированных на научные разработки и использование информации, которые в меньшей степени опираются на вводимые ресурсы, предполагающие транспортные издержки. Региональная интеграция с охватом стран, не имеющих выхода к морю, позволяя увеличить размеры местных рынков, также могла бы повысить привлекательность экономики этих стран для инвесторов.

Эти общие мировые тенденции в области инвестиций могут служить ориентирами для скоординированных в рамках ЕврАзЭС действий по формированию инвестиционной привлекательности стран-участниц, по увеличению их инвестиционного экспорта и по обеспечению совместной инвестиционной безопасности.

Такая координация поможет странам — участницам ЕврАзЭС избежать появления ненужной конкуренции на мировом рынке инвестиций и обеспечит эффективное инвестиционное партнерство между ними.

Еще одно важное и доступное на данном этапе направление инновационного развития в условиях евразийской интеграции — это энерго-

сбережение. Энергосбережение сегодня одновременно предполагает широкий спектр научных и технологических разработок, обновление производственных процессов, профессиональную переподготовку рабочих и инженеров, разрешение многих экологических проблем. При этом многие энергосберегающие инновации лежат, что называется, на поверхности, т. е. могут быть осуществлены достаточно быстро и с приемлемыми затратами. Потенциал энерго- и материалосбережения огромен. По мнению директора Центра исследований постиндустриального общества В. Иноземцева, только в российской промышленности, строительстве и сфере ЖКХ он составляет 30–35% от сегодняшних затрат. Выраженная в мировых ценах, эта экономия превышает 170 млрд долларов в год. Эти сэкономленные ресурсы могут быть направлены на внедрение инноваций более высокого порядка на всем пространстве ЕврАзЭС.

Важной общей координатой инновационного развития в условиях евразийской интеграции, как показывает мировой опыт, может стать создание в рамках ЕврАзЭС определенных организационно-экономических структур. Такого рода структурами могут стать евразийские (по сути региональные) транснациональные корпорации (ТНК).

Общеизвестно, что в настоящее время ТНК являются одной из са-

мых активных форм инновационного развития. Например, глобальный кризис, при всем его влиянии на потоки ПИИ, не блокировал процесс растущей интернационализации производства. Масштабы снижения объемов продаж и добавленной стоимости зарубежных филиалов транснациональных корпораций в 2008 и 2009 гг. не достигали размеров спада мировой экономики. В результате доля зарубежных филиалов в общемировом валовом внутреннем продукте (ВВП) достигла рекордно высокого уровня 11% (табл. 3).

Несколько возросла в 2009 г. численность работников ТНК за рубежом, составившая 80 млн человек. В ТНК четко прослеживается повышение удельного веса рабочей силы из развивающихся стран и стран с переходной экономикой. В 2008 г. на них приходилось 28% из существующих в мире 82 000 ТНК, что на два процентных пункта выше, чем в 2006 г. В порядке сравнения: в 1992 г. этот показатель не достигал 10%, что отражает растущее значение указанных стран и в качестве стран базирования.

Такая устойчивость ТНК в условиях кризиса объясняется, в частности, способностью быстро осваивать инновации и продвигать их на рынок. Региональные, в рамках ЕврАзЭС, ТНК с неременным участием государств смогут обеспечивать стратегию развития потен-

Таблица 3

Отдельные показатели ПИИ и международного производства, 1990–2009 гг.¹

Показатель	Стоимостной объем в текущих ценах (в млрд долларов США)				Годовой прирост (в процентах)				
	1990	2005	2008	2009	1991– 1995	1996– 2000	2001– 2005	2008	2009
Приток ПИИ	208	986	1 771	1 114	22,5	40,0	5,2	-15,7	-37,1
Вывоз ПИИ	241	893	1 929	1 101	16,8	36,1	9,2	-14,9	-42,9
Объем ввезенных ПИИ	2 083	11 525	15 491	17 743	9,3	18,7	13,3	-13,9	14,5
Объем вывезенных ПИИ	2 087	12 417	16 207	18 982	11,9	18,4	14,6	-16,1	17,1
Доходы от ввезенных ПИИ	74	71	113	941	35,1	13,4	31,9	-7,3	-15,5
Доходы от вывезенных ПИИ	120	902	1 182	1 008	20,2	10,3	1,3	-7,7	-14,8
Трансграничные СиП	99	462	707	250	49,1	64,0	0,6	-30,9	-64,7
Объем продаж зарубежных филиалов	6 026	21 721	31 069	29 298	8,8	8,2	18,1	-4,5	-5,7
Валовое производство зарубежных филиалов	1 477	4 327	6 163	5 812	6,8	7,0	13,9	-4,3	-5,7
Совокупные активы зарубежных филиалов	5 938	49 252	71 694	77 0571	13,9	19,0	20,9	-4,9	7,5
Экспорт зарубежных филиалов	1 494	4 319	6 663	5 186	8,6	3,6	14,8	15,4	-22,2
Занятость в зарубежных филиалах (тыс. человек)	24 476	57 799	78 957	79 825	5,5	9,8	6,7	-3,7	1,1
ВВП (в текущих ценах)	22 121	45 273	60 766	55 005	5,9	1,3	10,0	10,3	-9,5
Валовое накопление основного капитала	5 099	9 833	13 822	12 404	5,4	1,1	11,0	11,5	-10,3
Поступления в виде роялти и лицензионных платежей	29	129	177	—	14,6	8,1	14,6	8,6	—
Экспорт товаров и услуг	4 414	12 954	19 086	15 716	7,9	3,7	14,8	15,4	-21,4

¹ Источник: World Investment Report 2010 ...

циала по освоению инноваций и новых технологий. В этой связи важную роль может сыграть государственное финансирование в области передовых технологий. На базе таких ТНК могут быть созданы региональные технологические синергетические центры, в рамках деятельности которых будут рассматриваться вопросы применения актуальных технологий для стран ЕврАзЭС, а также промышленного и иного потенциала, необходимого для обеспечения отдачи этих знаний. Задачи поощрения применения технологий могут также потребовать укрепления финансового и предпринимательского потенциала национальных компаний. В этой связи следует рассмотреть вопрос о создании инвестиционного банка ЕврАзЭС.

Формирование региональных ТНК ЕврАзЭС будет способствовать созданию благоприятной рыночной основы для трансграничных потоков технологий. К числу ключевых элементов формирования благоприятной среды для трансграничных потоков технологий относятся: наличие кадров требуемой квалификации, надлежащая инфраструктура (например, в некоторых странах создаются специальные экономические зоны), меры по определению и созданию рынков, адресные стимулы (например, для инвестиций в необходимые проекты НИОКР и технологической адаптации) и укрепление

правовой системы. На практике конкретный набор таких элементов заметно различается по странам; например, некоторые развивающиеся страны располагают ресурсами для стимулирования образования и подготовки кадров требуемой квалификации. Еще одной проблемой для трансграничного притока технологий является защита прав интеллектуальной собственности (ИС). В некоторых секторах иностранные инвесторы рассматривают наличие прочного режима охраны прав и обеспечения их реализации в качестве предварительного условия для распространения технологий, однако реальные последствия такого притока в разных странах могут быть различными. Развивающиеся страны высказывают мнение о том, что при распространении технологий важны не только защита и обеспечение соблюдения прав ИС, но и гарантия более широкого доступа к надлежащим технологиям. В рамках деятельности ЕврАзЭС эти противоречия могут быть успешно разрешены.

Рассмотренные общие координаты инновационного развития в условиях евразийской интеграции не являются исчерпывающими, но наиболее доступны и быстро реализуемы в условиях реалий ЕврАзЭС. Они требуют в основном организационных межгосударственных мероприятий и соответствующей политико-административной поддержки.

Ю. В. КОСОВ

ВЗАИМОСВЯЗЬ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ И ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА

Ключевые слова:

энергетическая безопасность, экологическая безопасность, современный мировой экономический кризис, инновационная энергетика

Key words:

energy supply security, environmental security, modern global economic crisis, innovative energetic

В статье рассматриваются современные подходы к решению проблемы обеспечения глобальной безопасности в сфере энергетики и экологии. Автор подчеркивает взаимосвязь энергетической и экологической безопасности как на национальном, так и на глобальном уровнях. Решение проблемы исследователь видит в развитии инновационной энергетики, предполагающей использование экологически чистых видов энергии.

The article reviews current approaches to global security in energy and ecology. Deep interrelation of energy and environmental security is highlighted, both at national and global levels. The author suggests solving the problem by development of innovative energetic, involving the use of clean energy.

Современный мировой экономический кризис обострил многие проблемы, связанные с обеспечением глобальной безопасности в различных сферах, в том числе — в энергетике и экологии. Следует заметить, что существует несколько основных подходов к определению понятия «энергетическая безопасность». К сожалению, до сих пор не выработано единого определения данного понятия: дипломаты и эксперты из разных стран предлагают свою трактовку категории «энергетическая безопасность», исходя из их национальных

интересов и приоритетов. Кроме того, различаются варианты определения уровней обеспечения энергетической безопасности. В этой связи, в первую очередь, выделяют: национальный, региональный и глобальный уровни обеспечения безопасности. Существенно различаются и концепции энергетической безопасности, соответствующие каждому из указанных уровней.

Начало употребления в мировой политике и международных отношениях термина «энергетическая безопасность» относят к 1973 г. — началу первого глобального энерге-

тического кризиса. В связи с этим важно напомнить, что данный энергетический (прежде всего нефтяной) кризис продемонстрировал зависимость экономик ведущих индустриальных стран от поставок энергоносителей. Такие страны, как США, Япония и государства Западной Европы встали перед необходимостью формирования общей энергетической политики.

Отметим, что до недавнего времени (начала 1980-х гг.) научные определения понятия «энергетическая безопасность» давались, как правило, в рамках одной страны, т. е. на национальном уровне и для «национальной энергетической безопасности». Такая безопасность обычно определялась как необходимое энергоснабжение для обеспечения жизнедеятельности нации и национальной экономики, т. е. особо выделялась энергетическая самодостаточность страны. В настоящее время национальную энергетическую безопасность все чаще рассматривают сквозь призму национальной безопасности в целом. Энергетическая безопасность понимается как одна из важнейших составляющих национальной безопасности страны. Она трактуется как защищенность граждан и государства в целом от угроз дефицита всех видов энергии и энергоресурсов, возникающих из-за взаимодействия негативных природных, техногенных, управленческих, со-

циально-экономических, внутри- и внешнеполитических факторов.

Толкование энергетической безопасности как энергетической обеспеченности на национальном уровне характерно для стран — импортеров газонефтяных ресурсов, заинтересованных в бесперебойных поставках энергоносителей, в снижении цен на них. Однако интересы таких стран часто не совпадают на мировом энергетическом рынке с интересами других его участников — государств — экспортеров энергоносителей, которые имеют другой подход к обеспечению глобальной энергетической безопасности.

В современных исследованиях по глобальной энергетической безопасности эти два противоположных подхода получили названия «вашингтонский консенсус» и «пекинский консенсус». Первый из подходов — это западная либеральная модель (так называемый «вашингтонский консенсус») управления энергетическими ресурсами, которая направлена, прежде всего, на устранение политических барьеров, ограничивающих доступ для иностранных инвесторов к источникам энергии и сырья, а также перспективным рынкам развивающихся стран. В данном случае прямые иностранные инвестиции используются в качестве инструмента для эффективной приватизации нефтегазового сектора в интересах

индустриально развитых стран-импортеров. При этом энергоносители рассматриваются как обыкновенный товар и не проявляется стремление принимать во внимание требования стран-экспортеров.

Наиболее важные из этих требований сводятся к следующему. Во-первых, учитывать колоссальные финансовые затраты государств — производителей «черного» и «голубого золота» на разработку месторождений, создание новой и поддержание уже имеющейся транспортной инфраструктуры, которая имеет в ряде случаев трансконтинентальные масштабы. Новые месторождения, как правило, начинают разрабатывать во все более труднодоступных районах, что ведет к еще большим издержкам. Во-вторых, страны-экспортеры хотят получать от своих клиентов-потребителей твердые гарантии постоянных закупок энергоносителей в долговременной перспективе. Только при таком подходе экспортеры будут иметь уверенность, что их огромные затраты окупятся.

Вторая модель обеспечения глобальной энергетической безопасности получила название «пекинский консенсус». По этому пути идут страны, входящие в группу БРИК, и государства — члены ОПЕК. В большинстве из них установлен государственный контроль над стратегическими отраслями национальной экономики, прежде

всего это касается энергетической отрасли с высокой эффективностью частного сектора. Странники «пекинского консенсуса» считают, что энергетические ресурсы не только должны быть государственной собственностью, но и стать одной из ключевых «опор» национальной безопасности. Доходы от экспорта энергоресурсов используются в этих странах для модернизации экономики и повышения жизненного уровня населения.

Таким образом, большинство индустриально развитых стран Запада ориентируются на первую модель обеспечения глобальной энергетической безопасности, тогда как Россия и Китай придерживаются второй модели. Например, США являются крупнейшим импортером энергоресурсов в мире. «Соединенные Штаты, — отмечает М. Биллиг, — зависят сейчас от экспорта нефти как никогда раньше. В 1950 г. их импорт составлял только десятую часть от их объемов потребления нефти. К 1973 г. доля импорта нефти выросла до одной трети. Сегодня Соединенные Штаты ввозят из-за рубежа две трети потребляемой ими нефти» [1, р. 3].

Кроме того, при исследовании вопросов энергетической безопасности важно также учитывать факторы нестабильности цен на мировом энергетическом рынке. Эта нестабильность усилилась в условиях современного мирового эконо-

мического кризиса. Причины этой нестабильности, по нашему мнению, следующие. Во-первых, прогнозные ресурсы нефти, оценки которых существенно различаются по критерию их экономической доступности. Во-вторых, достижения научно-технического прогресса в нефтяной промышленности, которые обеспечивают снижение издержек в отрасли и позволяют странам конкурировать на мировом рынке, успешно компенсируя истощение наиболее благоприятных по природным и геологическим условиям запасов нефти.

В-третьих, важным фактором колебания цен является то обстоятельство, что рост энергопотребления в определенные моменты опережает возможности по ее добыче. Необходимо учитывать, что геологические запасы неравномерно размещены по территории планеты и могут быть значительно удалены от потенциальных потребителей, которые остро в них нуждаются. Причем за последнее время появились новые центры потребления с высокими показателями темпов экономического развития и роста населения, такие как Индия и Китай. Так, директор Глобального института Маккинси Д. Фарелл отмечает: «Экономическая гонка между Китаем и Индией изменяет ведение бизнеса в современном мире. К 2050 г., согласно оценкам, эти два азиатских тяжеловеса будут произ-

водить около половины мирового валового внутреннего продукта, по сравнению только с 6% сегодня» [2, р. 30].

В-четвертых, продажа нефтяных фьючерсов на крупнейших энергетических биржах превратилась в сферу приложения спекулятивных капиталов. Наплыв этих капиталов ведет к несвязанному с увлечением потребления энергоносителей в мировом хозяйстве резкому росту цен, а их отток способствует ценовым обвалам.

Краткий анализ факторов ценообразования, приведенный нами выше, показывает, что необходимо серьезным образом изучать и предпринимать попытки регулирования соотношения между спросом на нефть, ее ценой и экономическим и демографическим ростом в современном международном сообществе. Существенно влияют на формирование глобальной энергетической безопасности опасения стран — поставщиков энергоресурсов. Они вкладывают колоссальные средства в создание инфраструктуры по добыче и транспортировке энергоносителей и хотят быть уверенными, что их продукция будет иметь гарантированный спрос. Указанные проблемы должны находиться под контролем международного сообщества, дабы избежать каких-либо кризисов и потрясений, связанных с неэффективностью самой мировой энергетической сис-

темы. Данные кризисы ведут к повышению нестабильности политических процессов в мире в целом.

Надо отметить особую роль России в обеспечении современной энергетической безопасности, а также лидирующее место нашей страны среди поставщиков энергии, обусловленное объемами этих запасов, транзитом энергоресурсов. Потенциал природно-энергетических ресурсов — один из самых больших в мире, что определяет стабильность и значительные объемы поставок. «В стране, где проживает менее 3% населения мира, принадлежит 26,6% мировых запасов природного газа, от 6,2% до 13% (по разным оценкам) разведанных запасов нефти, около 20% разведанных запасов каменного угля. Наша страна занимает первое место в мире по трубопроводной торговле природным газом и как экспортер нефти делит пальму первенства с Саудовской Аравией. Сегодня более 90% экспортируемых российских энергоносителей поставляются в государства Европы»¹.

Энергетическая безопасность занимает центральное место в системе глобальной безопасности и тесно связана с экологической безопасностью как на национальном, так и на глобальном уровнях.

Современная экономика базируется на топливе, которое не только является невозобновляемым природным ресурсом, но и наносит серьезный ущерб окружающей среде и здоровью человека. Особое влияние на окружающую среду оказывают энергетические системы, которые изменяют климат. Это происходит потому, что энергетические системы выбрасывают ежегодно в атмосферу огромное количество углекислого газа, более тонны на каждого жителя планеты. Таким образом, для обеспечения устойчивого существования международного сообщества необходима стратегия энергетического развития, учитывающая экологическую безопасность. Особенно важна эта стратегия в условиях современного экономического кризиса. Реализация эффективной энергетической стратегии может стать важным инструментом для выхода международного сообщества из сегодняшнего кризисного состояния.

К настоящему времени стало очевидно, что для удовлетворения будущих энергетических потребностей нельзя рассчитывать ни на нефть, ни на уголь, ни на ядерную энергию. После нефтяных кризисов 1970–1980-х гг. было решено сократить зависимость экономики от нефти. К началу XXI в. цель была частично достигнута. Однако это произошло не за счет замещения нефти другими традиционными носителя-

¹ The Evolution of the Global Energy Market // Russia in Global Affairs. 2007. № 1. URL.: <http://eng.globalaffairs.ru/18/1084.html> (дата обращения: 28.12.2010).

ми. Программы производства бензина из угля или из сельскохозяйственных культур так и не оказали существенного влияния на развитие мировой энергетики. Сокращение зависимости экономики от нефти было достигнуто с помощью возросшей эффективности использования энергии.

В наше время дальнейшее снижение негативного воздействия мировой энергетики на глобальную экологическую систему, как нам представляется, может быть достигнуто двумя путями. Первый путь — краткосрочный. Это повышение эффективности использования энергии. Возросшая эффективность должна стать приоритетом в энергетической политике всех стран в ближайшие полтора-два десятилетия. Это позволит облегчить выход из современного кризиса и одновременно снизить экономический и экологический ущерб, наносимый современными энергетическими системами. Такая энергетическая политика позволит также выиграть время для введения в строй новых возобновляемых источников энергии.

Второй путь — долгосрочный. Он основан на постепенном расширении применения возобновляемых видов энергии и нацелен на избежание повторения новых экономических и энергетических кризисов. Одновременно этот путь имеет важную экологическую направлен-

ность. Пока возобновляемые источники энергии в большинстве своем уступают по экономичности традиционным, невозобновляемым энергоносителям. Этот разрыв в экономичности между невозобновляемыми и возобновляемыми источниками энергии постепенно будет сокращаться. Однако в наши дни пока выгоднее повышать эффективность уже введенных в эксплуатацию мощностей, чем применять новые технологии. Поэтому внедрение технологий возобновляемых видов энергии требует серьезной поддержки со стороны национальных правительств, международных организаций и бизнеса.

Создание жизнеспособной энергетической системы, в которой было бы ограничено применение ископаемого топлива, вполне реально. Однако на пути создания такой системы существуют серьезные препятствия. Например, противоречивость энергетической политики. В данной связи в целях проведения разумной энергетической политики, ориентированной на сохранение окружающей среды, правительства современных государств должны выделить приоритетные направления деятельности. Во-первых, важно создавать условия, необходимые для продолжения осуществления нововведений и коммерциализации новых энергетических технологий. Во-вторых, следует обеспечить более эффективное функционирова-

ние энергетического рынка и принимать в расчет при выборе энергетической политики ее широкое экологическое воздействие на окружающую среду.

Наиболее трудной проблемой охраны атмосферы является глобальное потепление, вызванное накоплением в ней газов, создающих парниковый эффект. Основным среди парниковых газов является двуокись углерода. Этот эффект проявляется на фоне ежегодного выброса в атмосферу 6–8 млрд т углерода, поступающего вследствие обезлесения и сжигания ископаемого топлива. Чтобы замедлить развитие парникового эффекта, необходимо повысить эффективность использования энергии, сократить площадь сведенных лесов и развивать технологии, базирующиеся на возобновляемых видах энергии. Проблема и ее решение носят глобальный характер. Таким образом, более рациональное использование энергии может стать эффективным средством для уменьшения загрязнений атмосферы и обеспечения глобальной экологической безопасности.

Посадка лесов в масштабах, позволяющих удовлетворять будущие потребности в древесине, древесном топливе и бумаге, стабилизирует почвы и гидрологический режим, а также способствует восстановлению равновесия углеродного цикла путем переноса углерода из

атмосферы в наземные системы. В настоящее время мировые леса поглощают свыше 40% углерода, поступающего из-за выбросов. Дальнейшее расширение посадок быстрорастущих деревьев в мире позволит увеличить поглощение углерода.

Снижение выбросов углерода, за счет уменьшения размеров потепления требует как значительного повышения эффективности использования энергии, так и изменения в структуре ее источников. В последние два десятилетия повышение эффективности энергетических систем сыграло основную роль в развитии энергетической промышленности. В будущем с внедрением инновационных технологий должен начаться переход к возобновляемым видам энергии. Специалисты подсчитали, что полуторачецентный ежегодный прирост показателя эффективности энергетических систем наряду с целенаправленной политикой ограничения использования угля, сдерживания газов, приводящих к парниковому эффекту, и сокращения площади вырубки лесов может снизить предполагаемый рост температуры к 2075 г. вдвое.

Возобновляемые виды энергии наряду с ядерной энергией также понижают содержание углерода в атмосфере, заменяя собой энергию ископаемых видов топлива. До 1986 г., когда произошла Черно-

быльская катастрофа, ядерная энергетика развивалась очень быстрыми темпами, что способствовало сохранению климата. Однако Чернобыльская катастрофа показала, что ядерная энергетика также может при определенных, чрезвычайных ситуациях быть очень опасной для человека и окружающей среды. В данной связи ее развитие в последние два десятилетия замедлилось в соответствии с сокращением количества вводимых в строй атомных станций. Некоторые страны, например, Швеция, приняли решение вообще отказаться от атомной энергетике и стали осуществлять ее постепенное свертывание. Последняя атомная станция в Швеции должна была быть закрыта в 2010 г. Несмотря на утверждения сторонников ядерной энергетике, в том числе экспертов Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), что этот вид энергии может помочь охране климата, технические, экономические и политические проблемы, связанные с этим видом энергетике, становятся достаточно острыми и сдерживают ее развитие.

Изменить ситуацию с парниковым эффектом в лучшую сторону мог бы быстрый и устойчивый рост использования возобновляемых видов энергии. Наиболее перспективным энергоресурсом является энергия, получаемая с помощью гидроэлектростанций. В течение

ближайшего десятилетия вероятно появление большого числа проектов геотермальных, ветровых и солнечных электростанций. В долгосрочной перспективе необходимо полагаться на возобновляемые виды энергии, чтобы преодолеть глобальный парниковый эффект.

Трудные проблемы стоят перед лицами, принимающими решения в сфере энергетической политики. Им необходимо найти десятки миллиардов долларов на охрану климата в то время, когда финансы требуются для удовлетворения множества социальных потребностей, связанных с образованием, здравоохранением и т. п. Особенно обострилась проблема финансирования новых проектов, в том числе и в энергетике, в условиях современного экономического кризиса. Однако, по мнению экспертов, большая часть денежных средств, предусматриваемых в целях обеспечения условий эффективного использования инновационной энергетике, может быть получена за счет перевода на эти цели финансовых средств, выделяемых на развитие традиционной энергетике. Специалисты отмечают, что новое направление мировой энергетике должно стать менее затратным и дорогостоящим, чем энергетика предыдущего поколения.

Осуществлять капиталовложения в охрану окружающей среды и климата от негативного воздействия энергетической промышленности в

настоящее время, по нашему мнению, могут, в первую очередь, наиболее заинтересованные и дееспособные субъекты политических процессов. К этим субъектам мы относим, прежде всего, правительства стран, ориентированных на сохранение окружающей среды. Например «Группа восьми» (G8) на саммите, который состоялся 8–10 июля 2009 г. в Италии в г. Аквила, приняла «Декларацию лидеров форума ведущих экономик по энергетике и климату». В ней подчеркнута взаимосвязь энергетической и экологической безопасности в современных условиях. В этом документе гово-

рится о том, что по инициативе G8 создается глобальное партнерство для продвижения трансформационных низкоуглеродных, «дружественных климату» технологий. Помимо правительств в решении указанной проблемы могут принимать участие социально ориентированные корпорации; компании, занимающиеся развитием гидроэнергетики, а также компании, специализирующиеся на поставках древесного топлива. Кроме того, поддержку со стороны общественного мнения могут оказать национальные и международные экологические организации.

1. *Billig V.* The Venezuelan Oil Crisis. How to Secure American Energy // *Foreign Affairs*. 2004. Vol. 83. № 5.
2. *Farrell D.* India Outsmarts China Alliance // *Foreign Policy*. 2006. January/February. № 152.

References

1. *Billig V.* The Venezuelan Oil Crisis. How to Secure American Energy // *Foreign Affairs*. 2004. Vol. 83. № 5.
2. *Farrell D.* India Outsmarts China Alliance // *Foreign Policy*. 2006. January/February. № 152.

Г. С. МЕЛЬНИК

СОВРЕМЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА В КОНТЕКСТЕ КОММУНИТАРИЗМА

Ключевые слова:

коммунитаризм, либерализм, массмедиа, СМИ, сообщества, социальные сети

Автор рассматривает роль СМИ с позиции теории коммунитаризма, согласно которой массмедиа выступают выразителем интересов различных сообществ. В статье рассмотрены теоретические подходы к созданию гражданской журналистики.

Key words:

communitarians, liberalism, mass-media, communities, social networks

The author examines the role of mass media from the perspective of the theory of communitarianism, according to which mass media are the spokesmen of the interests of different communities. The paper considers theoretical approaches to the creation of civil journalism that can answer public interests at best.

Коммунитаризм, как и многие дискурсивные идеологические комплексы, появился в конце XX в. в результате «диверсификаций и модификаций классических идеологий, таких как либерализм, консерватизм»¹. Идеология стремится к сильному гражданскому обществу, основой которого являются не отдельные личности, а местные сообщества (общества единомышленников) и неправительственные общественные организации. Сторонники

коммунитаризма продвигают идеи «всеобщей солидарности», которые несут в себе «чувство глубокой ответственности», являющееся «нормативным языком для воспитания морального единства в век изоляции людей друг от друга» [8, с. 24, 253].

Возникновение идеологии связывают с появлением в США движения интеллектуалов под названием «коммунитарная сеть», которое возглавил А. Этциони, а также с выпуском ежеквартального журнала коммунитарного движения «Ответственная коммюнити: права и обязанности» и созданием центра коммунитарных исследований в университете Джорджа Вашингтона. Ключевая категория «коммюнити» — сообщества (братство)².

¹ Кайгородов С. В. Посттоталитарные режимы: левые и правые. [Электронное издание] // Вторая Международная научно-практическая конференция, посвященная памяти Жана Бодрийяра: доклады 21 ноября — 14 декабря 2007 г. Екатеринбург: Дискурс ПМ, 2007. Т. 2. С. 12–13. URL: <http://discourse-pm.ur.ru/books/book2.php>. (дата обращения: 15.03.2011).

² Кайгородов С. В. Посттоталитарные режимы: левые и правые...

В основу взаимоотношений сообществ, ассоциаций идеологи коммуитаризма закладывают универсальные ценности: формирование гражданского потенциала и гражданской ответственности, сохранение и защита прав личности, добродетель и др. Одно из самых новых идеологических течений развивалось также в трудах У. Кимлики, Д. Белла, А. Макинтайра, М. Уолцера.

Все главные идеологии в той или иной степени испытали сильнейшее влияние идеалов Великой французской революции — свободы, равенства, братства. Однако во всех идеологиях идеал братства был понят по-разному: в либерализме — как свободное и равное гражданство, в консерватизме — как национально-культурная идентичность, в марксизме — как солидарность трудящихся и эксплуатируемых классов. При этом объединяющим здесь было понимание коммуитаристского идеала как общества, где нет асимметрии между доминирующими индивидуальными правами и редуцированной социальной ответственностью.

Суть коммуитаризма — обсуждение и разработка различных аспектов братства как состояния общества и общественного идеала. Цель — перевести процветание общин в центр политического дискурса посредством перенесения в публичную сферу ценностей общины

[11]. Здесь массмедиа вышли на первый план как средство артикуляции интересов общины.

Приверженцы коммуитаризма критиковали «современный либерализм» за подмену понятия справедливости принципом дифференциации общества, которая обеспечивает подлинное социальное партнерство. Коммуитаристы попытались доказать, что такие дилеммы, как «справедливость или свобода», «коллективизм или индивидуализм», «социальная стабильность или социальный динамизм», являются изначально ложными¹, и утверждали, что устойчивое общественное развитие возможно лишь на основе «локальной демократии» и «социальной экологии».

На пути воплощения данного идеала коммуитаристы ставят и решают ряд взаимосвязанных задач:

— тотальная критика современного общества — в его капиталистической и социалистической форме, включая все его институты, отношения и ценности (государство, партия, демократия, справедливость, демократическая личность и др.). Все они используются в манипулятивных целях и уводят людей от челове-

¹ Идеология солидаризма и коммуитаризма. [Электронный ресурс] // История мира. Новейшее время. URL:<http://www.istmira.com/novejshaya-istoriya/1494-ideologiya-solidarizma-i-kommunitarizma.html> (дата обращения: 15.03.2011).

- ческих добродетелей, составляющих основу счастливой жизни;
- отбрасывание главных политических идеологий современности, поскольку они породили множество непредвиденных последствий на практике. Вообще, вся современная общественная наука (экономика, социология, политология и др.) должна быть заново переписана — под углом зрения ошибок и фальсификаций, а не успехов;
 - обоснование значимости идеала братства¹.

Исследователи коммунитаризма акцентируют внимание на таких магистральных направлениях развития данной идеологии, как:

1. Критика свободной рыночной экономики.

2. Признание того, что развитие отдельного человека бессмысленно рассматривать в отрыве от состояния социальной среды.

3. Признание возможности существования разных цивилизаций и необходимости культурной диверсификации.

4. Выдвижение в качестве системообразующего понятия «сообщества».

5. Отторжение либерального индивидуума и приверженность ценностям сообщества («коммуны»)

¹ Политология. [Электронный ресурс] // Политология как она есть. Теория политики. URL: http://feelosophy.narod.ru/content/9_94.html (дата обращения: 15.03.2011).

как устойчивого объединения людей, связанных общими традициями, историей и моралью².

Таким образом, *коммунитаризм* выступает системой общинных воззрений. В 1980–1990-е гг. и в начале XXI в. обозначилась тенденция сочетания коммунитаризма и либерализма [2; 3; 6; 13]. Возник либеральный коммунитаризм, ставший фундаментом теорий американского мультикультурализма («American Multiculturalism»), рассматривающих вопрос, как объединить правовую концепцию справедливости и прав человека, на которых строится гражданство в либеральном обществе, с правами национальных, религиозных, сексуальных и других меньшинств, каждое из которых выступает как отдельная коммуна³. Однако теория мультикультурализма оказалась нежизнестойкой. Например, по мнению некоторых французов, мусульманское сообщество во Франции не может ассимилироваться во французское общество, т. к. опирается на ислам, самобытную патриархальную куль-

² Пирогов Г. Г. Идеи и принципы коммунитаризма в конце XX — начале XXI века. [Электронный ресурс] // Нетда: информационное агентство. URL: <http://www.netda.ru/belka/texty/pirog1.htm> (дата обращения: 15.03.2011).

³ Сморгунова В. Ю. Теории американского мультикультурализма и проблемы развития гражданского общества. [Электронный ресурс] // Портал «Слово». URL: <http://www.portal-slovo.ru/> (дата обращения: 15.03.2011).

туру, чуждую французским ценностям [8]. У. Кимлика обозначил контуры проблем в социальных практиках коммуитаризма:

1. Приводимое сторонниками данной теории суждение о необходимости поддержания разнообразия в социокультурном пространстве нуждается в обосновании. Из него не ясно, почему государство (общество) должно поддерживать какое-то особое культурное или этнокультурное своеобразие.

2. Следует ли изучать какие-либо языки иммигрантов, наряду с общегосударственным языком?

3. Наконец, проблема гражданства. Известно, что не каждый человек, желающий иметь статус гражданина, может им стать. Реальность показывает, что миллионы людей пытаются получить гражданство, но им в этом отказывают в самых крупных либеральных демократиях. Проблема в том, что либеральные теоретики всегда начинают говорить о моральном равенстве личности, но заканчивают разговорами о равенстве граждан, не замечая подмену понятий. Потому-то и происходит ограничение института гражданства, что выражается в предоставлении прав гражданина не всем представителям конкретной группы, а только тем, кто это право «заслужил» [12].

Коммуитаризм неизменно связывается с проблемой справедливости [9]. Конфликт ценностей бла-

госостояния с другими ценностями выражается в формировании добровольных кодексов поведения (представления о чести и справедливости), видов обмена (персонифицированного, неперсонифицированного, контролируемого государством) и форм правления (авторитарного, бюрократического, парламентарного). Все указанные кодексы, виды и формы имеют достоинства и недостатки. В государстве коммуитаристы видят главный источник аномалий, транзакционных издержек, неэффективности экономики и институтов¹.

Опираясь на опыт человечества, можно понять ограниченность или преимущество теоретических посылов и социальных практик. Реформирование общества по пути коммуитаризации означает «локализацию демократии», т. е. передачу власти как сверху вниз — от государства к регионам, так и снизу вверх — от государства к наднациональным образованиям (пример — политико-правовое устройство Европейского союза). При таком общественном устройстве индивид приобретает двойственную гражданскую идентичность — «он лоялен и государству, и региональному сообществу (местному или наднациональному). В случае конфликтной ситуации подобная двойствен-

¹ Пирогов Г. Г. Идеи и принципы коммуитаризма...

ная структура гражданских отношений исключает политическое и правовое насилие со стороны любого института»¹.

Платформы либерализма, коммунитаризма и либерал-коммунитаризма находятся в онтологическом противоречии, расходятся в понимании природы социальной жизни. Либерализм базируется на платформе методологического индивидуализма, исходит из примата личности и индивидуальных прав. Коммунитаризм, соответственно, предполагает противоположные установки, отправляясь от социального целого и объективно необходимых ему благ. Либерал-коммунитаризм связан с попыткой синтеза этих двух установок — индивидуализма и холизма [1, с. 24].

Сторонниками концепции либерал-коммунитаризма являются ученые, журналисты-теоретики и журналисты-практики, которые считают традиционную *американскую журналистику*, основанную на свободе воли, непродуктивной или даже вредной для общества. Новый коммунитаризм (от англ. *community* — община) рассматривается в связи с формированием основ гражданской журналистики, означающей служение интересам сообщества. Гражданское общество, в свою очередь, характеризу-

ется тремя существенными признаками:

- многообразием элементов, в том смысле, что существует множество организаций, в которых люди на путях самоопределения могут реализовать свои жизненные интересы;
- автономия этих организаций, т. е. их независимость от власти государственного центра (причем даже тогда, когда они финансируются государством);
- готовность взять на себя решение каких-либо задач и не ожидать, что ответственность за их решение возьмет кто-либо другой, главным образом государство.

Гражданское общество способно создать возможности самовыражения для этнических меньшинств и маргинальных групп и противодействовать властным структурам, детерминированным политикой партий. Идея гражданского общества опирается на аналитическое различие общества и государства, где сферы общественной жизни формируются не для граждан, но самими гражданами². По мнению коммуитаристов, политический либерализм,

¹ Идеология солидаризма и коммунитаризма...

² Сусименко Е. В. Теоретико-методологические посылки к исследованию эффекта пат-зависимости. [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. URL: <http://teoria-practica.ru/index.php/-2-2008/137-2009-07-20-15-13-02/237-2009-07-21-13-29-12> (дата обращения: 15.03.2011).

особенно на фоне постмодернистского плюрализма ценностей, сводит идею демократии к простым правилам взаимодействия и ведет к атомизации общества. При этом ответственность граждан за общество в целом совершенно лишается всякой субстанции, что становится экзистенциально опасным¹.

Основной тезис коммунитаризма таков: интеграция политического сообщества возможна только на основе культурно-нравственной общности. Отсюда магистральная задача массмедиа, функционирующих на платформе коммунитаризма, заключается в формировании новых ценностей, ориентированных на общее благо. СМИ призваны не только развить «элементарные свойства самостоятельного индивида», но и выработать механизмы формирования в человеке социально значимых нравственных качеств, транслировать базовые ценности, повышать *ответственность* людей за последствия своих индивидуальных и коллективных действий [4; 14]², особенно в условиях глобализации экономики и политики (что

не предполагает проявлений либерализма, который лишь выполняет охранные функции индивида и отрицает социальные добродетели).

Как считает Дж. Мэррил, *коммунитаризм* является здоровой тенденцией в журналистике. Он ставит объединение людей или сообщество выше индивидуума, а их обязанности — выше прав [7].

Апологеты этого направления выступают против «просветительского либерализма», индивидуализма и приверженцев концепции свободы воли (либертарианства). Коммунитаристы ратуют за подчинение редакционной политики целям гражданского общества; стремятся к тому, чтобы народ, а не журналисты, определял профессиональную повестку дня в СМИ³. Вместо индивидуализма, гражданских прав и свобод коммунитаристы предлагают и отстаивают более ответственное отношение СМИ к своей роли, при которой журналисты и работники СМИ приносят в жертву личную свободу слова и самовыражения ради общественного блага. При этом идеи Локка, Милля и Вольтера признаются устаревшими и называются «негативной свободой».

Коммунитариянцами практически создан манифест, согласно которому журналисты должны:

¹ Пирогов Г. Г. Идеи и принципы коммунитаризма...

² См. также: Шмидт Д. Какое гражданское общество существует в России? [Электронный ресурс] / Socpolitika.ru: Информационно-аналитический портал. НКО в социальной политике. Исследования. URL: <http://www.socpolitika.ru/rus/ngo/research/document184.shtml> (дата обращения: 15.03.2011).

³ Сморгунова В. Ю. Теории американского мультикультурализма...

- публиковать материалы, которые объединяют людей, а не разъединяют;
- отказаться от устаревшей концепции профессиональной автономии и редакционной независимости, а также индивидуализма;
- освещать новости точно, с учетом разных точек зрения, по существу и полно;
- придерживаться «незыблемых» нормативных принципов правдивого изложения фактов и соблюдать право общественности на информацию;
- понимать, что «моральные принципы универсальны и абсолютны» [5].

Коммунитарная (гражданская, общественная) журналистика прежде всего ценит этические нормы, продвигает позитивные и полезные для общества новости, презирует негативизм и индивидуализм в материалах СМИ. В результате этого общество, а не средства информации, формирует темы общественной дискуссии, и это позитивно сказывается на точности и глубине освещения событий, приводит к всеобщей солидарности [5, с. 258–259].

Внешне коммунитарная концепция выглядит привлекательно, т. к. предлагает новый путь, следуя которым журналистика станет по настоящему гражданской и сможет наилучшим образом соответствовать общественным интересам. Од-

нако при этом выхолащивается творческая природа журналистского труда, сужается поле авторской журналистики. В этом случае журналисту как субъекту коммуникации отказано в возможности аккумулялировать смыслы, генерировать идеи, комментировать события. Его роль сводится к простой задаче сбора информации от ньюсмейкеров и ее распространению. Всесторонний анализ ситуации заменяется презентацией всех точек зрения, кроме журналистской.

Фиксируя негативные тенденции, связанные с функционированием современной журналистики, сторонники коммунитаризма предлагают ей альтернативу — формирование российского политико-информационного пространства на основе межгрупповой коммуникации, транслирующей общественные интересы, принимающие общенациональный масштаб.

С одной стороны, коммунитаристы отмечают тенденцию монополизации основной части российского медиапространства государством, с другой — неспособность СМИ выступать в роли центра гражданской коммуникации, с помощью которой граждане могут вести диалог. Действительно, политико-информационное пространство заполнено сообщениями, имеющими основной своей целью легитимизацию власти их отправителя либо инициатора. Тем самым «нивелиру-

ется публичный потенциал политико-информационного пространства, что сводит публичную коммуникацию не к уровню диалога различных социальных интересов и соответствующих им программ, а к уровню столкновения политических лидеров» [10, с. 25].

Для создания равноправного информационного обмена между институтами общества и государства предлагается расширение социальных сетей и блоггерства¹.

Условия такого информационного обмена просты: члены коммуны регистрируются в «центре» и получают код доступа в информационную систему. Коммуна строится на основе сбора и обработки информации о членах коммуны: что они хотят получить и какие услуги могут предоставлять. Коммуна берет на себя ответственность за достоверность информации и репутацию рекомендуемых членов коммуны². Таким образом достигается многоуровневая и сетевая агрегация. Идею можно было бы назвать прогрессивной. Но такие сети фактически не имеют

массовой аудитории, а, следовательно, не являются СМИ в полном смысле слова. Вместе с тем, нельзя не заметить, что средства массовой информации по-прежнему остаются влиятельной силой в формировании общественного сознания, имеют огромную аудиторию, кроме того, являются важнейшим инструментом информационной власти, с помощью которого крупный капитал удерживает политическое, а, следовательно, и экономическое господство. При этих условиях социальные сети и блоггерство не могут пока вытеснить официальную журналистику, которая при всех издержках, ангажированности и зависимости от финансовых и политических структур в той или иной мере отражает интересы различных сообществ. Рынок российских массмедиа насыщен, верифицирован [8]: на нем присутствуют издания различных типов — универсальные, общественно-политические, корпоративные, муниципальные, специализированные и узкоспециализированные.

¹ Майков А. В. Новости без СМИ, или Как демократизировать четвертую власть. [Электронный ресурс] // Механизм народовластия. URL: http://www.mexnap.info/articles.php?article_id=675 (дата обращения: 15.03.2011).

² Там же.

1. *Винокуров Е. Ю.* Политическая философия Канта в современных зарубежных философских дискуссиях о глобальном политическом устройстве: автореф. дисс. ... канд. философ. наук. Калининград, 2001.
2. *Волкова Т. П.* Либералы и коммунитаристы: дискуссия о социальной справедливости продолжается // Вестник МГТУ. 2004. Т. 7. № 2.
3. *Волкова Т. П.* Теория мультикультурализма как синтез философских концепций либерализма и коммунитаризма: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Мурманск, 2006.
4. Гражданский форум: Год спустя / под ред. Н. М. Дорошевой. М., 2003.
5. *Дзялошинский И. М.* Журналистика соучастия: как сделать СМИ полезными. М., 2006.
6. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ / под ред. В. С. Малахова и В. А. Тишкова. М., 2002.
7. *Мэррилл Дж.* Беседы о масс-медиа. М., 1997.
8. *Рац М.* Какое общество нам нужно: открытое? Информационное? Гражданское? // Роль прессы в формировании в России гражданского общества. М., 1999.
9. *Ролз Д.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.
10. *Скоробогатов В. В.* Коммуникационное взаимодействие институтов гражданского общества и государственной власти в политико-информационном пространстве современной России: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2010.
11. Communitarianis. A New Public Ethic / ed. by M. Daly. Belmont, California: Wadsworth Publishing Company, 1999. P. XIII.
12. *Kymlicka W., Banting K.* Immigration, Multiculturalism, and the Welfare State // Ethics & International Affairs. 2006. Vol. 20. № 3. P. 281–304.
13. *Sundstrom L. M., Henry L. A.* Russian Civil Society: Tensions and Trajectories // Russian Civil Society: A Critical Assessment / A. B. Evans, Jr. et al (eds). Armonk: M. E. Sharpe, 2006.
14. *Taylor Ch.* Multiculturalism and the «Politics of Recognition». Princeton, 1992.

References

1. *Vinokurov E. Ю.* Politicheskaya filosofiya Kanta v sovremennykh zarubezhnykh filosofskikh diskussiyakh o globalnom politicheskom ustroystve: avtoref. diss. ... kand. filosof. nauk. Kaliningrad, 2001.
2. *Volkova T. P.* Liberaly i kommunitaristy: diskussiya o sotsialnoy spravedlivosti prodolzhaetsya // Vestnik MGTU. 2004. T. 7. № 2.
3. *Volkova T. P.* Teoriya multikulturalizma kak sintez filosofskikh kontseptsiy liberalizma i kommunitarizma: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk. Murmansk, 2006.
4. Grazhdanskiy forum: God spustya / pod red. N. M. Doroshevoy. M., 2003.
5. *Dzyaloshinskiy I. M.* Zhurnalistika souchastiya: kak sdelat SMI poleznymi M., 2006.
6. Multikulturalizm i transformatsiya postsovetских obschestv / pod red. V. S. Malakhova i V. A. Tishkova. M., 2002.
7. *Merill Dzh.* Besedy o mass-media. M., 1997.
8. *Rats M.* Kakoe obschestvo nam nuzhno: otkrytoe? Informatsionnoe? Grazhdanskoe? // Rol pressy v formirovanii v Rossii grazhdanskogo obschestva. M., 1999.
9. *Rolz D.* Teoriya spravedlivosti. Novosibirsk, 1995.
10. *Skorobogatov V. V.* Kommunikatsionnoe vzaimodeystvie institutov grazhdanskogo obschestva i gosudarstvennoy vlasti v politiko-informatsionnom prostranstve sovremennoy Rossii: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. M., 2010.
11. Communitarianis. A New Public Ethic / ed. by M. Daly. Belmont, California: Wadsworth Publishing Company, 1999. P. XIII.
12. *Kymlicka W., Banting K.* Immigration, Multiculturalism, and the Welfare State // Ethics & International Affairs. 2006. Vol. 20. № 3. P. 281–304.
13. *Sundstrom L. M., Henry L. A.* Russian Civil Society: Tensions and Trajectories // Russian Civil Society: A Critical Assessment / A. B. Evans, Jr. et al (eds). Armonk: M. E. Sharpe, 2006.
14. *Taylor Ch.* Multiculturalism and the "Politics of Recognition". Princeton, 1992.

Е. П. СОКОЛОВА

ТЕХНОЛОГИИ ВНЕДРЕНИЯ ИДЕОЛОГИЙ В МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Ключевые слова:

*политические технологии, идеология,
политические движения, массовое сознание*

Key words:

*political technologies, ideology, political
movements, the mass consciousness*

В статье на примере анализа программных документов современных политических движений России, а также экспертного опроса определяются основные технологии внедрения идеологий в массовое сознание.

По мнению автора, грамотное применение таких технологий способствует повышению эффективности политической деятельности и позволяет политикам достигать поставленной цели оптимальным образом.

The key technologies used for introducing ideology into mass consciousness are identified in the paper on the base of analysis of policy documents of contemporary Russian political movements as well as on the expert survey. According to the author a careful application of these technologies enhances the effectiveness of political activity and allows politicians to reach their goals by an optimal way.

Одним из результатов трансформационных процессов в обществе, начавшихся в России в конце 1980-х гг., стало «возникновение общественных движений, инициированных “снизу” рядовыми гражданами страны. Именно эти движения и их организации представляют собой первые ячейки формирующегося гражданского общества» [3, с. 91]. Большинство участников общественно-политических движений — это представители молодежи. Западные политологи утверждают, что участниками таких движений по большей части являются выходцы из неблагополучных семей,

с низким уровнем образованности [4, с. 104]. В России же это люди, чаще всего имеющие одно или несколько высших образований, либо студенты вузов, получившие хорошее воспитание, планирующие многого добиться в жизни. При этом они рассчитывают на свои силы, т. к. в основном полагают, что материальное благополучие человека зависит, прежде всего, от него самого: в этом убеждены 70% россиян в возрасте от 17 до 26 лет¹.

¹ Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. [Электронный документ] // Институт социологии РАН. Информационно-аналитический бюллетень.

Субъекты, функционирующие в системе политических коммуникаций, регулярно оперируют понятием «идеология». Современные исследователи под идеологией понимают «систему идей, взглядов и представлений, в которых выражается отношение людей к миру, к действительности; взгляды, интересы, цели, намерения, умонастроения, и т. п. общества, класса, социальных групп, партий, субъектов политики и власти тех или иных эпох, поколений, общественных движений» [2, с. 100].

В процессе проведенного нами анализа уставных и программных документов политических движений было выявлено, что на территории современной России преобладают общественно-политические движения, транслирующие либеральную, коммунистическую, анархическую и национал-социалистическую идеологии. Политические субъекты продвигают свои идеологии в широкие аудитории посредством политических технологий, под которыми мы понимаем совокупность интегрированных приемов и способов, включающих в себя элементы психологических, политических и PR-технологий, направленных на достижение целей субъекта.

2007. № 4. URL: http://www.perspektivy.info/rus/nashe/molodezh_novoj_rossii_obraz_zhizni_i_cennostnyje_prioritety_2009-04-30.htm. (дата обращения: 17.03.2011).

Каждое политическое движение имеет свои специфические особенности. На выбор технологий, используемых для продвижения идеологии, также влияют такие показатели, как специфика политического движения, его цели и задачи; наличие административного ресурса; территориальный охват (региональные/федеральные движения), структура.

В процессе организации PR-сопровождения политического движения, а именно, внедрения идеологии в массовое сознание, специалисты в области политической коммуникации используют такие технологии, как креативные публичные мероприятия в форме перформансов и хэппенингов; технологии вирусного маркетинга, массовые уличные акции. Осуществление такого рода кампаний предусматривает: работу в социальных сетях и блогосфере, участие в местных выборах, координацию протестных групп и движений, организацию круглых столов, пропаганду через сеть Интернет, интернет-проекты, выпуск печатной продукции, проведение семинаров, работу со СМИ, выступление музыкальных групп, написание и тиражирование стихотворений, организацию пикетов, концертов, спортивных мероприятий, акций уличной пропаганды, саботаж общественно-вредных мероприятий, помощь детским домам, правым заключенным, участие

как в самостоятельных, так и коллективных публичных мероприятиях, пикетах, митингах, демонстрациях, анонимную рассылку материалов посредством электронной почты, прямые и косвенные угрозы, манипуляцию, психологическое давление.

Все политические движения в процессе своей деятельности используют приемы пропаганды. неотъемлемым элементом PR-сопровождения общественно-политического движения является агитация. Она производится с помощью печатной продукции или публичных выступлений.

Для выявления технологий продвижения в массовое сознание идеологий политических движений нами был проведен экспертный опрос. В качестве экспертов выступили специалисты в области политической коммуникации, входящие в состав регионального или федерального координационного совета политического движения, имеющие непосредственное отношение к продвижению идеологии и PR-сопровождению деятельности политического движения. Опрос проводился с помощью электронной рассылки. Экспертам (опрошено 5 лидеров разных региональных политических движений) было предложено охарактеризовать основные направления деятельности движения (цели, задачи); ответить на вопрос: какие технологии вы исполь-

зуете для продвижения идеологии в массовое сознание?

Анализ экспертного опроса показал, что в процессе внедрения идеологий политическими движениями в массовое сознание преобладают манипулятивные технологии, т. е. система способов идеологического и социально-психологического воздействия с целью изменения мышления и поведения людей вопреки их интересам. Процесс манипуляции осуществляется в ходе публичных выступлений, уличных мероприятий (пикет, митинг, демонстрация, шествие), при помощи печатной продукции (газета, листовка, буклет, информационный листок, брошюра, стикер, плакат), а также размещения информации в сети Интернет (сайт, социальные сети, блоги и т. д.). Публичные мероприятия на сегодняшний момент являются эффективным инструментом для достижения целей политического субъекта. Подобного рода мероприятия совмещают в себе целый комплекс различных технологий и инструментов, а также несколько каналов распространения информации. Манипулятивные технологии осуществляются в процессе межличностной коммуникации.

Одной из наиболее важных технологий по продвижению в массовое сознание идеологий политических движений является управление информационными потоками, т. е.

совокупность информации, минимально необходимой для осуществления эффективной деятельности политического субъекта. По мнению Л. П. Абрамовой и Г. Г. Филиппова, указанная проблематика «инвариантна для различных социально-политических условий и общественных систем» [1, с. 200]. Так, от специфических особенностей политического движения зависит выбор каналов распространения информации и способов ее управления. Проправительственные политические движения имеют финансовую поддержку со стороны политических субъектов, тем самым обусловлен выбор каналов распространения информации: печатные региональные и федеральные СМИ, телевидение, радио, интернет-проекты. При этом в наименьшей степени задействованы уличные акции и публичные мероприятия.

Либеральные движения ведут открытую информационную политику, транслируют информацию посредством уличных и публичных акций, распространяя печатную продукцию, выпуская специализированную литературу. На сегодняшний момент особое место среди способов распространения информации является сеть Интернет. Важной информационной площадкой является интернет-сайт политического движения, на котором представлены основные документы (устав, манифест, программа), от-

четы о прошедших мероприятиях и акциях, новости общественно-политической направленности, план-график работы политического движения. Наличие форума на сайте политического движения позволяет быстро отвечать общественности на интересующие ее вопросы, тем самым увеличивая число своих сторонников. Активное развитие социальных сетей, блогов и мини-блогов (Twitter) позволяет политическим движениям использовать технологии вирусного маркетинга. Данная технология подразумевает транслирование через СМИ и сеть Интернет отчета о креативных публичных мероприятиях в форме перформансов и хэппенингов вирусным способом, т. е. когда отчет с фото и видео публикуется на сайте и в блоги и копируется на сотни других сайтов и блогов теми, кому эта идея понравилась.

Непосредственное управление информационными потоками осуществляется с помощью речевых, печатных или электронных носителей, в которых используется опережающее информирование — при котором дается ответ на затруднительный вопрос или раскрывается проблема. Также применяется метод отвлечения, который заключается в отвлечении внимания аудитории от важной, но неудобной управляющим информации с помощью другой информации, поданной в максимально сенсационной фор-

ме. В основе создания «информационного шума» лежит принцип, когда на основную информацию «навешивается» множество других материалов. «Шум» может создаваться обилием разноречивых комментариев, противоречивых мнений или через подкрепление фактов сложными теоретическими выкладками, выступлениями узких специалистов. Таким образом, главная тема теряется в непрерывном потоке несвязанных друг с другом сообщений, которые быстро и в большом количестве обрушиваются на аудиторию.

В современном обществе в сфере политической коммуникации распространение получила технология психологического давления. Анализ результатов экспертного опроса выявил доминирование информационно-психологического воздействия, которое ставит своей основной целью формирование определенных идеологических (социальных) идей, взглядов, представлений, убеждений, одновременно оно вызывает у людей положительные или отрицательные эмоции, чувства и даже бурные массовые реакции. Данную технологию используют политические движения с целью достижения своих

целей и решения задач с помощью сильного эмоционального воздействия на общественность (на целевую аудиторию или представителей власти). Такую манипулятивную технологию, как психологическое давление, активно практикуют анархические и националистические движения. Однако психологическое давление входит в арсенал используемых технологий и демократических движений.

Таким образом, политические движения в процессе своей деятельности используют целый комплекс технологий по продвижению идеологии в массовое сознание. Данные технологии являются интегрированными и содержат в себе элементы политических, психологических и PR-технологий.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что технологии по продвижению идеологий политическими движениями в массовое сознание используются комплексно, поскольку каждая отдельно взятая технология направлена на реализацию конкретных функций. В зависимости от того, на решение какой задачи направлена коммуникация, выбирается соответствующая доминирующая технология.

1. *Абрамова Л. П., Филиппов Г. Г.* Опыт управленческой деятельности инвариантен // Управленческое консультирование. 2009. С. 200–210.
2. *Бакеркина В. В.* Краткий словарь политического языка: более 2 тысяч терминов и терминологических сочетаний. М., 2002.
3. *Горелов А. А.* Политология. М., 2006.
4. *Хоффер Э.* Истинно верующий: личность, власть и массовые общественные движения. М., 2004.

References

1. *Abramova L. P., Filippov G. G.* Opyt upravlencheskoy deyatelnosti invarianten // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2009. S. 200–210.
2. *Bakerkina V. V.* Kratkiy slovar politicheskogo yazyka: bolee 2 tysyach terminov i terminologicheskikh sochetaniy. M., 2002.
3. *Gorelov A. A.* Politologiya. M., 2006.
4. *Khoffer E.* Istinno veruyuschiy: Lichnost, vlast i massovye obschestvennye dvizheniya. M., 2004.

С. Г. СТАРЦЕВА

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ключевые слова:

молодежь, субъекты молодежной политики, государственная молодежная политика, региональная молодежная политика, эффективность

Key words:

youth, subjects of youth policy, the state youth policy, a regional youth policy, effectiveness

В статье анализируется процесс формирования и реализации государственной молодежной политики, при этом особое внимание уделяется ее региональному аспекту. Автор выделяет наиболее серьезные юридические, финансовые и организационные проблемы, связанные с осуществлением этой политики, и утверждает, что на современном этапе она находится только в стадии становления.

Современная российская молодежь является стратегическим ресурсом, способным обеспечивать будущее развитие страны, а также главной инновационной силой, несущей в себе социально-экономический, общественно-политический, культурный потенциал, который в процессе его рационального использования может обеспечивать и всестороннее региональное развитие [2]. Для рационального использования этого важного ресурса необходимо осуществление эффективной государственной молодежной политики.

Сегодня в России государственное направление реализации моло-

The article examines the process of formation and realization of state youth policy, with particular emphasis on its regional dimension. The author highlights the most serious legal, financial and organizational problems associated with the implementation of the policy and states that at the present stage it is only establishing.

дежной политики является практически единственным. Политические партии не имеют четко разработанной и оформленной молодежной политики. Молодежные политические организации в основном заняты тем, что готовят будущих лидеров, аналитиков, организаторов, журналистов. Молодежные общественные объединения не в состоянии организовать эффективную работу в молодежной среде. В большинстве случаев низка роль профессиональных союзов в решении молодежных проблем, в разработке и осуществлении профессионально ориентированной молодежной политики. Коммерческие

структуры также не заинтересованы учитывать потребности молодежи, а трудовые коллективы с расширением рыночных отношений утратили прежний опыт поддержки молодых специалистов.

Государственная молодежная политика представляет собой деятельность государства, направленную на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Она выражает стратегическую задачу государства в отношении к молодому поколению, решение которой направлено на обеспечение социально-экономического, политического и культурного развития России, на формирование у молодых граждан патриотизма и уважения к истории и культуре отечества, к другим народам, на соблюдение прав человека.

Объектом государственной молодежной политики являются граждане Российской Федерации (включая иностранных граждан и лиц без гражданства) в возрасте от 14 до 30 лет, молодые семьи, а также молодежные объединения. К ее субъектам относятся государственные органы и их должностные лица, молодежные объединения и ассоциации, а также сами молодые граждане.

В 1990-е гг. широко осознавалась необходимость формирования

и реализации эффективной государственной молодежной политики, однако конкретные шаги в этом направлении наталкивались на значительное противодействие определенных политических сил. Наглядно это проявлялось в неоднократной ликвидации органов по делам молодежи, а также в затормаживании решения вопросов в различных сферах, таких как:

- нормативно-правовая (непринятие Федерального закона «Об основах государственной молодежной политики в Российской Федерации», задержки проработки программы «Молодежь России»);
- кадровая и информационно-аналитическая (нехватка специалистов по работе с молодежью);
- финансово-экономическая (недофинансирование мероприятий по работе с молодежью).

Государственная политика, осуществляемая в этот период, испытывала ярко выраженный концептуальный и деятельностный кризис, который серьезно осложнялся проблемами институционального характера и стал особо заметен в следующих проявлениях:

- нереалистичности многих целей и задач в области государственной молодежной политики для современного российского общества;
- недостаточной научной обоснованности государственной мо-

- лодежной политики, в отсутствии логической скоординированности с другими сферами государственного регулирования, приводящими к определенной искусственной замкнутости молодежной проблематики относительно других направлений деятельности государства (социальная, кадровая политика, вопросы обеспечения образования, социализации и воспитания и др.);
- неразработанности нормативно-правовой базы;
 - отсутствию законодательного закрепления понятия «молодежь» как единой социальной группы по показателям критерия «возраст», с учетом региональной, профессиональной, социальной, этнической и иной дифференциации;
 - преобладании «мероприятийного» подхода при реализации государственной молодежной политики;
 - отсутствию соответствующей потребностям инфраструктуры учреждений по работе с молодежью, невыработанности направлений их деятельности, адекватно отвечающих интересам и проблемам молодежной сферы;
 - недостаточном уровне кадрового и финансового обеспечения государственной молодежной политики;

- неразработанности на федеральном уровне и в абсолютном большинстве субъектов Российской Федерации системы диагностики и комплексного социального мониторинга состояния молодежной сферы;
- отсутствию единого информационного банка данных о действующих в сферах государственной молодежной политики государственных органах управления, их учреждениях, профильных направлениях деятельности, социальных, педагогических и иных технологиях работы с молодежью.

Интерес власти был сосредоточен на вопросах тактики, которые без стратегических решений вели к частым реорганизациям аппарата. В течение последних 20 лет происходили постоянные изменения в федеральных структурах, отвечающих за молодежную политику, в связи с чем не всегда сохранялась преемственность достигнутых ранее результатов государственного регулирования развития данной сферы.

Во взаимоотношениях федеральных и региональных органов власти в процессе становления молодежной политики на протяжении 1990–2000-х гг. можно выделить три этапа, характеризующиеся переходом инициативы осуществления молодежной политики либо на региональный уровень, либо на уровень центра.

Первый этап становления институционально-правовой базы молодежной политики приходится на первую половину 1990-х гг., когда инициатива данного процесса безраздельно принадлежала федеральному центру. В условиях становления новой демократической политической системы требовались переосмысление принципов и направлений работы государства с молодежью, выработка новых подходов к воспитанию молодого поколения в соответствии с ценностями зарождающейся системы.

Вторая половина 1990-х гг. знаменует следующий этап становления молодежной политики в современной России, когда инициатива переходит на региональный уровень. В конце 1990-х гг. явно проявились элементы стагнации режима, что выразилось в экономическом кризисе и неспособности системы с ним справиться. Развитие молодежной политики на федеральном уровне существенно замедлилось, что восполнялось нормотворческой активностью в регионах.

Третий этап становления институционально-правовой базы молодежной политики начался со смены политического руководства в государстве в 2000 г. и продолжается по настоящее время. Современный этап отличается тем, что инициатива по формированию молодежной политики вновь переходит

на федеральный уровень. Это обусловлено постепенной эволюцией политического режима в сторону усиления вертикали президентской власти, централизации отношений федерального центра и регионов [1, с. 25].

Рассмотрим этапы становления региональной молодежной политики на примере Вологодской области. Изначально в данном субъекте Федерации функции по выработке основных направлений государственной молодежной политики и ее реализации были возложены на созданный в 1998 г. комитет по делам молодежи администрации Вологодской области. В 2002 г. областную структуру, призванную осуществлять молодежную политику, переименовывают в комитет по делам молодежи Вологодской области.

Из-за отсутствия федерального и регионального закона о молодежи основным механизмом реализации государственной молодежной политики на территории области становятся областные целевые программы «Молодежь Вологодчины», рассчитанные на два года. Программы отражали реальные проблемы молодежи и способствовали их поэтапному разрешению. В результате в регионе среди прочих были сформированы и закреплены основные направления молодежной политики: содействие развитию детского и молодежного общественного дви-

жения; мероприятия по духовно-нравственному, патриотическому и гражданско-правовому воспитанию молодежи и поддержка молодых семей. Вологодская область активно участвует в реализации подпрограммы «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002—2010 гг. Во многом успешному осуществлению молодежных проектов в регионе мешали сложности в финансовом, организационном, материально-техническом и кадровом обеспечении основных направлений программы.

В 2005 г. Законодательным собранием области принят Закон «О государственной молодежной политике Вологодской области»¹, в котором государственная молодежная политика определялась как составная часть социальной политики. В Законе четко обозначены цели, задачи и принципы государственной молодежной политики области, определены ее основные направления. Через год, в 2006 г., постановлением правительства области принята «Концепция государственной молодежной политики Вологодской области на 2006—2016 гг.».

¹ О государственной молодежной политике Вологодской области: закон Вологодской области от 29 ноября 2005 г. № 1376-03 // Сборник нормативных документов Вологодской области, регулирующих вопросы государственной молодежной политики. 2006 г. С. 38.

Поскольку длительное время федеральные стандарты в сфере государственной молодежной политики отсутствовали, в данном субъекте были определены некоторые критерии и приоритеты по отдельным направлениям государственной молодежной политики. Принятие концептуальных документов на федеральном уровне потребовало внесения изменений и в областные законопроекты, касающиеся осуществления государственной молодежной политики в регионе.

По информации, предоставленной действующим сегодня комитетом по физической культуре, спорту и молодежной политике Вологодской области, во всех 28 муниципальных образованиях области созданы органы управления молодежной политикой, кроме того, работают 12 учреждений (3 государственных и 9 муниципальных), оказывающих услуги для молодежи. При этом повсеместно наметилась тенденция к объединению органов управления молодежной политикой с другими отраслями социальной сферы, снижению статуса работников сферы молодежной политики. В 2010 г. изменился статус областного органа, осуществляющего руководство молодежной политикой в регионе. В результате слияния двух областных структур — комитета по делам молодежи и комитета по физической культуре и спорту — был создан объединенный комитет

по физической культуре, спорту и молодежной политике области, соответственно включающий функционал бывших самостоятельных органов государственной власти региона.

Следует выделить такие особенности реализации государственной молодежной политики в Вологодской области:

1. Молодежная политика в области сформирована относительно недавно, в связи с этим на сегодняшний день недостаточно разработана нормативно-правовая база в данной сфере государственного регулирования.

2. Отсутствует четкая координация молодежной политики региона с другими сферами государственного и регионального управления.

3. Ограничена инфраструктура учреждений и органов по делам молодежи, сужен круг направлений их деятельности, адекватно отвечающих потребностям, интересам и проблемам молодежной сферы в регионе.

4. Недостаточен уровень кадрового и финансового обеспечения реализации региональной молодежной политики.

5. Отсутствует универсальная система диагностики и комплексного социального мониторинга молодежной среды Вологодской области.

Таким образом, формирование и реализация молодежной полити-

ки на уровне региона напрямую зависят от социально-экономического развития, структуры населения, традиций, исторических и культурных особенностей, а также от специфики и направленности деятельности органа государственной власти по делам молодежи.

Региональная молодежная политика представляет собой совокупность целей, задач, направлений и действий государственных (федеральных и региональных) органов власти, органов местного самоуправления, иных факторов, направленных на создание условий для эффективной самореализации молодого поколения, с учетом физических возможностей, ценностно-ориентационных предпочтений и творческих инициатив. При этом необходимым условием реализации данной политики являются такие ключевые ее составляющие, как ресурсное обеспечение молодежных программ и предоставление гарантий социальной защищенности молодежи в регионе.

С 2002 г. ведется активный поиск эффективных проектов и механизмов (существенных новаций) реализации государственной молодежной политики. Большое значение в этой связи имеет «Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации»¹,

¹ Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от

рассчитанная на период до 2016 г. В рамках стратегии действует ряд проектов, в том числе «Российская молодежная информационная сеть «Новый взгляд», «Доброволец России», «Карьера», «Молодая семья России», программа «Молодежь России», «Гражданин России». Тем не менее в данном документе оказались не обозначенными вопросы молодежного самоопределения и идентификации, кроме того, работа с молодежью представлена без достаточного анализа современного этапа и специфики российской цивилизации, вне экспертных оценок состояния государственной молодежной политики, вне перспективных задач по развитию гражданского общества в Российской Федерации.

Значимым шагом стало принятие «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 г.»¹. Государственная молодежная политика в документе рассматривается как самостоятельное направление, предусматривающее формирование необходимых социальных условий для инновационного развития страны.

18 декабря 2006 г. № 1760-р. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52. Ст. 5622.

¹ Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662-р // Собрание законодательства РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

В «Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 г.»² в качестве одной из задач, стоящих перед Правительством, предусматривается приобщение молодежи к участию в разработке эффективных моделей и форм вовлечения молодых людей в трудовую и экономическую деятельность, а также совершенствование системы поддержки инициативной и талантливой молодежи.

В настоящее время в сфере молодежной политики на федеральном уровне действуют Минспорттуризм России и Федеральное агентство по делам молодежи. В субъектах РФ реализацию молодежной политики осуществляют два министерства по молодежной политике, десять объединенных министерств, шесть государственных комитетов, двадцать два комитета по молодежной политике, пять агентств, тринадцать департаментов, шестнадцать управлений в рамках других министерств, девять отделов. Молодежными проблемами занимаются более 150 государственных учреждений регионального значения, подведомственных органам по делам молодежи, и более

² Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2012 года: распоряжение Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1663-р // Собрание законодательства РФ. 1 декабря 2008 г. № 48. ст. 5639.

4500 муниципальных учреждений сферы молодежной политики. В них работают свыше 100 тыс. специалистов.

При Федеральном Собрании РФ работают молодежные парламентские структуры: при Государственной Думе действует Общественная молодежная палата, при Совете Федерации — Межпарламентская молодежная ассамблея. Общественные молодежные объединения и различные их ассоциации представлены в коллегии Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ, а также в созданных при нем различных совещательных органах. Представители молодежных общественных объединений входят в Общественную палату РФ, в общественные советы при различных министерствах и ведомствах¹.

Федеральная модель государственной молодежной политики включает в себя деятельность как законодательной, так и исполнительной ветвей власти. Различные органы по делам молодежи (министерства, комитеты и отделы по делам молодежи) созданы и функционируют как на региональном, так и на уровне местного самоуправления.

¹ Молодежная политика в Российской Федерации: доклад. [Электронный ресурс] // Российский парламентарий: парламентский клуб. Статьи. Документы. С. 94. URL: <http://www.parlament-club.ru/articles,9,special,1,630.htm> (дата обращения: 20.12.2011).

На муниципальном уровне осуществлением молодежной политики занимаются представительные органы и различные структурные подразделения администраций муниципальных образований. По замыслу, на них ложится социальная поддержка молодежи и молодой семьи, в том числе общественных инициатив и талантливой молодежи, обеспечение занятости молодежи, профилактика и противодействие распространению преступности и наркомании в молодежной среде, гражданское и патриотическое воспитание молодежи, организация работы по месту жительства, развитие молодежного и детского самоуправления, информационное сопровождение реализации муниципальной молодежной политики, поддержка молодежного предпринимательства.

2009 г. был провозглашен годом молодежи. Президент подчеркнул необходимость развития творческого, научного и профессионального потенциала молодежи, ее активного привлечения к реализации социально-экономических преобразований в стране, воспитания у нее чувства патриотизма и гражданской ответственности. Главным достижением стало создание в стране системы поиска и поддержки думающей и талантливой молодежи, а также формирование общественного мнения в пользу необходимости решения проблем молодежи как

особой социально-демографической группы¹.

Формирование жизнеспособного подрастающего молодого поколения становится одной из главных стратегических задач развития страны. Сегодня молодежь рассматривается в качестве полноправного субъекта молодежной политики, основного партнера властей всех уровней в выработке и реализации ее основных направлений. Современная молодежная политика ориентирована на максимальное включение молодежи в социальную практику, на создание условий и возможностей для самостоятельного решения молодежным сообществом собственных проблем и полноценное участие молодежи в жизни общества.

Становление молодежной политики в России носило «маятниковый характер»: инициатива по формированию и развитию институционально-правовой базы молодежной политики на протяжении 1990-х — середины 2000-х гг. переходила с федерального уровня на региональный, и обратно. Такой «маятник» был обусловлен политическими факторами: изменением характера политического режима в стране, изменениями федеративных отношений от децентрализации к централизации.

¹ Сидибе П. Инвестиции в молодость. Путин В. В. начал год молодежи в России // Российская газета. 2009. 20 февраля.

Справедливо отметить взаимовлияние федерального и регионального уровней. Если центр, как правило, устанавливал принципы, направления, формы взаимодействия государства и молодежи, то деятельность региональных органов власти позволяла выявить существенные проблемы в реализации основных направлений молодежной политики и тем самым определить приоритеты и механизмы ее осуществления на федеральном уровне.

Анализ практической деятельности органов по делам молодежи субъектов Федерации показывает, что и на уровне Российской Федерации, и на региональном уровне структуры по реализации государственной молодежной политики не смогли скоординировать деятельность различных государственных органов власти в этой сфере. Опыт реализации молодежной политики в регионах свидетельствует, что система среднесрочного программирования в целом оправдала себя, т. к. она позволяла проводить необходимую коррекцию, преодолевать инерцию молодежных программ.

Значительное сдерживающее влияние на реализацию государственной молодежной политики оказывала слабая законодательно-нормативная база как на федеральном, так и на региональном уровне. Действующее в настоящее время законодательство, регулирующее государственную молодежную политику

в России, имеет фрагментарный характер. На сегодняшний день в нем отсутствует нормативно-правовая база, необходимая для целостного правового обеспечения молодежной политики, в том числе не принят единый нормативный правовой акт, регламентирующий вопросы молодежной политики России.

В настоящее время государственная молодежная политика как сфера государственной деятельности находится в стадии становления. Ее осуществление основывается на координации деятельности всех органов, осуществляющих социальную политику государства, нормативно-правовом, управленческом, финансовом ее обеспечении. Пер-

востепенной задачей в сфере молодежной политики становится ее реализация на федеральном и региональном уровнях и создание для этой цели необходимых структур межведомственного и межсекторного взаимодействия.

Для осуществления задач модернизации молодежной политики, повышения ее результативности за счет активизации общественной составляющей необходимы следующие шаги: развитие науки о молодежи, усиление нормативно-правовой базы государственной молодежной политики на федеральном и региональном уровнях, активизация молодежи в общественно-политической сфере общества.

1. *Беляева Н. М.* Формирование государственной молодежной политики в современной России: нормативно-правовое измерение // Проблемы социальной работы с молодежью и молодежная политика: история, теория и практика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. СПб.: СПГУТД, 2010.
2. *Горшков А. С.* Совершенствование системы профессионального обучения государственных служащих в условиях административной реформы // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2006. № 1. С. 28–36.

References

1. *Belyaeva N. M.* Formirovanie gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v sovremennoy Rossii: normativno-pravovoe izmerenie // Problemy sotsialnoy raboty s molodezhyu i molodezhnaya politika: istoriya, teoriya i praktika. Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. SPb.: SPGUTD, 2010.
2. *Gorshkov A. S.* Sovershenstvovanie sistemy professionalnogo obucheniya gosudarstvennykh sluzhaschikh v usloviyakh administrativnoy reformy // Gosudarstvennaya sluzhba. Vestnik Koordinatsionnogo Soveta po kadrovym voprosam, gosudarstvennym nagradam i gosudarstvennoy sluzhbe pri polnomochnom predstavitele Prezidenta Rossiyskoy Federatsii v Severo-Zapadnom federalnom okruge. 2006. № 1. S. 28–36.

С. В. АКОПОВ

ВОПРОС МОРЕНО

Ключевые слова:

Шотландия, Каталония, европеизация, «Вопрос Морено», двойная идентичность, локальный космополитизм

Внимание читателя предлагается отрывок из ранее не переведенной на русский язык статьи профессора Луиса Морено. На примерах компаративных эмпирических исследований, проведенных в Шотландии и Каталонии, автор анализирует феномены двойной идентичности и локального космополитизма, а также влияние, которое последние могут оказать на становление общеевропейской идентичности в рамках ЕС.

Внимание читателей предлагается отрывок из ранее не переведенной на русский язык статьи профессора Испанского национального исследовательского совета (CSIC) Луиса Морено Фернандеса¹. Опубликованная в 2006 г. в шотландском журнале «Вопросы шотландской политики» («Scottish Affairs») статья озаглавлена им как «Шотландия, Каталония, европеизация и вопрос Морено» и написана по мотивам ставшего уже классическим в области политической социологии эмпирического исследования так называемого «вопроса Морено». На примерах данных, полученных в результате компаративных эмпирических исследований, проведенных в Шотландии и Ката-

Key words:

Scotland, Catalonia, Europeanization, dual identity, “Moreno question”, cosmopolitan localism

Readers are invited to an excerpt from the article written by professor Luis Moreno. Based on comparative empirical studies conducted in Scotland and Catalonia, the author analyzes the phenomena of double identity and local cosmopolitanism, and the impact they have on the formation of European identity within the European Union.

лонии, автор анализирует феномены двойной идентичности и локального космополитизма, а также влияние, которое они могут оказать на становление общеевропейской идентичности в рамках Европейского союза.

Профессор Луис Морено Фернандес родился в 1950 г. в Мадриде. В 1972 г. он окончил Мадридскую школу журналистики и одновременно получил диплом специалиста в области массовых коммуникаций Университета Комплутенсе (Мадрид). В 1986 г. в том же университете Морено защитил докторскую диссертацию в области политологии и социологии, а также докторскую диссертацию по политологии в Эдинбургском университете. В настоящий момент Луис Морено Фернандес занимает должность

¹ Перевод — Акопов С. В.

профессора в Испанском национальном исследовательском совете (CSIC).

Среди многочисленных научных заслуг профессора Морено важно вспомнить, например, следующие: Л. Морено — один из основателей Института высших социальных наук в Мадриде (Instituto de Estudios Sociales Avanzados), научный эксперт Европейской комиссии, эксперт испанского Министерства науки и образования, научный руководитель 28 диссертаций, автор и научный редактор 22 монографий, более 200 научных статей, глав, рецензий и материалов конференций. Л. Морено работал в качестве приглашенного профессора в лучших университетах США, Италии, Великобритании, является почетным профессором Эдинбургского университета. В число основных научных интересов Л. Морено входят: сравнительная и публичная политика в социальной сфере, институт гражданства, сообщества социального страхования, идентичности национальных государств и национализм, децентрализация и федерализм, европеизация и европейская социальная модель. Помимо испанского языка профессор Л. Морено свободно владеет английским и итальянским, а также на высоком уровне — французским и каталонским¹.

¹ Более подробную информацию о проф. Л. Морено можно получить на сайте Испанского национального исследовательского

Профессор Морено известен как классик современной зарубежной политологии и социологии. В частности, в зарубежной литературе широкое распространение получило выражение «вопрос Морено» («The Moreno Question»). В русскоязычной литературе словосочетание «вопрос Морено», насколько нам известно, на сегодняшний день мало что говорит читателю. Мы попытаемся ввести это выражение в отечественный научный оборот и предложим читателю перевод отрывков статьи Л. Морено «Шотландия, Каталония, европеизация и вопрос Морено» («Scotland, Catalonia, Europeanization and the ‘Moreno Question’»), опубликованной в 2006 г. в журнале «Вопросы шотландской политики».

Л. Морено² Шотландия, Каталония, европеизация и вопрос Морено

В начале XXI в. с особой остротой возникает вопрос идентичности национальных государств. Разъедаемые силами глобализации, они становятся объектами фрагментации, конкуренции и воздействия самых разнообразных, влияющих

совета. URL: <http://www.ipp.csic.es/en/ficha1?apellido=Moreno%20Fern%C3%A1ndez&nombre=Luis>.

² Перевод выполнен с личного разрешения автора с источника: *Moreno L. Scotland, Catalonia, Europeanization and the Moreno question // Scottish Affairs. 2006. № 54. P. 1–21.*

друг на друга сил. Одновременно происходит заметное усиление субнациональных и наднациональных идентичностей. Возрождение этнотерриториальных идентичностей совпало с вызовом, возникшим в связи с появлением центристской модели унитарного государства. В различных по составу сообществах процессы децентрализации, федерализации и субсидиарности диктуют необходимость институционального ответа внутреннему многообразию. Они часто охватывают группы и страны с множественными идентичностями, историческими нарративами, языками и традициями, что находит свое отражение в различных партийных системах, процессах канализации элит и артикуляции интересов. Случаи Каталонии и Шотландии в этом смысле являются парадигматическими. <...>

Двойная идентичность и самоуправление

Концепция двойной идентичности или составной национальности касается того, как граждане идентифицируют себя в субнациональных меньшинствах и регионах. Она в неравных пропорциях инкорпорирует в себя и этнотерриториальную (региональную), и государственную (существующую на национальном уровне) идентичности¹.

¹ Терминология, описывающая оба уровня пространственной идентичности (регио-

В результате граждане проявляют лояльность к институтам сразу двух уровней, без какого-либо существенного противоречия между ними.

Что касается мультинациональных демократий и составных государств, то в течение долгого периода, после Второй мировой войны, граждане боролись, чтобы сделать конкурентоспособной как этнотерриториальную (региональную), так и государственную (национальную) идентичности. Задача самоуправления, а также местного управления в регионах и субгосударственных общностях заключается именно в согласовании проявлений такой двойственности в самоидентификации граждан: чем выраженнее предсоюзная этнотерриториальная идентичность (the pre-Union ethnoterritorial identity) перевешивает идентичность с государством, тем сильнее становятся требования политической автономии. И, соответственно, чем выраженнее характер идентичности с государством, тем

нальный и государственный/национальный), в ряде случаев страдает концептуальной неясностью. Термин «энтотерриториальный» предполагает как категории безгосударственных наций и национальных меньшинств, так и регионы внутри многообразных союзов и составных наций государств. При этом употребляются и другие выражения, такие, например, как «субгосударственные» или просто «государственные идентичности», несмотря на то, что они несут в себе скорее иерархическое понимание анализируемого феномена [7].

меньше вероятность возникновения этнотерриториальных конфликтов.

В некоторых случаях положительное восприятие гражданами действий государственных акторов может привести к ослаблению их этнотерриториальной идентичности и к соответствующему усилению чувства уверенности в целостности государства, и наоборот. В этом случае полное отсутствие одного из двух составных элементов идентичностей может привести к разрыву социально-политических связей внутри многоэтнического сообщества. При этом требования самоуправления, скорее всего, примут форму сепаратистской борьбы за независимость, либо же насильственная ассимиляция будет навязывать гомогенность и аккультурацию. Другими словами, когда граждане в субгосударственных сообществах идентифицируют себя в качестве единственных и исключительных (*in an exclusive manner*), институциональные последствия такого антагонизма будут носить тот же исключительный по своей сути характер. <...>

Вопрос Морено

На данных, полученных в результате исследования, проведенного в 1986 г. в Шотландии, я соби-рался подтвердить то, что я уже знал о Каталонии¹. До сих пор в Шотлан-

¹ Компания ЭКО — Исследования бизнеса и общественного мнения (ECO-Estudios

дии подобных исследований, насколько мне было известно, никогда не проводилось. Откуда же мне было взять эмпирические данные? На ту пору я был докторантом, шел третий год моей работы в Эдинбурге. Я с трудом мог начать интервьюировать и осуществлять большую и репрезентативную выборку шотландцев. Однако, по милости судьбы, Генри Друкер был не только ученым, но также и постоянным теле- и радиокомментатором, имевшим связи в СМИ. Он предложил обратиться в газету «Glasgow Herald» с просьбой добавить мой вопрос в один из постоянно проводившихся опросов политического мнения. <...>

Обладая выдающимися организаторскими способностями, Генри Друкер нашел 200 фунтов (с налогами 230) для «System Three» («Системы Три»), проводившей опрос, и включил «Вопрос Морено» в анкету, разработанную для исследования с выборкой в 965 человек в возрасте 18 лет, осуществлявшегося в 39 пунктах по всей Шотландии в период с 26 июня по 1 июля 1986 г.

Comerciales y de Opiniyn, S. A.) 13–15 марта 1985 г. выполняла исследование с выборкой в 1 316 взрослых (предел погрешности ± 2.8 с определенностью 95,5%). Результаты исследования были изложены в журнале «Камбио» («Cambio») и подтвердили степень «двойной (составной) идентичности» у 80% населения Каталонии, выявленной в рамках предыдущего исследования 1984 г. [4, p. 68].

Респондентам была предложена карточка с пятью альтернативными ответами: «Нам интересно узнать, как люди, живущие в Шотландии, воспринимают себя в плане национальности. Какие из утверждений на этой карточке наилучшим образом описывают то, как Вы себя воспринимаете?». Конкретные формулировки «Вопроса Морено» несколько менялись в разных последующих исследованиях¹, однако главная мысль каждый раз сводилась к тому, чтобы респонденты выбрали одну из пяти категорий. В случае Каталонии и Шотландии предлагались следующие варианты:

1. Каталонец/шотландец, не испанец/британец.

2. Больше каталонец/шотландец, чем испанец/британец.

3. В одинаковой степени и каталонец/шотландец и испанец/британец.

4. Больше испанец/британец, чем каталонец/шотландец.

5. Испанец/британец, не каталонец/шотландец.

Цифры в графе «Не знаю / Нет ответа» оказались низкими, если сравнивать с процентами, обычно получаемыми в подобного рода опросах. Это свидетельствовало, что гражданам были небезразличны культурные практики их самоиден-

тификации. Однако, в особых случаях, более высокий процент выбора ответа «не знаю» был важен. Так, например, в Стране Басков атмосфера политической агрессии и терроризма, очевидно, оказала на подобный показатель значительное влияние. Примечательно, что в период с октября 1990 по июнь 1995 гг. 6% ответов басков относились к данной графе [6, р. 116].

В середине июля 1986 г. мы получили от организации «System Three», проводившей опрос, следующие результаты:

1. Шотландец, не британец: 39%.

2. Больше шотландец, чем британец: 30%.

3. В одинаковой степени и шотландец и британец: 19%.

4. Больше британец, чем шотландец: 4%.

5. Британец, не шотландец: 6%.

6. Не знаю/Нет ответа: 2%.

Полученные цифры показали степень «двойственности» в том, как большинство шотландцев (при сложении ответов на варианты 2–4 — 53%) воспринимало себя. Эта пропорция, однако, была меньше, чем 80%, по опросам каталонцев. Проведенное исследование породило много интересных интерпретаций. Как неоднократно отмечал в своих исследованиях Д. МакКрон², «регио-

¹ Другие формулировки были следующими: «В целом, могли бы Вы сказать, что Вы чувствуете...», или «В какие из этих пяти категорий Вы могли бы включить себя...».

² Со времени конституционных изменений в Соединенном Королевстве, после реализации ограниченных автономий Шотландии

нальная идентичность» (ответы 1 и 2) оказалась существенно выражена в Шотландии (69%) в сравнении с Каталонией (34%). Англичане могли испытывать больше сложностей в различении английской и британской идентичностей в связи с частым использованием слова «Англия» за пределами Британии, людьми, апеллирующими к Соединенному Королевству¹. В то время как шотландцы традиционно были более осведомлены о статусе Шотландии, входящей в состав королевства Великобритания, и поэтому более осознанно идентифицировали себя и как шотландцы, и как британцы. В течение 1990-х гг. резуль-

в составе Великобритании, Дэвид Мак-Крон первым приступил к проведению социологических исследований в Шотландии (1992), опросов шотландского общественного мнения и исследований в области национальной идентичности. Сначала Мак-Крон выступал в качестве редактора выходившего с 1983 г. ежегодника Шотландского правительства (The Scottish Government Yearbook) и далее в качестве автора ежегодного доклада «Опросы шотландского общественного мнения» («Opinion Polls in Scotland»), опубликованного в журнале «Вопросы шотландской политики» («Scottish Affairs»).

¹ Например, в Италии СМИ и общественное мнение в целом продолжают апеллировать к Соединенному Королевству, как к Inghilterra (Англия). То же самое было и в Испании до начала перехода к демократии и децентрализации в конце 1970-х гг. В Великобритании национализация символов (футбол, гольф или регби) привела к более точному различению в общественном сознании между Великобританией как целым и составляющими ее нациями.

таты исследований по «вопросу Морено» показали, что «региональная идентичность» была гораздо ниже (59% в 1992 г.). Тем не менее, согласно данным третьего опроса общественного мнения в Шотландии (2001 г.), результаты оказались близкими к показателям 1986 г. (36% — для категории 1 и 30% — для категории 2) [1].

Европейский локальный космополитизм и ограничивающие идентичности

Действительно, наднациональные структуры, подготовленные Европейским союзом, усилили наднациональные идентичности. Децентрализация стала основным фактором реализации современной политической жизни в Европе. <...>

Процесс наднационализации снизу и децентрализации сверху позволил значительно расширяться так называемому «космополитическому локализму»² (Moreno, 1999). Это находит отражение в социальных интересах, направленных одновременно и на развитие чувства локального сообщества и на участие в международном контексте. Таким образом, повышается согласованность между частным и общим.

² Комментарий переводчика: представляется благозвучнее далее переводить термин «cosmopolitan localism» на русский язык как «локальный космополитизм».

Европейский локальный космополитизм в основном затрагивает сообщества среднего размера, существующие в пределах или стремящиеся за пределы структур конкретного государства. В Европе он проявляется в рамках наций-государств (Дания и Финляндия), в рамках национальных образований, лишенных государственного статуса (Каталония или Шотландия), регионов (Брюссель или Венеция) и городских агломераций (Лондон или Берлин), хорошо подготовленных для того, чтобы осуществлять собственную инновационную политику в интегрированной Европе. Последние, судя по всему, продолжают традиции воссоздания политических сообществ, процветавших в эпоху до Нового времени (итальянские города-государства, Ганзейский союз, княжества). Вместе с тем, в отличие от периода Ренессанса, на сегодняшний день существуют общие институциональные связи, сопутствующие процессу европеизации. Народы ЕС, хотя и достаточно постепенно, но все-таки интернализируют европейские институты. Европейский суд и Шенгенское соглашение, также как и общая политика в области единой валюты евро, Маастрихтский макроэкономический критерий и программы, продвигаемые с помощью ОМК (открытый метод координации), могут рассматриваться в качестве шагов, приближающих нас к идее

наднациональной¹ европеизации². Вместе с тем, принцип субсидиарности предполагает, что решения будут приниматься на уровне ЕС только в случае, если местные, региональные или демократические государственные институты не смогут делать это более эффективно. Другими словами, оптимальная локализация решений заключается в том, чтобы они принимались как можно ближе к уровню самоуправления. Элиты национальных государств, сопротивляющиеся дальнейшему процессу европейской институционализации, часто интерпретировали принцип субсидиарности как защиту традиционного национального суверенитета и, со-

¹ Следует отметить, что во французской версии этой же статьи Л. Морено употребляет вместо «наднациональной европеизации» термин «транснациональная европеизация» («une trans-nationalisation européenne») — см.: [9, p. 16]. Эта деталь важна, т. к. до сих пор в литературе не закрыта дискуссия в отношении разницы между понятиями «наднациональный» и «транснациональный». Например, канадский исследователь Р. Тарас рассматривает транснационализм (transnationalism) лишь как первую ступень наднационализма (supranationalism), см [11, p. 71].

² Однако образование Соединенных Штатов Европы не является необходимым результатом процесса европеизации. Неофункционалистская школа мысли в целом приняла позицию, что универсальный прогресс предполагает интеграцию, которая рассматривается как культурная ассимиляция и формирование единой идентичности, согласно американской концепции «плавильного котла» [8].

ответственно, своей власти от централизованного вмешательства. Каким образом в рамках процесса европеизации субнациональные идентичности могут взаимодействовать внутри одного и того же государственного устройства? Какковы политические и институциональные последствия конфликта компонентов идентичностей у граждан с составной идентичностью? Возможно ли, что две субнациональные идентичности будут интегрированы в наднациональные организации (larger-than-the-state entity), способные сочетать в себе несовместимости? Могут ли исключительные формы идентификации, например, баскская-испанская, корсиканская-французская, фламандская-бельгийская, галло-итальянская или шотландская-британская быть совместимы с общей европейской идентичностью?

Эти вопросы не могут быть просто отброшены как часть политического оксиморона. Общий ответ для разных возможных случаев и демонстраций подобных дихотомий идентичности может быть только спекулятивным, т. к. эмпирические сравнительные данные еще отсутствуют. Однако следует подчеркнуть тот факт, что множественные идентичности устанавливаются в контекстуальном порядке в процессе постоянной адаптации к меняющимся политическим сценариям, во многих случаях модели-

руемым политическими партиями по причинам желания потратить как можно больше средств государственного бюджета на круг собственных избирателей¹. <...>

Важная составляющая дальнейшего анализа: будет ли освобождение от принадлежности к одной территориальной идентичности приводить к росту показателей по другому измерению идентичности. Высказывалось мнение, что английская /британская идентичности могут быть осмысленны в качестве противовеса Европейскому союзу, работать на исключение из ЕС [10]. В Шотландии наоборот европейская идентичность — и в целом более позитивное отношение к процессу европеизации — рассматривалась в качестве контраста по отношению к ситуации, сложившейся «к югу от границы». Также существует мнение, что нельзя сбрасывать со счета и ответный эссенциалистский характер национализма, выступающего против «размывания» характеристик национального государства, против движения в сторону «плавильного котла» бюрократизированного ЕС. Ряд авторов аргументирует, что потенциальный пессимистический сценарий вовсе не за горами. Всегда скрывающаяся латентная опасность ссор между нациями-государствами, экономических конфликтов между

¹ *Комментарий переводчика:* У Л. Морено используется английское выражение «'pork barrel' politics».

мировыми регионами или возможность роста религиозного фундаментализма и ксенофобии — представляет собой серьезную угрозу [2].

Большое внимание следует уделить вытекающим из идентичности проектам коллективного поведения в будущем. Как мы утверждали ранее, разделяемая идентичность Европейского союза, а также интернализация европейцев должны при-

вести к легитимизации европейских институтов, властей и политических стратегий. Однако необходимы дальнейшие исследования, для того чтобы проследить двустороннюю зависимость между европейской идентичностью и ее институциональными последствиями. Сохранение ресурса особой европейской идентичности представляет собой базу для строительства общего института гражданства.

1. *Bond R. and Michael R.* National Identities in Post-Devolution Scotland', Edinburgh, Institute of Governance. Online paper (www.institute-of-governance.org). 2002.
2. *Chomsky N.* World Orders, Old and New. L.: Pluto, 1994.
3. *McCrone D.* Understanding Scotland. The Sociology of Stateless Nation. L.: Routledge, 1992.
4. *Moreno L.* Decentralization in Britain and Spain: The cases of Scotland and Catalonia, Ph. D. thesis, University of Edinburgh, National Library of Scotland, 1986.
5. *Moreno L.* Local and Global: Mesogovernments and Territorial identities // Nationalism and Ethnic Politics. 1999. Vol. 5. №. 3/4. P. 61–75.
6. *Moreno L.* The Federalization of Spain. L.: Frank Cass, 2001.
7. *Moreno L. and McEwen N.* Exploring the territorial politics of welfare // The territorial politics of welfare / McEwen N. and Moreno L. (eds.). Oxon: Routledge, 2005. P. 1–40.
8. *Moreno L. and Palier B.* The Europeanization of Welfare: Paradigm shifts and social policy reforms // Ideas and Welfare State Reform in Western Europe / Taylor-Gooby P. (ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. P. 145–175.
9. *Moreno L.* Identités duales et nations sans état (la Question Moreno) // Revue Internationale de Politique Comparée, (monographic issue: La concurrence des identités? Débats a propos de l'utilisation de 'La question Moreno'. Coords.: André-Paul Frogner and Pierre Baudewyns). 2007. Vol. 14. № 4. P. 497–513.
10. *Schlesinger P.* From Cultural Defence to Political Culture: Media, Politics and Collective Identity in the European Union // Media Culture and Society. 1997. Vol. 19. P. 369–391.
11. *Taras R.* Europe Old and New: transnationalism, belonging, xenophobia. Rowman & Littlefield, Lanham, 2009.

References

1. *Bond R. and Michael R.* National Identities in Post-Devolution Scotland', Edinburgh, Institute of Governance. Online paper (www.institute-of-governance.org). 2002.
2. *Chomsky N.* World Orders, Old and New. L.: Pluto, 1994.
3. *McCrone D.* Understanding Scotland. The Sociology of Stateless Nation. L.: Routledge, 1992.
4. *Moreno L.* Decentralization in Britain and Spain: The cases of Scotland and Catalonia, Ph. D. thesis, University of Edinburgh, National Library of Scotland, 1986.
5. *Moreno L.* Local and Global: Mesogovernments and Territorial identities // Nationalism and Ethnic Politics. 1999. Vol. 5. №. 3/4. P. 61–75.

6. *Moreno L.* The Federalization of Spain. L.: Frank Cass, 2001.
7. *Moreno L.* and *McEwen N.* Exploring the territorial politics of welfare // The territorial politics of welfare / *McEwen N.* and *Moreno L.* (eds.). Oxon: Routledge, 2005. P. 1–40.
8. *Moreno L.* and *Palier B.* The Europeanization of Welfare: Paradigm shifts and social policy reforms // Ideas and Welfare State Reform in Western Europe / *Taylor-Gooby P.* (ed.). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005. P. 145–175.
9. *Moreno L.* Identit s duales et nations sans  tat (la Question Moreno) // Revue Internationale de Politique Compar e, (monographic issue: La concurrence des identit s? D bats a propos de l'utilisation de 'La question Moreno'. Coords.: *Andr -Paul Frogner* and *Pierre Baudewyns*). 2007. Vol. 14. № 4. P. 497–513.
10. *Schlesinger P.* From Cultural Defence to Political Culture: Media, Politics and Collective Identity in the European Union // Media Culture and Society. 1997. Vol. 19. P. 369–391.
11. *Taras R.* Europe Old and New: transnationalism, belonging, xenophobia. Rowman & Littlefield, Lanham, 2009.

А. Ф. ИЗМАЙЛОВ

ЗА МИР БЕЗ НАЦИЗМА: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ В ЛИТВЕ 1944–1956 гг.

Ключевые слова:

историческая память, советско-литовские отношения, тенденции исторического образования

Key words:

historical memory, Soviet-Lithuanian relations, trends of historical education

В статье анализируются общественно-политические отношения СССР и Литовской ССР в 1944–1956 гг. на основе изучения текстов архивных документов, материалов научных исследований и сообщений средств массовой информации. Автор предлагает свой взгляд на оценку этих отношений.

Social and political relations between the USSR and Lithuanian SSR in 1944–1956 years are analyzed in the article on the base of investigations of archive documents, results of scientific investigation and mass media information. The author's point of view on the relations is presented.

На центральной улице Вильнюса на одном из зданий установлена мемориальная доска, на которой на литовском и русском языках написано: «В этом здании в XX в. во время оккупации действовали репрессивные органы: гестапо и КГБ. Здесь планировался геноцид населения, граждане литовского государства содержались в заключении, подвергались допросам, пыткам и уничтожению». Авторы приведенного выше текста, мягко говоря, отошли от исторической правды, рассматривая события минувших лет с позиций нацистской идеологии, пытаясь поставить в один ряд захватнические действия фашистской Германии и освободительные действия Советского Союза.

Совсем недалеко от этой мемориальной доски располагается так называемый Музей жертв геноцида, названный в путеводителях по Вильнюсу музеем КГБ. Среди музейных экспонатов — материалы о так называемом «вторжении» российских войск в 1940 г. на территорию Литвы, о «деятельности» литовских «партизан» в 1944–1953 гг.

Знакомство с материалами музея вызывает противоречивые ощущения.

На стендах можно увидеть форму служащих советских органов НКВД–КГБ; фотографии литовских «партизан», их жертв. Глядя на эти фотоснимки, задаешься вопросом: кто эти люди, называвшие себя «партизанами»? Не те ли, кто в

1941 г. входил в ряды литовских полицейских батальонов, помогавших нацистам в геноциде мирного литовского населения? Не те ли добровольцы из числа литовских эмигрантов, откликнувшихся на призыв западных спецслужб, в том числе ЦРУ, вернуться в Литву для борьбы с «Советами» с оружием в руках? Это подтверждает и один из экспонатов музея: карта, на которой обозначены место американской разведшколы и маршрут двухмоторного самолета, доставившего разведчиков-диверсантов в советский тыл по маршруту Мюнхен — Гамбург — Любек (дозаправка самолета) — Каунас, где в окрестностях города и был выброшен этот десант. Прибывшие с Запада агенты «Союза литовских эмигрантов» организовывали «партизанские отряды», терроризировали представителей советской власти на местах, распространяли листовки, в которых говорилось, что американцы скоро освободят Прибалтику от «Советов».

События в Литве в 1944–1956 гг. еще не глубоко изучены. Существующие публикации на эту тему не всегда объективно отражают факты и явления, раскрывают их, исходя из определенных идеологических интересов, не придерживаясь в полной мере исторической правды. Исследования затруднены тем, что некоторые архивы и документы, касающиеся этого периода, все еще малодоступны, а некоторые оста-

лись в государственных структурах стран Балтии. Еще в 1959 г. местными партийными органами в Литве было принято решение о создании специальной группы по написанию истории повстанческого движения в республике на основе архивных документов [11, р. 23–24]. В 1960-е гг. на Западе появились первые публикации на эту тему. Их авторами были литовские эмигранты. В этих публикациях, как и в последующих, вплоть до настоящего времени, эта тема преподносилась и преподносится с точки зрения борьбы литовского народа за освобождение от советской власти, которая представлялась и представляется как «оккупационная».

События в Литве 1944–1956 гг. сопряжены с ситуацией, сложившейся в республике в 1930-х — начале 1940-х гг. Документы свидетельствуют о том, что в 1930-е гг. Литва была заинтересована в сотрудничестве с СССР. Так, в беседе с советским полпредом М. А. Карским в марте 1934 г. президент Литвы А. Сметона отмечал, что Литва «нуждается в поддержке СССР — политической, экономической и военной» [5, с. 435]. Есть немало документальных публикаций по истории «советизации» Литвы, в которых затрагиваются вопросы советского вступления в республику и вопросы переселения коренного населения [3; 9; 10]. Некоторые исследователи делают акцент на два

ключевых вопроса: вооруженное сопротивление «советизации» и выселение части местного населения [2; 12]¹.

Пытаясь представить сегодня так называемую «советизацию» Литвы как негативный период в истории литовского государства, осуществляя героизацию так называемых «лесных братьев», литовские националистические политики делают шаги к искажению исторических событий и фактов 1940–1950-х гг.

В условиях растущей в 1930–1940-е гг. поляризации геополитических интересов СССР и Германии Литва в конце концов сделала самостоятельный выбор по добровольному вхождению в состав СССР, в результате чего республике были возвращены ее исторические территории: Вильнюсский край с древней столицей Вильнюсом, а также Вилкавишский район, за который советское правительство заплатило Германии 7,5 млн долларов, а в 1945 г. Литве был возвращен Клайпедский край.

Российская исследовательница Е. Зубкова в своей книге «Прибалтика и Кремль» приводит слова немецкого историка Э. Оберлендера, который отмечает, что авторитарные режимы в странах Балтии в 1930-е гг. «оказались идеальными предпосылками для перехода влас-

ти в руки коммунистов» [4, с. 31], способствовали созданию условий для «советизации». Как отмечает Оберлендер, в процессе «советизации» в авторитарной системе, которую представляли в тот период прибалтийские государства, советско-коммунистическим кадрам «нигде не пришлось бороться с демократическо-парламентскими порядками, а нужно было всего лишь заменить авторитарных правителей коммунистическим персоналом, в то время как склонность авторитарных режимов к государственному контролю за экономикой служила благоприятной предпосылкой для быстрого внедрения коммунистического планового хозяйства» [3, с. 14].

Исторический подход к изучению минувших событий целесообразно подкреплять междисциплинарным подходом. Междисциплинарные связи истории, политики, экономики, культуры помогают глубже понять те или иные исторические события. Должно быть востребовано такое исследовательское направление в междисциплинарной науке, как многофакторный анализ, история человеческой личности, история развития социальных групп, история экономических, политических, культурных отношений человека в природной, культурной и общественной среде.

Пытаясь с этих позиций рассматривать события в Литве, отме-

¹ См. также: Херсонский М. История — наука или современная политика // Литовский Иерусалим. 2010. № 3–4.

тим, что административный фактор в управлении всегда играл решающую роль в истории российско-литовских отношений. Как свидетельствуют документы, в 1940–1950-е гг. из Москвы в Прибалтику присылались партийные, советские, военные кадры, прошедшие практику в Западной Украине, Западной Белоруссии, других регионах СССР. Эти кадры плохо представляли себе социально-экономические, культурные особенности, менталитет местного населения. Советским силовым структурам в борьбе с государственными преступниками на первых порах было трудно определить, кто из «лесных братьев» является представителем социального бандитизма, а кто — сторонником антисоветского национального движения. Среди литовских «партизан» были боевые офицеры литовской армии, полицейские, учителя, студенты, представители духовенства, фермеры, которым пообещали лучшую жизнь при новом буржуазном режиме. Позднее к ним присоединились так называемые «уклонисты» от призыва в ряды Советской Армии. Прибалтийские националисты, надеясь на поддержку Запада, вели партизанскую и информационную войну с советским государственным строем. На территории Прибалтики борьбу с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем осуществляли внутренние и пограничные войска,

а также истребительные батальоны НКВД–КГБ СССР.

Для устранения питательной среды вооруженных националистических формирований на территории Прибалтики был применен метод выселения лиц, являвшихся пособниками бандитов, что лишало националистическое подполье снабжения продовольствием, информации о мероприятиях властей, а также притока новых кадров [6, с. 6].

В отношениях Москвы и Вильнюса того периода прослеживается обострение общественно-политических связей именно на тех участках, которые всегда считались и считаются наиболее серьезными звеньями информационной войны: система управления, средства массовой информации, терроризм, всеобщее голосование, «отношение к историческому прошлому».

Система управления в Советской Литве, как в центре, так и на местах, требовала совершенствования. В советских органах управления в Литве в 1944–1956 гг. оказалось немало литовцев, сотрудничавших в годы фашистской оккупации с гестапо. Информация о положении дел в Советской Литве передавалась агентами литовских националистических организаций англо-американским представителям, от которых литовские агенты получали денежные субсидии [7, с. 289, 297].

Были просчеты и со стороны партийно-советских органов управления. В одном из сообщений в июле 1945 г. о засоренности кадров советского и партийного аппарата в Литве антисоветскими элементами отмечалось, что «выступления тов. Сулова на пленумах ЦК и различных совещаниях носят больше наставительный характер. К этим наставлениям и речам местные руководители так уже привыкли, что не обращают на них внимания и выводов для себя не делают. Никто из них никогда не возражает против представленных тов. Суловым решений, однако никто их и не выполняет, так как должного контроля за их выполнением нет» [7, с. 299–300].

Общественное мнение всегда было и остается объектом информационного воздействия. Руководители литовских националистических формирований активно использовали в пропагандистской работе листовки и газеты. Так, например, в ноябре 1945 г., как докладывалось в одном из сообщений в Москву, «у ксендза в надворных постройках костела в тщательно замаскированном бункере обнаружена типография, печатавшая газету “Верховного комитета освобождения Литвы” — “Разведчик свободы”» [7, с. 314].

В канун выборов в Верховный Совет СССР в феврале 1946 г. националистическим подпольем среди литовского населения распростра-

нялись листовки с призывом бойкотировать выборы, была разработана и распространена специальная директива, в которой содержались инструкции по «уничтожению избирательных участков», «а всех, кто голосовал по собственному желанию, расстреливать на месте, как предателей народа» [7, с. 341].

Следует отметить, что часть литовского населения в 1941–1945 гг. и в послевоенный период вполне лояльно относилась к новому советскому строю, участвовала в борьбе с нацизмом на стороне антигитлеровской коалиции, в составе подпольных, партизанских соединений, в стрелковой дивизии Красной Армии, а затем участвовала и в организации колхозов.

В ряде исследований высказывается точка зрения, что в Литве в 1940–1950-е гг., с одной стороны, шла гражданская война между литовцами и нелитовцами, между собственниками и несобственниками, с другой — шла война с государственными преступниками, которые с оружием в руках выступали против существующего государственного строя.

В некоторых исследованиях события в Литве того периода рассматриваются как политические мероприятия Советского Союза по обеспечению государственной безопасности страны в условиях агрессивных действий нацистской Германии.

Нам не стоит сегодня повторять прежние ошибки, когда отечественным историкам и специалистам из-за нехватки правдивого исторического материала в период перестройки трудно было что-то аргументировано противопоставить западным идеологам, которые в 1980-е гг. представляли события в Литве 1940–1950-х гг. в нужном им свете. Советская пресса пыталась привлечь внимание общественности к этой актуальной проблеме. В ноябре 1987 г. «Комсомольская правда» писала о выступлениях националистических групп в Прибалтике, о необходимости раскрывать неизвестные факты и события политической истории, например, о захвате гитлеровцами в марте 1939 г. Клайпеды (Мемеля) и Клайпедской области, говорить об этих фактах на занятиях молодежных политических клубов, разъяснять на страницах учебников¹.

В отчете с Пленума ЦК Компартии Литвы, обсудившего в апреле 1991 г. вопросы социально-экономической и аграрной политики, отмечалось, что принятые парламентом республики и готовившиеся законы являются юридической базой для реставрации довоенного буржуазного строя, разрушения социалистической экономики, усиления национализма. На фоне снижения

уровня жизни народа парламент республики в 5,2 раза увеличивал расходы на содержание органов власти и управления [8]².

Несмотря на попытки отдельных националистических литовских политиков переиначить исторические факты и события, не следует забывать, что независимость Литовской Республики была признана Советским Союзом на основании Постановления Государственного Совета СССР от 6 сентября 1991 г.

Литовские писатели литературными средствами отражали исторические события следующим образом: в годы войны немцев с русскими литовцы «сидели на двух стульях», служа одной идее — родине и ожидая, пока иссякнут силы у немцев и русских, а англичане и американцы принесут литовцам свободу, восстановив историческую справедливость [1, с. 131–133; 8].

В конце XX столетия литовские писатели представляли историю развития своей страны как процесс, в котором человек, совершенствуя себя, совершенствует таким образом общество, а не наоборот. Они видели настоящее и будущее Литвы таким, в котором старость должна быть обеспеченной и почитаемой, молодежь надо учить и воспитывать, богатый, хочет он того или нет,

¹ См.: Алталу Т. Без шпаргалок // Комсомольская правда. 1987. 11 ноября.

² См. также: Совет коммунистов Литвы // Правда. 1991. 23 апреля.

обязан делиться с продающим ему свои рабочие руки человеком.

Сегодня некоторые историки Литвы нередко скромно замолкают, когда речь заходит о событиях в Литве в 1940–1950-е гг. Объясняется это молчание просто. Как пишет газета «Литовский Иерусалим», 20 июля 2010 г. «вступила в силу редакция ст. 170-2 Уголовного кодекса (УК) Литовской Республики, положившая конец дискуссиям о проблемах истории Литвы 1940–1990 гг., в частности, связанных с геноцидом. Статья УК недвусмысленно указывает, что геноцидов было два. Когда проблемы истории решают не историки, а юристы, у историков могут возникнуть проблемы с УК»¹.

Вильнюсская еженедельная независимая газета «Обзор» пишет о том, что актуальность дискуссий на исторические темы в современных условиях возрастает. Однако для некоторых «историков», таких как автор статьи, опубликованной в литовской газете «Veidas» под заголовком «Нюрнбергский процесс по военным преступлениям — крупнейший в истории юридический фарс», история — это лишь «орудие сведения сегодняшних счетов, а не способ понять прошлое, чтобы жить по совести завтра»².

¹ Херсонский М. История — наука или современная политика // Литовский Иерусалим. 2010. № 3–4.

² Комментарий редакции газеты «Обзор» к статье А. Александревичюса «Вильнюс

Следует отметить, что департамент информации и печати МИД РФ однозначно отреагировал на публикацию литовского еженедельника «Вяйдас»: «Россия твердо и последовательно призывает жестко противодействовать недобросовестным попыткам переписать историю Второй мировой войны и поощрения пронацистских настроений. Малейшая уступка “демонам прошлого”, забвение истории или попытки переиначить ее чреваты новыми трагедиями»³.

Переходя от исторических событий к современным тенденциям в историческом образовании и воспитании в Литве, зададимся вопросом: какой истории учат сегодня в школах Литвы? Как преподносится в литовских школьных учебниках история Второй мировой войны? Вот лишь некоторые примеры из литовского школьного учебника: «22 июня 1941 года началась война между Германией и Советским Союзом. Для жителей Литвы она означала окончание первой советской оккупации и дала новые надежды». «В 1944 году началась вто-

Литве вернул Гитлер, а не Сталин» // Обзор. 2010. 25 ноября — 1 декабря.

³ Ответ официального представителя МИД России на вопрос СМИ относительно публикации в литовском еженедельнике «Вяйдас». [Электронный ресурс] // ИМА-Пресс: объединение средств информации. Общество. 2010. 2 декабря. URL: http://www.mid.rubrp_4.nsf (дата обращения: 20.12.2010).

рая оккупация». «Во Второй мировой войне победила антигитлеровская коалиция». «Среди победителей была одна из самых недемократических стран мира — Советский Союз». «Советский Союз защитился благодаря патриотизму, нацистскому террору, большой советской пропаганде, жестокости (советское руководство запрещало сдаваться в плен), помощи западных стран» [6].

Как известно, Советский Союз не «защитился», а победил. И никому не дано право говорить и писать неправду. Историческая правда заключается в том, что советский народ совершил великий подвиг, проявив мужество и стойкость в борьбе с фашистскими захватчиками, освободил свою страну и народы Европы от нацизма. Международный военный трибунал в Нюрнберге в ноябре 1945 г. вслед за Уставом ООН подтвердил незыблемость итогов Второй мировой войны, юридически закрепил результаты победы миролюбивых сил, признал преступной практику и все структуры нацизма.

Кто же хочет сегодня пересмотреть итоги Второй мировой войны, попытаться оправдать нацистов и их пособников? Это делают те, кто разрешает проводить и проводит шествия бывших эсесовцев в ряде

европейских столиц, организует преследование ветеранов-антифашистов, пытается признать свастику в качестве культурного наследия балтов, поощряет терроризм — варварскую идеологию, пропагандирующую насилие и агрессию. В России, как и в Прибалтике, есть силы, которые с пониманием относятся к историческим событиям прошлого, поддерживают международное движение «Мир без нацизма». Их благородный труд имеет большое значение для сохранения исторической памяти у молодых поколений.

В настоящее время между Российской Федерацией и Литовской Республикой развивается торгово-экономическое, научно-техническое, гуманитарное и культурное сотрудничество, расширяются российско-литовские политические контакты. Существующие научно-исследовательские связи между специалистами России и Литвы должны способствовать выработке объективных взглядов на исторические события минувших лет, противостоять пронацистским настроениям.

Правдивая историческая память учит, воспитывает, повышает ответственность за свои действия. Мы всегда должны помнить пророческие слова: «Кто управляет прошлым, тот управляет будущим».

1. *Авижюс Й.* Потерянный кров. М., 1975.
2. *Бугай Н. Ф.* Операция «Весна»: выселение народов из Прибалтики // Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.
3. Год кризиса. 1938–1939. Т. II. Документы и материалы. М., 1990.
4. *Зубкова Е.* Прибалтика и Кремль. М., 2008.
5. *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х — 1930-е гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб., 2000. Ч. 1: Декабрь 1928 — июнь 1934 г.
6. *Муслинов Р.* Уроки истории // *Istorijs tiesos jēga.* Сила исторической правды. Вильнюс, 2010. С. 150–152.
7. НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956): сб. документов. М., 2008.
8. *Петкявичюс В.* Корабль дураков. Галерея политических портретов и шаржей. Калининград, 2004. С. 290–292.
9. Полпреды сообщают...: сб. документов об отношениях СССР с Литвой, Латвией и Эстонией. Август 1939 — август 1940. М., 1990.
10. СССР и Литва в годы Второй мировой войны: сб. документов. Вильнюс, 2006. Т. 1. СССР и Литовская республика (март 1939 — август 1949).
11. *Галькайте-Фемайте Н.* The Partisan War in Lithuania from 1944–1953 // *The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States.* Vilnius, 1999. P. 23–24.
12. *The Partisan Movement in Postwar Lithuania // Lithuania under Soviets: portrait of a Nation.* 1940–1965. N. Y., 1965.

References

1. *Avizhus Yi.* Poteryannyi krov. M., 1975.
2. *Bugay N. F.* Operatsiya «Vesna»: vyseleniye narodov Pribaltiki iz Pribaltiki // L. Beriya — . Stalinu: «Soglasno Vashemu ukazaniyu...». M., 1995.
3. God krizisa. 1938–1939. T. II. Dokumenty i materialy. M., 1990.
4. *Zubkova E.* Pribaltika i Kreml M., 2008.
5. *Ken O. N., Rupasov A. I.* Politburo Ts.K VKP(b) i otnosheniya SSSR s zapadnymi sosednimi gosudarstvami (konets 1920-h — 1930-e gg.): problemy, dokumenty, opyt kommentariya. SPb., 2000. Ch. 1: Dekabr 1928 — iyun 1934 g.
6. *Musinov R.* Uroki istorii // *Istorijs tiesos jēga.* Sila istoricheskoy pravdy. Vilnius, 2010. S. 150–152.
7. NKVD-MVD SSSR v bor'be s banditizmom i vooruzhennym natsionalisticheskim podpol'em na Zapadnoy Ukraine, v Zapadnoy Belorussii i Pribaltike (1939–1956): sb. dokumentov. M., 2008.
8. *Petkyavichus V.* Korabl durakov. Galereya politicheskikh portretov i sharzhey. Kaliningrad, 2004. S. 290–292.
9. Polpredy soobschayut...: sb. dokumentov ob otnosheniyah SSSR s Litvoy, Latviey i Estoniey. Avgust 1939 — avgust 1940. M., 1990.
10. SSSR i Litva v gody Vtoroy mirovoy voyny: sb. dokumentov. Vilnius, 2006. T. 1. SSSR i Litovskaya respublika (mart 1939 — avgust 1949).
11. *Galkaite-Femaitene N.* The Partisan War in Lithuania from 1944–1953 // *The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States.* Vilnius, 1999. S. 23–24.
12. *The Partisan Movement in Postwar Lithuania // Lithuania under Soviets: portrait of a Nation.* 1940–1965. N. Y., 1965.

Е. И. КУДРЯВЦЕВА

КОМПЕТЕНЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ АКТУАЛЬНОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ МЕНЕДЖМЕНТА

Ключевые слова:*неявные характеристики, нестрогие понятия, компетенции, менеджмент***Key words:***implicit characteristics, mild notions, competences, management*

В статье анализируется компетентно-стный подход в менеджменте. Автор определяет предпосылки введения конструкта «компетенция» в область научного и практического дискурса, показывает, как различные исследовательские направления наполняют его содержание. Компетенция рассматривается как базовое понятие современного менеджмента и соотносится с иными конструктами его теории и практики.

The article examines the competence approach to management. The author defines the prerequisites for the introduction of the construct “competence” in scientific and practical discourse shows how different research areas fill its content. Competence is defined as the basic concept of modern management and is associated with other constructs of its theory and practice.

Современная действительность, особенно все, что относится к сфере управления, свидетельствует о том, что мир переживает трудно-рефлексируемую революцию. Все больше людей, работающих по найму, заняты производством и реализацией услуг. Вместо осязаемого, легко измеримого товара рынки предлагают продукты, представляющие собой комплекс услуг, при этом товар становится лишь поводом для оказания этих услуг. Потребитель имеет дело не с материальными объектами, которые он получает в обмен на деньги, а с неясными образами. Эти образы рассматриваются как качества и подлежат реф-

лексии, структурированию и измерению только в том случае, если качества декомпозируются на параметры, а параметры имеют индикаторы (показатели значимости различий). Фактически, система классификации качеств выступает как внешняя опора (подсказка) для конкретного психического образа. Качество — это знак, значением которого является психический образ, а отнюдь не конкретная характеристика материального объекта. Предметы потребления все больше виртуализируются, в то время как человеческое бытие протекает в конкретных материальных протяженностях.

Точно так же, как с предметами потребления, метаморфозы происходят и с системой производства. Меняется предмет профессиональной деятельности. Он все больше отрывается от материальной объектной формы промышленного производства и преобразуется в виртуальную многомерную сущность. Современный менеджмент рассматривает такие проблемы, как постановка целей, ответственность, трудности взаимодействия (см.: [5]). Усложнение процессов управления современным производством связано с невыраженностью многих процессов, разрывом между внешними проявлениями деятельности («работа за компьютером») и ее сущностью. В организации в большей степени фигурируют «знаки» продуктов — документы, свидетельствующие о выполнении конкретных задач, чем сами продукты (договоренности, гарантии, условия).

Результаты труда также не подлежат прямой оценке. «Что» произвели, «сколько» и даже «по какой себестоимости» — не имеет смысла оценивать до тех пор, пока произведенное не продано или, по крайней мере, не найдены покупатели. Производство (технологии) и продажи (коммерция) все больше попадают во взаимозависимость и уже не могут рассчитывать на автономию, характерную для XX в. Клиентоориентированный подход проникает все глубже в организации, возрас-

тает его роль в организационной структуре (см. [7]). Результат труда также можно определить как психический образ, содержание которого настолько сложно, что, вероятно, именно эта сложность и породила поток исследований и практических действий, объединенных понятием «мотивация». Особенно остро эти проблемы сформулированы в непроизводственной сфере, в частности — в системе государственной службы [6], где идет поиск новых подходов к решению задач эффективного управления [4].

Менеджмент как сфера практической деятельности и область теоретических построений все в большей степени вынужден обращаться к таким сферам познания, как философия, культурология, социология, психология, и не только в связи с тем, что это предоставляет возможность почерпнуть из них конкретные сведения (закономерности, механизмы), а для того, чтобы сформировать новые синтетические направления научного и практического дискурса. Так, например, психология помогает менеджменту ориентироваться в системе нестрогости и неясности, связанной с выходом современной практики в пространство сложных психических образов. Именно эти обстоятельства и создали новое направление — психологию стратегического управления, которое сформулировали Дж. П. Ходкинсон и П. Р. Сперроу

[10]. Логика, в которой развивается современный синтез психологии и менеджмента, отражена в ключевом понятии, которое исследователи вынесли в заглавие своей работы «Компетентная организация».

Компетентная организация — организация, которая действует в поле гиперконкуренции, в неустойчивом рынке, в условиях постоянной неопределенности. В этих условиях важным становится не только то, что «есть», но и то, как оно представляется, переживается субъектами деятельности. Любые ресурсы могут стать бесполезными, если менеджеры не обнаружат возможности их применения. Введение категории «видение» только подтверждает правоту подобного подхода к анализу современной бизнес-реальности.

Компетенции как категория (знак) обозначают сложную систему, в которой переплетаются рыночные условия, процесс производства продукта (качеств), способы деятельности, формы взаимодействия и взаимоотношений субъектов разной модальности (сотрудники, подразделения, организации). Компетенции в современной теории и практике менеджмента выступают, на наш взгляд, в качестве центрального понятия, отражающего как содержательную сторону, так и формат представлений о современной действительности. В этом понятии можно обнару-

жить как культурные, так и социальные, технологические стороны восприятия и понимания реальности современной деятельности и ее организации.

Начало исследований в области компетенций принято связывать с позицией А. Маслоу [13], который еще в 1940-е гг. предложил концепцию «четырёх стадий научения». Эта концепция объясняет, как именно формируется знание или навык в процессе его освоения. Первая стадия — неосознаваемая некомпетентность, неспособность человека осознать, что он чего-то не знает или не умеет. Вторая стадия — осознаваемая некомпетентность, выражающаяся в понимании дефицита навыков или знаний, когда человек понимает и принимает собственную некомпетентность. Третья стадия — осознаваемая компетентность, готовность человека поступательно формировать навыки в зоне, которую можно назвать «зоной развития». Она всегда определяется самим человеком, его потребностями, интересами, актуальными задачами. Четвертая стадия — неосознаваемая компетентность, проявляющаяся в свободе владения навыками, возможностью их переноса и синтеза.

Значительное число исследований проблем компетенций обусловлено разными причинами. Одной из них является постоянное столкновение исследователей и практи-

ков с феноменом «неосознаваемой некомпетентности», проявляющееся в приписывании себе взрослыми людьми навыков, которыми они реально не обладают. Феномен некомпетентности нашел свое отражение в книге А. Фарнема [9], ставшей сразу популярной. Автор рассматривает проблемы деятельности современных менеджеров и делает вывод о том, что значимым элементом в структуре компетентности выступает психическая устойчивость, которая позволяет специалистам не терять критичность самооценки и помогает справиться со многими трудностями, порождаемыми неопределенностью рабочей среды. Некомпетентность же способствует возникновению дополнительных сложностей, формируя «проблему в проблеме». Именно подобные случаи, вероятно, и имел в виду А. Маслоу [11, с. 12], когда писал о том, что неосознанная некомпетентность — это ситуация, в которой субъект обладает только молотком, и это заставляет его во всем видеть гвозди. Опасность неосознанной некомпетентности высока, т. к. существует риск использования инструментов различного рода не по назначению, что приводит и к порче инструмента, и к отсутствию решения базовой задачи, и к деструкции рабочего пространства.

Фактически, позиция А. Маслоу не противоречит юридическому толкованию понятия «компетен-

ция», которое широко используется в юридической практике¹. Юридическая компетенция — совокупность прав и полномочий, закрепленных за субъектом юридически. Субъект имеет право на что-то, может действовать определенным образом, решать конкретные задачи и реализовать функции. Юридическое и психологическое понимание компетенций объединено именно в точке самоидентификации субъекта. Проблема состоит в том, что юридически компетенция определяется извне (объективно), а психологически — извне и изнутри (субъективно). Именно эта внутренняя составляющая (самооценка) и оказывает существенное влияние на разрыв между реальными возможностями и представлениями о них.

Идея А. Маслоу корреспондирует еще с одной моделью, которая демонстрирует ограничения самосознания взрослых людей. Это так называемое «Окно Джогари» — модель, предложенная Дж. Люфтом и Х. Ингхемом [12]. Она демонстрирует ограничения представлений о себе, своем поведении по сравнению с реальным поведением, доступным для оценки со стороны.

Так или иначе, практика середины XX в. заставила специалистов

¹ См.: Сухарев А. Большой юридический словарь. 2005. [Электронный ресурс] // Национальная юридическая энциклопедия. URL: <http://determiner.ru/dictionary> (дата обращения: 10.10.2010).

обратить внимание на субъективную сторону навыков, наиболее востребованных в деятельности большинства людей, вне зависимости от их профессиональной принадлежности и уровня подготовки. Эта субъективная сторона заключается в осознании наличия (отсутствия) конкретного навыка, в его идентификации, способности человека к направленным усилиям по формированию дефицитных навыков, его готовности к тому, что навыки будут оцениваться со стороны, и только — по достигнутым с их помощью результатам.

Основной импульс развитию концепции компетенций придала статья Д. МакКлелланда [14]. Она не только открыла широкие возможности для исследований, но и создала прецедент, который не превзойден до сих пор (см. в этой связи статью Дж. Баррета и Р. Депнета [11]). Фактически именно позиция Д. МакКлелланда впервые объединила интересы психологии и бизнеса. МакКлелланд показал, что тестирование кандидатов на должности по типичному для психодиагностики сценарию (личные тесты плюс тесты на интеллект) не дает ясного прогноза успешности деятельности конкретного человека в конкретной должности. В то же время, по наблюдениям МакКлелланда, существует феномен «экспертного согласия». Он выражен в том, что люди скорее договорятся

друг с другом по поводу выбора лучшего работника, чем по вопросам о тех характеристиках, которые этого работника делают лучшим. Под этими характеристиками МакКлелланд подразумевал компетенции, которые очень трудно осознаются и вербализуются.

Подход, сформулированный Д. МакКлелландом, был полностью реализован в программе исследований Л. М. Спенсера-младшего и С. М. Спенсера [8]. Авторами проведено масштабное исследование в различных организациях. В результате, ими был составлен словарь из 21 компетенции, которые, по их мнению, важны как для специалистов, так и для руководителей среднего и высшего звена управления. Тщательная работа, проведенная Спенсерами, подтвердила позицию Д. МакКлелланда о том, что компетенции могут быть оценены экспертным путем, прежде всего потому, что они могут быть идентифицированы экспертами.

Фактически, с этого момента исследование проблем соотношения эффективности деятельности и субъектных (принадлежащих субъекту) характеристик пошло по новому направлению. Вместо традиционного психодиагностического сценария «параметры методик — характеристики субъекта (личности, индивидуальности) — прогноз успешности деятельности» возник новый сценарий «требования к ус-

пешной деятельности (компетенции) — оценка компетенций субъекта». По словам МакКлелланда, приведенным во введении к книге Спенсеров, этот путь можно назвать «движением за компетенциями», анализом «человека-в-работе». Там же МакКлелланд изложил и основные характеристики компетенций. Они заключаются в том, что компетенции: а) должны быть измеримыми, б) должны надежно отличать лучших работников от средних и худших.

Знаковым событием в истории компетентностного подхода стал выход работы Р. Бояциса [2]. Р. Бояцис выделил такие составляющие компетенции, как цели управления, руководство подчиненными, управление человеческими ресурсами и лидерство.

Именно с выходом книги Р. Бояциса связано активное развитие представлений о компетенциях и создание моделей компетенций, применяемых в практике управления человеческими ресурсами. В настоящее время (по данным британской компании CIPD, опубликованным в июне 2010 г.) около 60% специалистов опираются в своей работе на модель компетенций и только пятая часть не использует модели компетенций для своего профессионального развития¹. При

этом в 50% случаев существования моделей компетенций используется общая корпоративная модель для всех сотрудников. Исследования показывают, что модели компетенций применяются как в крупных компаниях, таких как «Газпром» [1], так и в небольших, штатная численность которых не превышает 250 человек.

Пытаясь пролить свет на понятие «компетенция» и связанные с ним, важно остановиться на идее, предложенной А. Стуфф, Р. Мартенсом и Х. ванн Мерринбеером [16]. Этими авторами сделано предположение, что «компетенция» как нестрогое понятие не может быть описана через набор ее структурных элементов или через ключевые характеристики. Они предложили так называемый «граничный подход», который позволяет определить содержательную область, именуемую «компетенция», за счет «отстройки» от близких, но иных по содержанию понятий и соотнесения с близкими по сути понятиями. Согласно их методу, компетенцию необходимо определять через оценку объема этого понятия и нахождению условных альтернатив (близких, но отличных по содержанию категорий).

В первом случае авторами исследуются следующие вопросы:

¹ Competency and competency frameworks // CIPD Research, 2010. [Электронный ресурс] // Официальный сайт CIPD. URL:

<http://www.cipd.co.uk/subjects/perfmangmt/competnces/comptfrmwk> (дата обращения: 10.10.2010).

- различие американской и британской моделей в акцентах на личностных особенностях и характеристиках деятельности;
- различия индивидуальных и организационных компетенций (особенно, принимая во внимание идею организации как особого субъекта);
- различия в специальных и общих компетенциях;
- соотношение понятия «компетенция» с конкретным показателем (степенью успешности, уровнем освоения);
- проблема обучения компетенциям (модель «айсберга»);
- проблема динамики компетенций (возможность обучения компетенциям).

Идя от близких, но отличающихся по содержанию понятий, авторы призывают рассмотреть такие проблемы, как различие: компетенции и действия (нацеленность на результат), компетенции и квалификации (формальное признание и стандарты), компетенции и способности (проблема реализации), компетенции и знания, умения, навыки.

Раскрывая подобным образом понятие «компетенция», авторы представленной идеи останавливаются на том, что компетенция всегда определяется контекстуально и во многом отражает именно те аспекты, которые значимы для того или иного автора исследова-

ния. В качестве значимых аспектов контекста могут выступать особенности организационной культуры или национального менталитета, социальное происхождение работников (особенности обучения и подготовки), специфика рабочего места (наличие специального оборудования или особый функционал). Компетенции, характеризующиеся «через работника» или «через работу», могут оказаться сходно определяемыми, т. к. и в том и в другом случае речь идет об опыте, который формируется у конкретных людей в конкретной ситуации [15].

Наиболее ясно контекстуальную позицию при определении компетенций высказал О. И. Генисаретский [3]. В его концепции компетенции связаны с технологической и социально-институциональной организацией деятельности и осуществляются они на стыке технологии (процесса, протекающего в пространстве и времени) и института (структуры, определяемой через узлы и каналы или сети и потоки). Компетенции всегда определяются в конкретных организационно-деятельных условиях и имеют отношение к конкретному контексту (в частности — корпоративному развитию).

Широкая практика использования идеи компетенций в разных странах не смогла пролить свет на соответствующие понятия. Скорее

всего конструкт «компетенция» не может быть описан в какой-то одной формальной модели. Категорию «компетенция» можно отнести к нестрогим понятиям, таким как «видение» или «философия организации». Появление этих понятий свидетельствует о переходе современного дискурса в поле особой семантики, принципиально отличной от жестких построений прошлого. Это — область символических представлений, в кото-

рой объективизм не может оказать помощь. Идея компетенций как нельзя лучше демонстрирует переход труда (и связанных с ним явлений) в область виртуального, и специалистам различных областей знания (даже таких вполне традиционных, как экономика или инженерное дело) придется еще не раз столкнуться с нестрогими понятиями, так легко приживающимися в современном менеджменте.

1. *Беляев А.* Система компетенций для высшего звена в ОАО «Газпром» // *Кадровик. Кадровый менеджмент.* 2009. № 4. С. 17–24.
2. *Бояцис Р.* Компетентный менеджер: Модель эффективной работы. М.: HIPPO, 2008.
3. *Генисаретский О. И.* Эффекты цивилизационной синергии: стратегии, коммуникации и компетенции ради развития // *Азиатско-Тихоокеанские реалии, перспективы, проекты.* Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2004. С. 185–193.
4. *Горшков А. С., Кириллов А. Л.* Принципы управления по результатам в деятельности органов власти // *Управленческое консультирование.* 2008. № 1. С. 5–13.
5. *Друкер П.* Рождение новой организации // *Управление знаниями.* М.: Альпина бизнес букс, 2006. С. 9–26.
6. *Козырев А. А.* Система мотивации трудовой деятельности государственных служащих // *Управленческое консультирование.* 2010. № 4. С. 30–37.
7. *Куршакова Н. Б., Шавровская М. Н.* Особенности формирования корпоративной культуры в клиентоориентированных организациях // *Управление корпоративной культурой.* 2009. № 1. С. 53–59.
8. *Спенсер-мл. Л. М., Спенсер С. М.* Компетенции на работе. М.: HIPPO, 2005.
9. *Фарнем А.* Некомпетентный менеджер. Некомпетентность как массовое безумие. М.: ГИППО, 2008.
10. *Ходкинсон Дж. П., Сперроу П. Р.* Компетентная организация: психологический анализ процесса стратегического менеджмента. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
11. *Barrett G. V., Depinet R. L.* A reconsideration of testing for competence rather than for intelligence // *American Psychologist.* 1991. Vol. 46. № 10. P. 1012–1024.
12. *Luft J., Ingham H.* The Johari window, a graphic model of interpersonal awareness // *Proceedings of the western training laboratory in group development.* Los Angeles: UCLA, 1955.
13. *Maslow A. H.* *Psychology of Science: A Reconnaissance.* N. Y.: Atlantic, 1966.
14. *McClelland D. C.* Testing for competence rather than for intelligence // *American Psychologist.* 1973. Vol. 28. № 1. P. 1–14.
15. *Sandberg J.* Competence — The basis for a smart workforce // *Training for a smart workforce / R. Gerber and A. Levett (eds.).* L.: Routledge, 2000. P. 28–64.
16. *Stoof A., Martens R. L., van Merrienboer J. G.* Web-based support for constructing competence maps: design and formative evaluation // *Educational Technology Research and Development.* 2007. Vol. 55. № 4. P. 33–51.

References

1. *Belyaev A.* Sistema kompetentsiy dlya vysshego zvena v OAO «Gazprom» // Kadrovik. Kadrovyy menedzhment. 2009. № 4. S. 17–24.
2. *Boyatsis R.* Kompetentnyy menedzher: Model effektivnoy raboty. M.: HIPPO, 2008.
3. *Genisaretskiy O. I.* Effekty tsivilizatsionnoy sinergii: strategii, kommunikatsii i kompetentsii radi razvitiya // Aziatsko-Tikhoookeanskii realii, perspektivy, proekty. Vladivostok: Izd-vo Dalnevostochnogo universiteta, 2004. S. 185–193.
4. *Gorshkov A. S., Kirillov A. L.* Printsipy upravleniya po rezul'tatam v deyatelnosti organov vlasti // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2008. № 1. S. 5–13.
5. *Druker P.* Rozhdenie novoy organizatsii // Upravlenie znaniyami. M.: Alpina biznes buks, 2006. S. 9–26.
6. *Kozyrev A. A.* Sistema motivatsii trudovoy deyatelnosti gosudarstvennykh sluzhaschikh // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2010. № 4. S. 30–37.
7. *Kurshakova N. B., Shavrovskaya M. N.* Osobennosti formirovaniya korporativnoy kultury v klientoorientirovannykh organizatsiyakh // Upravlenie korporativnoy kulturoy. 2009. № 1. S. 53–59.
8. *Spenser-ml. L. M., Spenser S. M.* Kompetentsii na rabote. M: HIPPO, 2005.
9. *Farnem A.* Nekompetentnyy menedzher. Nekompetentnost kak massovoe bezumie. M.: GIPPO, 2008.
10. *Hodkinson Dzh. P., Sperrow P. R.* Kompetentnaya organizatsiya: psikhologicheskii analiz protsessa strategicheskogo menedzhmenta. Kharkov: Gumanitarnyy tsentr, 2007.
11. *Barrett G. V., Depinet R. L.* A reconsideration of testing for competence rather than for intelligence // American Psychologist. 1991. Vol. 46. № 10. P. 1012–1024.
12. *Luft J., Ingham H.* The Johari window, a graphic model of interpersonal awareness // Proceedings of the western training laboratory in group development. Los Angeles: UCLA, 1955.
13. *Maslow A. H.* Psychology of Science: A Reconnaissance. N. Y.: Atlantic, 1966.
14. *McClelland D. C.* Testing for competence rather than for intelligence // American Psychologist. 1973. Vol. 28. № 1. P. 1–14.
15. *Sandberg J.* Competence — The basis for a smart workforce // Training for a smart workforce / R. Gerber and A. Levett (eds.). L.: Routledge, 2000. P. 28–64.
16. *Stoof A., Martens R. L., van Merrienboer J. G.* Web-based support for constructing competence maps: design and formative evaluation // Educational Technology Research and Development. 2007. Vol. 55. № 4. P. 33–51.

А. В. РУКОВЧУК

ОПТИМИЗАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ БАНКОМ

Ключевые слова:

коммерческий банк, организационная структура, оптимизация, эффективность, маркетинг-ориентированная структура, матричная модель, дивизиональная модель

Key words:

Commercial bank, organizational structure, optimization, efficiency, marketing-focused structure, matrix model, divisional model

Статья посвящена проблемам повышения эффективности и конкурентоспособности российских коммерческих банков в посткризисный период. Проектирование оптимальной организационной структуры управления позволяет решить поставленную задачу в контексте достижения стратегических целей. Автор рассматривает типовые современные модели организационных структур, проводит сравнительный анализ, указывает достоинства моделей, их недостатки и предпочтительные сферы применения.

The article is devoted to the problems of increasing the efficiency and competitiveness of the Russian commercial banks in the post-crisis period. Development of optimal organizational structure of bank management allows to perform the assigned mission in a context of achievement of strategic targets. Typical modern models of organizational structures are considered, the comparative analysis is carried out, advantages of models, their lacks and preferable scopes of application are specified.

Организационная структура в системе управления банком

Как показала практика, банковская система сыграла решающую роль в преодолении последствий недавнего экономического кризиса в стране, действуя как рычаг, способствующий выходу из кризиса и в определенной степени оздоровлению национальной экономики. Однако при этом и сама система, вступая в качественно новую стадию развития, не должна оставаться инертной, стремясь к постоянному повышению эффективности своей деятельности. При

постоянно возрастающей конкуренции между отечественными коммерческими банками, а также со стороны иностранных банков, присутствующих на российском рынке банковского капитала, вопросы оптимизации, повышения эффективности управления каждого конкретного банка при одновременной минимизации доли управленческих затрат приобретают первостепенное значение.

Формирование организационной структуры банка — одна из главных задач управления, обусловленных выбором стратегических целей кредитной организации и определя-

ющих пути их достижения [7]. Организационная структура обеспечивает основу для принятия управленческих решений, создает механизмы эффективного функционирования, мотивации, планирования и контроля, а также обуславливает адаптацию и корректировку стратегических планов и задач. Процесс разработки и формирования организационной структуры предопределяет основу для последующего управления всеми структурными подразделениями банка.

Формирование эффективной структуры не является гарантом успешного функционирования кредитной организации, но создает для этого ряд существенных предпосылок. Помимо создания структурных подразделений, она предусматривает выработку системы целей и распределение их между различными универсальными и специализированными звеньями, находящимися в определенных связях и отношениях между собой. Кроме того, организационная структура подразумевает наличие как функциональных, так и управленческих связей с соответствующим распределением полномочий и ответственности [2; 6]. Эти связи и делегирование полномочий внутри банка являются необходимыми условиями создания дееспособного механизма осуществления всех банковских операций, предоставления широкого спектра услуг клиентам, выполнения иных

функций и задач банка. Другими важными элементами организационной структуры управления являются коммуникации, потоки информации и документооборот в организации.

Такой многоаспектный характер процесса модернизации организационных структур требует применения как формальных, так и неформальных методов их проектирования. Поэтому для построения эффективной организационной структуры, адаптивной к изменениям внешних условий, необходимо сочетание научных методов и принципов формирования структур, т. е. системного подхода, с большой экспертно-аналитической работой, изучением отечественного и зарубежного опыта.

Системность подхода к формированию организационной структуры проявляется в необходимости следовать определенным правилам, среди которых следует выделить основные:

1. Определять и утверждать все стратегические цели и направления деятельности коммерческого банка на долгосрочную перспективу.
2. Четко формулировать и не упускать из виду ни одну из управленческих задач, без решения которых достижение стратегических целей банка окажется затруднительным либо невозможным.
3. Выявлять и взаимно увязывать применительно к этим задачам

всю систему функций, полномочий, прав и ответственности всех участников системы управления — от председателя правления или даже участников совета директоров до менеджеров и руководителей самого низкого уровня управления.

4. Обеспечивать органическое сочетание вертикальных и горизонтальных связей и отношений в системе управления.

В единой системе должны рассматриваться и различные методы формирования организационных структур управления.

Методы проектирования банковских организационных структур

Методы разработки, проектирования и непосредственного формирования организационной структуры коммерческого банка сочетают в себе как технологические, экономические, информационные, административные, организационные взаимодействия, поддающиеся непосредственному анализу и рациональному проектированию, так и социально-психологические связи и характеристики, анализ и планирование которых в большинстве случаев могут быть выполнены лишь на качественном уровне с большой долей интуитивной составляющей в решениях, основанных на практическом опыте разработчиков и полученных эмпирических данных.

Специфика проблемы проектирования организационной структуры управления банком состоит в том, что она не может быть адекватно представлена в виде задачи формального выбора наилучшего варианта организационной структуры по четко сформулированному, однозначному, математически выраженному критерию оптимальности. Это — многокритериальная проблема, имеющая как количественный, так и качественный аспекты. Она должна решаться на основе сочетания формализованных методов анализа, оценки и моделирования организационных систем с субъективными взглядами и решениями руководителей, специалистов и экспертов относительно выбора и оценки наилучших вариантов организационных решений.

Применительно к кредитным организациям можно выделить следующие наиболее характерные методы организационного проектирования структур управления банками [4]:

- метод аналогий;
- экспертно-аналитический метод;
- метод структуризации целей;
- метод организационного моделирования.

Метод аналогий

Данный метод состоит в применении организационных форм и механизмов управления на основе

типовых структур управления организацией, определении границ и условий их применения с последующей корректировкой в соответствии с особенностями конкретного банка и с учетом отклонений от заложенной в модель типовой ситуации.

Типизация решений является средством повышения общего уровня организации управления. Однако типовые организационные решения должны быть многовариантными, регулярно корректироваться и допускать отклонения в случаях, когда конкретные условия работы банка отличаются от сформулированных стандартных условий.

Экспертно-аналитический метод

Метод состоит в обследовании работы банка силами квалифицированных специалистов, для того чтобы выявить специфические особенности, проблемы в работе аппарата управления, а также выработать рациональные рекомендации по его формированию или перестройке. Эти рекомендации должны формулироваться исходя из количественных экспертных оценок эффективности организационной структуры, полученных статистико-математическими методами, из рациональных принципов управления, а также обобщения и анализа наиболее передовых тенденций в области организации управления банками.

Особое место среди экспертных методов занимает разработка графических и табличных описаний организационных структур и процессов управления, отражающих рекомендации по их оптимизации и построению наиболее эффективных взаимосвязей между подразделениями. Этому предшествует разработка вариантов организационных решений, направленных на устранение выявленных проблем, отвечающих научным принципам и передовому опыту организации управления, а также требуемому уровню количественных и качественных критериев оценки эффективности организационных структур.

Метод структуризации целей

При использовании данного метода чаще всего выполняется следующая последовательность основных этапов [1]:

I этап — разработка системы целей, представляющей собой функциональную основу для взаимной увязки всех видов управленческой деятельности.

II этап — поиск имеющихся типовых вариантов организационных структур с частными допущениями, соответствующими установленной системе целей, с учетом собственной функциональной специализации и системы вертикальных и горизонтальных связей.

III этап — экспертный анализ предлагаемых вариантов организа-

ционной структуры с точки зрения организационной обеспеченности достижения каждой из целей, соблюдения установленных приоритетов достижения целей посредством функциональной ориентации подразделений, определения отношений руководства, подчинения и взаимодействия подразделений.

IV этап — составление и распределение прав и ответственности как между отдельными подразделениями, так и по вертикалям структуры управления, объединяющим укрупненные виды деятельности банка в соответствии с определенными ранее стратегическими целями.

Метод организационного моделирования

Данный метод представляет собой формирование базовой организационной структуры банка путем разработки формализованных математических, графических, схематических, табличных и других отображений распределения полномочий и ответственности в банке, являющихся базой для построения, анализа и оценки различных вариантов организационных структур с целью обоснованного формирования итогового варианта организационной структуры банка по совокупности выбранных критериев. Этот метод требует повышенных затрат по сравнению с другими методами, и его рационально приме-

нять в случае построения организационной структуры крупного и многофункционального банка, характеризующегося широким разнообразием направлений и видов деятельности, необходимостью создания множества аналитических служб, сложностью организации эффективной системы взаимодействия, документооборота и обмена информацией между подразделениями. Данный метод эффективен в случае существования множества критериев выбора и оптимизации создаваемой организационной структуры, а полученные данные невозможно обработать аналитически без применения формализованных методов оптимизации многокритериальных задач, реализуемых при помощи средств автоматизации. Можно выделить несколько основных типов моделей организационных структур, используемых в рамках данного метода [9]:

1. Математико-кибернетические модели иерархических управленческих структур, описывающие организационные связи и отношения в виде систем математических уравнений и неравенств.

2. Графоаналитические модели организационных систем, представляющие собой сетевые, матричные и другие отображения распределения функций, полномочий, ответственности и организационных связей. Примерами могут служить схематические описания матери-

альных, информационных, денежных потоков совместно с управленческими действиями.

3. Натурные модели организационных структур и процессов, заключающиеся в оценке их функционирования в реальных условиях. К ним относятся: организационные эксперименты — заранее спланированные и контролируемые перестройки структур и процессов в реальных организациях; лабораторные эксперименты — искусственно создаваемые ситуации принятия решений и организационного поведения; управленческие игры — моделирование организационных структур вместе с конкретными участниками их будущего воплощения, включающее отработку вариантов поведения в различных ситуациях и совместный поиск наиболее эффективного варианта.

4. Математико-статистические модели зависимостей между исходными факторами организационных систем и характеристиками организационных структур управления. Они построены на основе сбора, анализа и обработки эмпирических данных об организациях, функционирующих в сопоставимых условиях.

Процесс проектирования организационной структуры управления должен быть основан на совместном использовании нескольких методов. Выбор метода решения той или иной организационной пробле-

мы зависит от множества факторов, характеризующих как требуемый результат разработки, так и имеющиеся ресурсы для проведения необходимых исследований, анализа и расчетов.

Формирование организационной структуры управления банком

Процесс формирования организационной структуры банка включает в себя следующие традиционные этапы [8]:

- анализ и обоснованный выбор типа организационной структуры;
- построение главных вертикальных и горизонтальных осей будущей структуры;
- проектирование всего множества основных структурных подразделений;
- определение общего функционального содержания их деятельности;
- формулировка целей и задач каждого подразделения;
- определение состава подразделений, их первоначальной численности и места в общей структуре банка;
- планирование обеспечения подразделений всеми видами необходимых ресурсов;
- разработка положений, процедур и прочих регламентирующих документов, закрепляющих и регулирующих функции, связи и процессы, которые

осуществляются в системе управления банком, устанавливающих уровни и количественные параметры полномочий, предоставленных подразделениям.

Базовые типы организационных структур управления банком

Организационная структура управления банком — это единая совокупность всех подразделений банка, включая взаимные вертикальные и горизонтальные управленческие связи, которая нормативно закреплена во внутренних регламентирующих документах, с указанием их главных функций, отношений соподчиненности между ними, а также с разграничением уровней полномочий, компетенции и ответственности различных инстанций и конкретных руководителей [7].

В практической деятельности банков существует множество различных организационных структур управления. По существу, нет двух банков с абсолютно одинаковыми структурами, каждый из них имеет свои индивидуальные отличия в структуре управления. Параметры конкретной организационной структуры зависят от множества факторов, таких как величина банка, масштаб его операций, наличие филиалов, круг функциональных направлений деятельности, состав и квалификация руководителей,

специфика обслуживаемых рыночных секторов банковских услуг, приоритеты отдельных операций, особенности внутренней политики банка по разным направлениям и многих других. Организационная структура каждого банка уникальна. Однако среди всего многообразия банковских организационных структур, которые исторически складывались и видоизменялись с развитием национальной банковской системы, по отдельным ключевым признакам можно выделить ряд важнейших моделей структур управления банком [1]. Они делятся на два базовых типа:

- традиционные модели организационных структур управления банком;
- маркетинг-ориентированные модели организационных структур управления.

Традиционные модели банковских организационных структур формируются по общему признаку функциональной специализации подразделений и могут быть объединены в один класс моделей банковских структур управления.

Концептуальным подходом к формированию традиционной банковской структуры является четкая специализация всех структурных единиц банка по функциональному содержанию их деятельности применительно к коммерческим отделам и департаментам, а также внутренним, вспомогательным

и иным структурным подразделениям. Качественный принцип построения традиционных моделей банковских организационных структур представлен на схеме, изображенной на рис. 1.

Традиционные модели банковских организационных структур в силу четкой функциональной направленности в их построении характеризуются следующими основными преимуществами:

- высокий уровень качества предоставляемых банковских услуг, являющийся следствием функциональной специализации подразделений;
- функциональный характер управления процессом производства банковских продуктов и услуг.

Наряду с преимуществами необходимо также выделить следующие

главные недостатки традиционных, или функциональных, структур управления банком:

- техническая сложность организации комплексного обслуживания клиентов;
- недостаточная эффективность управления процессами реализации банковских продуктов.

В связи с ужесточением конкуренции неизбежно возникала необходимость перехода к качественно новым технологиям обслуживания клиентов. Это потребовало трансформации системы управления банком, перехода от процесса создания банковского продукта к его реализации как приоритетному направлению банковской деятельности. С другой стороны, стремительное развитие научно-технического прогресса и использование его новейших достижений в сфере бан-

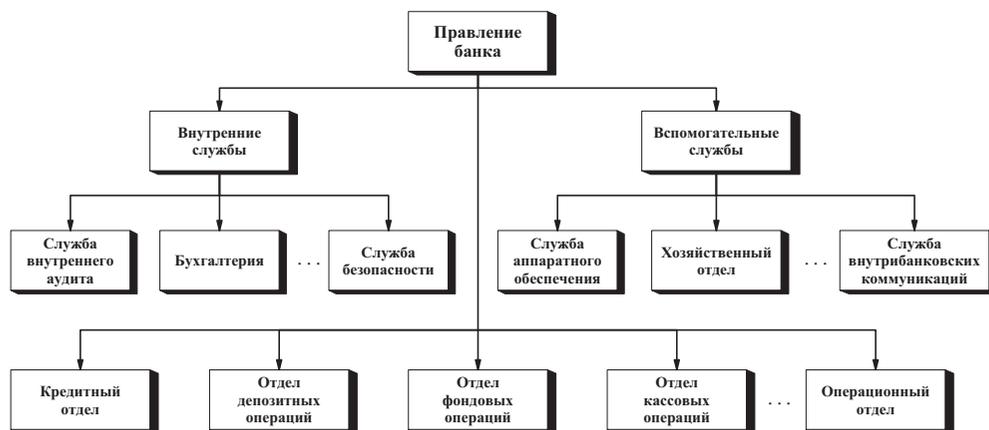

Рис. 1

ковской деятельности привело к принципиальным изменениям в банковских технологиях и коммуникациях и позволило реорганизовать систему управления коммерческим банком на качественно новой технической основе. Все перечисленные факторы способствовали возникновению и развитию новых форм организационных структур коммерческих банков, разработанных с целью приоритетного удовлетворения потребностей клиентов. Они получили название маркетинг-ориентированных организационных структур управления банком [7].

Маркетинг-ориентированные организационные структуры представляют собой целый класс организационных структур из различных сфер, принципом управления которыми является нацеленность на результат [3; 4; 5]. При управлении банком его внутренняя инфраструктура объединена единым принципом ориентации на интересы и потребности клиентов.

В целом следует выделить следующую градацию маркетинг-ориентированных организационных структур управления банками:

- организационные структуры управления по группам услуг;
- организационные структуры управления по группам клиентов;
- матричная форма организационных структур управления;

— дивизиональная форма организационных структур управления.

У маркетинг-ориентированных организационных структур можно отметить следующие достоинства, являющиеся общими для всех перечисленных видов:

- получение конкурентных преимуществ за счет качественно новых методов обслуживания клиентов и реализации банковских услуг;
- обеспечение большей гибкости системы управления банком в целом.

С другой стороны, для организационных структур данного типа характерны следующие недостатки:

- методическое усложнение системы управления;
- возможное снижение качества услуг из-за отказа от узкой функциональной специализации;
- потенциально возможные пересечения уровней полномочий и дублирование управленческих функций.

Выбор банком конкретной модели организационной структуры управления зависит от множества факторов, среди которых можно выделить следующие:

- размеры и географические масштабы банка;
- наличие и разветвленность филиальной сети;
- наличие и направления специализации банка;

- степень и возможности внедрения новых банковских продуктов и технологий;
- отраслевая направленность и удельный вес постоянной клиентуры банка;
- история, уровень общей культуры банка, менталитет и традиции в управлении;
- квалификация управленческого и производственного персонала;
- текущая и прогнозная конъюнктура рынка в целом и отдельных сегментов.

Окончательный выбор конкретной модели, а также ориентировочные сроки реорганизации зависят от специфики коммерческого банка.

Маркетинг-ориентированная модель организационной структуры управления банком по группам услуг (рис. 2) является своего рода переходной от традиционной модели к базовым видам маркетинг-ориентированных структур, отличаясь большей направленностью на рынок потребителей банковских продуктов, но сохраняя при этом мно-

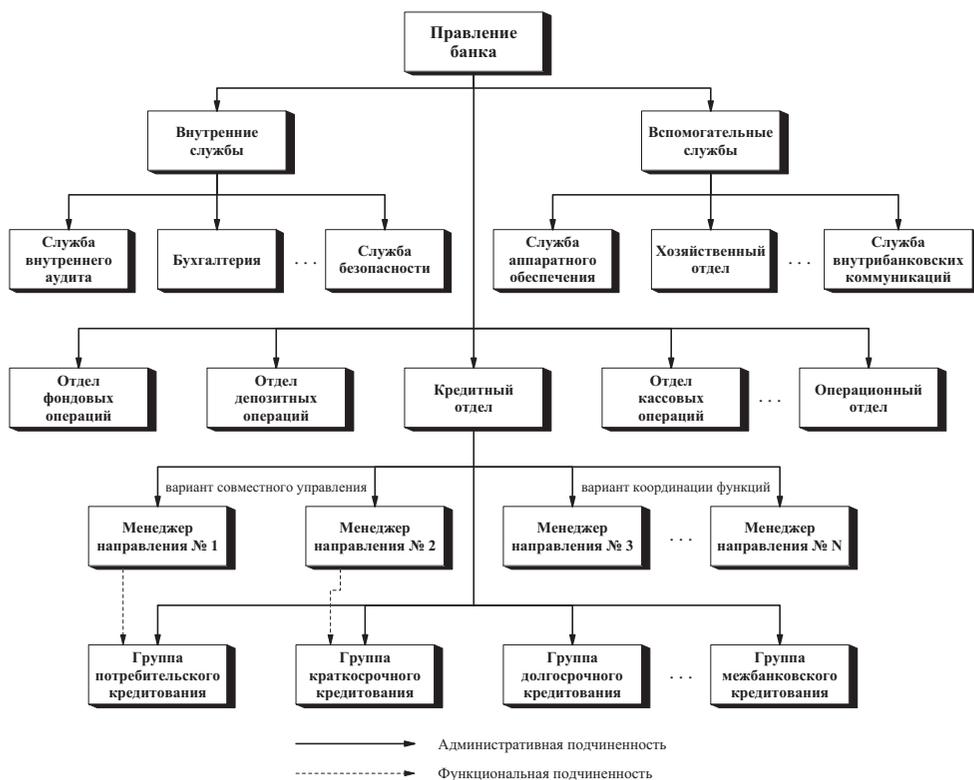

Рис. 2

гие важные черты и принципы модели традиционного типа. Концептуальным подходом к формированию данного вида банковской структуры является сохранение специализированных по функциональному признаку линейных подразделений с введением в каждом из них должности менеджера группы услуг, отвечающего за маркетинг на определенном участке рынка.

Маркетинг-ориентированные организационные структуры управления по группам услуг, будучи моделями переходного типа от традиционных банковских организационных структур, обладают следующими основными преимуществами:

- отсутствие необходимости радикальной реорганизации банка с неизбежными нарушениями непрерывности нормального процесса предоставления услуг;
- специализация менеджера-маркетолога на относительно узком сегменте рынка, способствующая более эффективному применению его трудового потенциала;
- персонификация ответственности менеджера-маркетолога за результаты работы по данному направлению;
- сохранение функциональной специализации линейных подразделений и соответствующего качества предоставления банковских продуктов и услуг.

Необходимо выделить и основные недостатки данной модели, к которым следует отнести:

- сохранение функциональной специализации подразделений, исключающей комплексное обслуживание клиента силами одного отдела;
- пересечение полномочий менеджера-маркетолога и руководителя подразделения.

Концептуальный подход в реализации *маркетинг-ориентированной модели организационной структуры управления по группам клиентов* (рис. 3) состоит в формировании и дифференциации структурных единиц по базовым категориям клиентов, каждую из которых обслуживает самостоятельное коммерческое подразделение банка, включающее специалистов по различным видам банковских операций и возглавляемое менеджером по данному направлению. Такие структуры управления обладают следующими основными преимуществами:

- повышение уровня конкурентоспособности услуг банка за счет возможности комплексного обслуживания клиента силами одного подразделения;
- более полный учет особенностей и специфических потребностей конкретной категории клиентов;
- структура управления в линейных подразделениях имеет четко выраженную ориентацию на конечный результат;

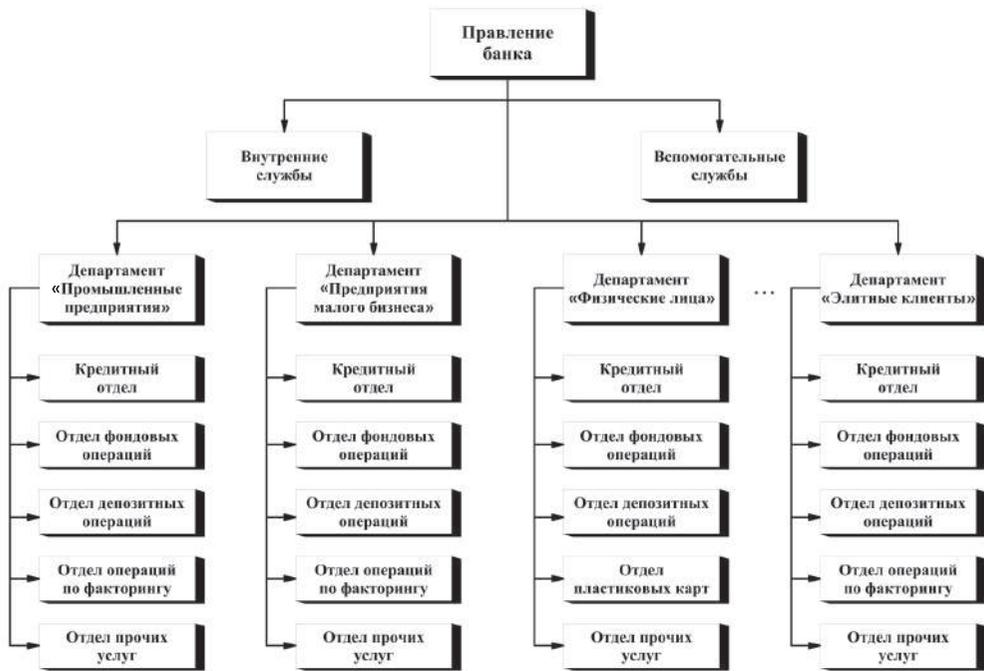

Рис. 3

- допускается возможность применения хозрасчетных методов управления.
 - С другой стороны, необходимо выделить следующие основные недостатки рассмотренной модели:
 - необходимость постоянного контроля за соблюдением принципов приоритетности целей и задач корпоративного характера из-за определенной организационно-экономической автономии линейных подразделений;
 - повышенные требования к квалификации руководителей коммерческих подразделений банка;
 - повышенные требования к эффективности деятельности внутренних и вспомогательных служб банка;
 - необходимость принципиальной реорганизации управления (для уже функционирующих банков) при переходе к новой модели.
- Матричная форма маркетинг-ориентированной организационной структуры управления банком* (рис. 4) также имеет определенные сходства с традиционной моделью в части сохранения принципа функциональной специализации коммерческих линейных подразделений, однако характеризуется усиле-

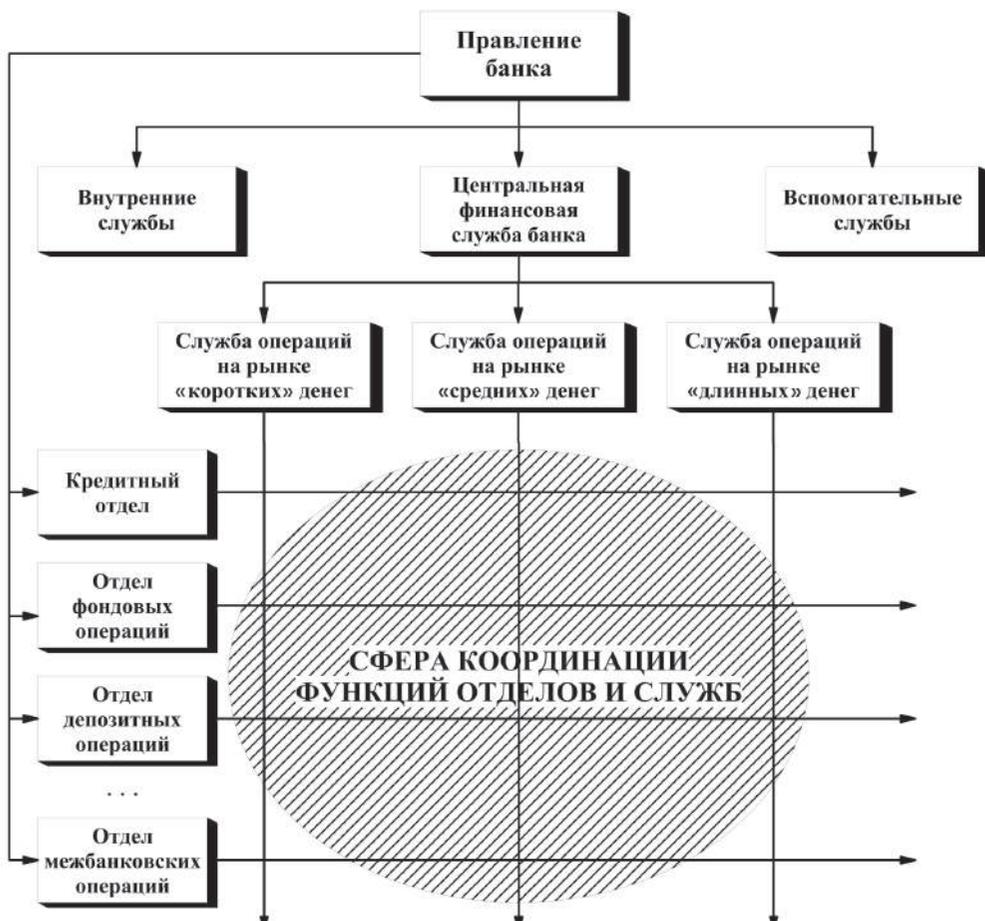

Рис. 4

нием маркетинговой ориентации системы управления банком на корпоративном уровне. Это достигается путем формирования специализированных внутренних служб менеджеров, координирующих работу коммерческих отделов по одному из направлений банковской деятельности [7].

Эффективное функционирование такой структуры управления

банком требует высокой степени работанности менеджеров всех уровней, т. е. реализации командного принципа.

Матричная форма маркетинг-ориентированной структуры управления обладает следующими основными преимуществами:

- изначальная ориентация всей системы управления на цели корпоративного уровня;

- высокая эффективность управляющих подсистем;
- маркетинговая ориентация каналов прохождения управленческой информации внутри банка;
- возможность использования данной формы уже функционирующими банками в качестве организационной структуры управления переходного типа.

Среди недостатков данной формы необходимо отметить следующие:

- необходимость жесткого разграничения уровней полномочий менеджеров по направлениям деятельности банка и руководителей коммерческих отделов;
- повышенная интенсивность текущей загрузки правления банка в части ее координирующих функций.

Дивизиональная форма маркетинг-ориентированной организационной структуры управления банком (рис. 5) более всего подходит для крупных коммерческих банков, обладающих разветвленной сетью филиалов, особенно для тех, которые имеют филиалы и даже региональные центры в различных удаленных друг от друга регионах. Особенностью такой формы организационной структуры является создание на базе территориально выделенных филиалов относительно самостоятельных банков-дивизионов, специализированных по группам услуг

или по группам клиентов и несущих всю полноту ответственности за результаты своей работы. При этом в составе центрального аппарата сохраняется лишь ограниченное количество внутренних служб с функциями корпоративного контроля и консультационно-методической поддержки.

Для дивизиональной формы маркетинг-ориентированной организационной структуры управления как наиболее подходящей для крупного универсального коммерческого банка с разветвленной филиальной сетью характерны следующие основные преимущества:

- высокая степень маркетинговой нацеленности дивизионов;
- повышение эффективности управления за счет использования методов прямой экономической мотивации дивизионов;
- высокий уровень адаптивности к условиям нестабильной внешней среды.

Рассматриваемую форму организационной структуры отличают следующие недостатки:

- потенциальная возможность нарушения дивизионами принципа более высокой приоритетности корпоративных задач;
- увеличение общей численности управленческого и обслуживающего персонала на среднем уровне управления банком, т. е. внутри дивизионов.

Рис. 5

Возможной модификацией дивизиональной организационной структуры является структура управления банком с централизованными контактными подразделениями. В этом случае создается специальная служба менеджеров-посредников, обеспечивающих непосредственный контакт между клиентами и специализированными структурными подразделениями дивизионов. При этом достигаются следующие преимущества:

- сочетание принципа функциональной специализации подразделений с возможностью комплексного обслуживания клиента;
- большая привлекательность банковских услуг для клиента, обеспечивающая усиление конкурентных позиций банка.

Одновременно при такой форме реализации организационной структуры управления банком возникает и ряд недостатков, таких, например, как:

- высокие требования к уровню квалификации менеджеров-посредников;
- потенциальная возможность возникновения конфликтов между менеджерами-посредниками и руководителями структурных подразделений дивизиона;
- усложнение внутренних организационных структур управления дивизионов.

* * *

В результате анализа ряда методологических и практических вопросов организационного проектирования и управления в коммерческих банках можно сделать следующие выводы:

1. В период преодоления последствий экономического кризиса и укрепления отечественными банками своих позиций в текущих условиях возросшей конкуренции в банковском секторе и развития качественно новых продуктов, основанных на современных технологиях, задача повышения эффективности управления банком за счет оптимизации организационной структуры является особенно актуальной.

2. Методологическая специфика проблемы проектирования организационной структуры управления банком состоит в том, что данная многокритериальная задача требует системного подхода, сочетающего как количественный, так и качественный аспекты, с применением научных методов анализа, оценки и моделирования.

3. Выбор метода решения конкретной организационной проблемы зависит от множества факторов, характеризующих требуемый результат разработки, а также от имеющихся ресурсов для проведения необходимых исследований, анализа и расчетов.

4. Сравнительный анализ основных моделей организационных структур управления банком показал, что среди нацеленных на конечный результат организационных структур матричная и дивизиональная модели являются более пер-

спективными в смысле адаптации к изменениям внешних условий рынка, постоянного развития и совершенствования банковских технологий, внедрения новейших технических средств и способов совершения операций.

1. Бор М., Пятенко В. Стратегическое управление банковской деятельностью. М.: Приор, 2007.
2. Боумэн К. Основы стратегического менеджмента / пер. с англ. М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 2005.
3. Васецкий А. А. Корпоративизм и политическая составляющая его развития // Управленческое консультирование. 2007. № 4. С. 44–58.
4. Горшков А. С., Кириллов А. Л. Принципы управления по результатам в деятельности органов власти // Управленческое консультирование. 2008. № 1. С. 5–13.
5. Кириллов А. Л. Управление по результатам: возможные подходы // Управленческое консультирование. 2007. № 2. С. 221–227.
6. Мескон М. и др. Основы менеджмента / пер. с англ. М.: Дело, 2004.
7. Роуз П. Банковский менеджмент / пер. с англ. М.: Дело, 2008.
8. Синки Дж. Ф. Управление финансами в коммерческих банках. М.: Catallaxy, 1994.
9. Томсон А., Стрикленд. А. Стратегический менеджмент / пер. с англ. М.: Банки и биржи; ЮНИТИ, 2006.

References

1. Bor M., Pyatenko V. Strategicheskoe upravlenie bankovskoy deyatel'nostyu. M.: Prior, 2007.
2. Boumen K. Osnovy strategicheskogo menedzhmenta / per. s angl. M.: Banki i birzhi; YuNITI, 2005.
3. Vasetskiy A. A. Korporativizm i politicheskaya sostavlyayuschaya ego razvitiya // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2007. № 4. S. 44–58.
4. Gorshkov A. S., Kirillov A. L. Printsipy upravleniya po rezultatam v deyatel'nosti organov vlasti // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2008. № 1. S. 5–13.
5. Kirillov A. L. Upravlenie po rezultatam: vozmozhnye podkhody // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2007. № 2. S. 221–227.
6. Meskon M. i dr. Osnovy menedzhmenta / per. s angl. M.: Delo, 2004.
7. Rouz P. Bankovskiy menedzhment / per. s angl. M.: Delo, 2008.
8. Sinki Dzh. F. Upravlenie finansami v kommercheskikh bankakh. M.: Catallaxy, 1994.
9. Tomson A., Striklend. A. Strategicheskii menedzhment / per. s angl. M.: Banki i birzhi; YuNITI, 2006.

Е. Х. МЕЛЬВИЛЬ

ЭКОНОМИКА КУЛЬТУРЫ: ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ ИЛИ СВОБОДНЫЙ РЫНОК?

Ключевые слова:

культурная политика, творческие индустрии, креативная экономика, финансирование культуры

Key words:

cultural policy, creative industries, creative economy, culture financing

Статья посвящена рассмотрению целей и задач экономики культуры, которые, по мнению автора, должны определяться приоритетами проводимой в стране культурной политики. Одна из задач такой политики — эффективное распределение финансовых потоков между государственным и частным секторами. В этом отношении задачей экономики культуры является определение инструментов, позволяющих существовать и развиваться каждому из этих секторов.

The article deals with the goals and objectives of economy of culture, which, according to the author, should be determined by the priorities of cultural policy provided in the country. One of the objectives of this policy — the effective allocation of financial flows between public and private sector, which depends solely on the performance indicators of both. In this regard, the task of cultural economy is to identify tools allowing existing and developing each of these sectors.

Понятие экономики культуры может рассматриваться в различных контекстах — от «бухгалтерии» культуры (способа и объема финансирования государственных учреждений культуры) до изучения экономических механизмов создания и потребления культурных продуктов. Международная ассоциация исследователей в области экономики искусства и культуры определяет экономику культуры как приложение экономического анализа к сфере творчества, наследия и творческих индустрий как в государ-

ственном, так и в частном секторе экономики¹.

Экономику культуры нельзя рассматривать в отрыве от целей культурной политики, которая зависит от смыслов, которые вкладываются в само понятие культуры. Культура как отрасль (иерархичная система бюджетных учреждений)²

¹ См.: The Association for Cultural Economics International. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.culturaleconomics.org> (дата обращения: 28.12. 2010).

² По данным Росстата на 2010 г., в России 98 481 государственное учреждение культу-

или культура как всеобъемлющий динамический организм (система ценностей и норм, определяющих поведение и образ жизни современного человека). Видение целей и приоритетов культурной политики диктует различное понимание механизмов экономики культуры с использованием различных инструментов: от «патерналистских» до «рыночных». Если культура — затратная сфера, призванная исключительно «сохранять» и «просвещать», то она нуждается лишь в бухгалтерии культуры — составлении сметы доходов и расходов бюджетных средств. Если понимать культуру максимально широко — как деятельность, создающую смыслы и ценности, то экономика культуры становится ключевым элементом современной экономики, а сама культура — основой модернизационных процессов¹. Тогда цели реальной, а не декларативной культурной политики, обращены к человеку, к уровню его нравственного, интеллектуального и творческого развития, к формированию условий

для повышения эффективности его деятельности и благосостояния. Такая культурная политика направлена на создание и поддержку общественных институтов не только в сфере культуры, но и в других отраслях². И здесь нельзя пренебрегать ни «бюджетным» сектором культуры, ни сектором так называемой «коммерческой», популярной культуры, ни, тем более, сектором творческих индустрий³, являющихся ядром новой «креативной» экономики. Одна из задач такой политики — эффективное распределение финансовых потоков между государственным и частным сектором, зависящее исключительно от показателей эффективности того и дру-

ры (это 30% всей бюджетной сети России). См.: Россия в цифрах. 2010. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/Main.htm (дата обращения: 28.12.2010).

¹ См.: Ясин Е. Перспективы российской экономики: взять культурный барьер! [Электронный ресурс] // Фонд Либеральная миссия. Страница Ясина. 2010. 17 сентября. URL: <http://www.liberal.ru/articles/cat/4837> (дата обращения: 28.12.2010).

² Например, институт образования. По мнению ректора ГУ ВШЭ Я. И. Кузьмина, образование является не просто сферой воспроизводства культуры, а основной формой инвестирования в культуру. См.: Кузьмин Я. Культура как инструмент экономического анализа. [Электронный ресурс] // Симпозиум памяти С. П. Хантингтона: культуры, культурные измерения и экономическое развитие. Аннотации. URL: <http://huntington.hse.ru/abs> (дата обращения: 28.12.2010).

³ Под творческими индустриями сегодня понимают совокупный цикл создания, производства и распространения товаров и услуг, основанных на креативности и интеллектуальном капитале. См.: Creative Economy. Report 2008. The challenge of assessing the Creative economy: towards informed policymaking. [Электронный ресурс] // UNCTAD. United Nations Conference on Trade and Development. Documents and Publications. URL: http://www.unctad.org/en/docs/ditc20082cer_en.pdf (дата обращения: 28.12.2010 г.).

гого. В этом отношении задачей экономики культуры является оп-ределение инструментов, позволя-ющих существовать и развиваться каждому из этих секторов.

Культура и/или vs рынок?

Способность экономического блага удовлетворять одну или не-сколько потребностей человека определяет полезность этого блага. Большинство товаров и услуг в сфе-ре культуры обладают так называе-мой «двойственной полезностью» — индивидуальной и социальной (см.: [7]). В этой связи определяются раз-личные каналы возмещения затрат на их производство. На рынке ин-дивидуальные полезности обмени-ваются на личные средства граждан (на это направлен весь сектор ком-мерческой, популярной культуры), за исключением очень ограничен-ных зон¹, а социальные полезности обеспечиваются за счет обществен-ных средств [8]. Социальная полез-ность проявляется не сразу, а через длительный период времени, когда достижения в культурном поле трансформируются в нормы, тра-диции, обычаи и передаются из по-коления в поколение, формируя

¹ Предоставление культурных услуг в удален-ных или малонаселенных территориях, где их производство неэффективно, или пре-доставление услуг малообеспеченным сло-ям населения за счет государства, благо-творителей или общественных организа-ций.

среду, необходимую для создания и воспроизводства «социального капитала»². По мнению Ф. Фукуя-мы, именно социальный капитал лежит в основе политической и со-циальной стабильности, экономи-ческого процветания и конкурен-тоспособности наций [9].

Современная измерительная система рынка не всегда может улавливать такие факторы, как со-циальная полезность или индиви-дуальные предпочтения, мотивы, ценности, которые не всегда совме-стимы с постулатом рационализма³. Их трудно вписать в бухгалтерский план счетов. Некоторые базисные постулаты рыночной экономики требуют дополнительных теоре-тических обоснований, поскольку часть экономических законов в культуре «не работает». Так, по мне-нию А. Долгина, закон Госсена⁴,

² Социальный капитал (social capital) отли-чается от других форм человеческого капи-тала постольку, поскольку он не может стать результатом индивидуальных дей-ствий и обычно создается и передается посредством культурных механизмов — че-рез религию, традиции и исторические обычаи.

³ Например, как крайние случаи — эффект (парадокс) Т. Веблена — престижное или показное потребление или аскетизм в ре-лигиозной модели.

⁴ Первый закон Госсена: величина удовлет-ворения от потребления каждой допол-нительной единицы блага данного вида уменьшается, пока не достигнет нуля в то-чке полного насыщения. Снижение удовлет-ворения означает снижение полезности каждой последующей единицы блага.

указывающий на уменьшающуюся предельную полезность благ (последующая порция блага менее ценна, чем предыдущая), справедлив только для однородных дефицитных благ, необходимость которых продиктована биологической потребностью [2, с. 18]. А в коллекционировании, например, обратная зависимость: полезность каждого нового элемента в коллекции возрастает, увеличивая и стоимость самой коллекции.

Для материального мира характерно снижение прибыли вследствие нехватки (редкости) материальных ресурсов. Творческие (интеллектуальные) способности не относятся к материальным ресурсам, и процесс открытия и воплощения новых идей не должен подчиняться закону уменьшения прибыли [6]. Однако закон работает, но несколько иначе. Дефицит идей напрямую связан с незначительным числом мест, где созданы институциональные условия для трансформации индивидуального творческого потенциала в общественные и экономические блага, а также с малочисленностью «носителей идей», которые создают экономические блага. Товары и услуги стали более индивидуализированы, в культуре начинает доминировать сфера услуг над сферой материального производства. Таким образом, самое время поставить вопрос: «Прощай, Адам Смит?» (см.: [10]), а с ним

и классическая экономическая теория, утверждавшая, что только материальные товары увеличивают материальное богатство, услуги же исчезают в «тот момент, когда их оказали».

В основе рыночной модели экономики лежат два основных принципа: свободное предпринимательство (полная самостоятельность хозяйственной деятельности, экономическая ответственность и рационализм) и конкуренция. Работают ли эти принципы в сфере культуры в современной российской ситуации?

По мнению А. Я. Рубинштейна, вхождение культуры в рынок затрудняет следующее противоречие: «Чем выше предельная индивидуальная полезность — тем выше потребительские цены, чем выше предельная социальная полезность — тем эти же цены должны быть ниже, поскольку даже при самой высокой предельной индивидуальной полезности культурных благ цены на них должны быть доступными для различных групп населения» [7, с. 31]. Однако снижение цены увеличивает производственные издержки, что в условиях свободного рынка может привести к недопроизводству благ с повышенной социальной полезностью. Такие расхождения впервые исследовал А. Пигу, охарактеризовавший их как «провалы рынка». Указания на «провалы рынка» служили для Пигу теоретическим

обоснованием государственного вмешательства в экономику: он предлагал возмещать в форме субсидий эквивалент экстернатальных выгод производителям благ с положительными внешними эффектами [5]. Таким образом, по Пигу, государственное вмешательство в рыночные отношения имеет целью воспроизводство общественных (социальных) благ.

В нашей стране такое вмешательство, имеющее еще и идеологическую основу, сложилось исторически, в результате чего сектор культуры в России — это преимущественно государственный сектор. Длительная опека государства и ограничения, заложенные до недавнего времени в Бюджетном кодексе, привели к полному отсутствию экономической самостоятельности государственных учреждений. Кроме того, существующая у государственных учреждений возможность покрывать растущие издержки исключительно из бюджета приводит к отсутствию экономической ответственности за результаты своей деятельности. Формирование цен на рынке происходит не под воздействием рыночных механизмов, а зависит от величины государственных дотаций.

Затраты же на развитие таких системообразующих факторов общественного устройства, как культура (образование, здравоохранение, наука и т. д.), окупаются через

большие периоды времени, поэтому при отсутствии четкой государственной стратегии возникает желание снизить эти расходы¹. Именно это и происходит в последнее время. Несмотря на номинальное увеличение государственного финансирования сферы культуры², оно осуществляется по остаточному принципу и занимает последнюю строку в бюджете страны, а расходы на культуру в расчете на душу населения в российских регионах не превышают стоимости билета на популярные шоу или футбольные матчи³. Уровень заработной платы

¹ Сохранявшийся до 2005 г. норматив, предписывающий направлять не менее 2% расходов федерального бюджета [см.: Основы законодательства РФ о культуре: Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета РФ. 1992. № 46. Ст. 2615] и не менее 6% расходов местных бюджетов на финансирование культуры, не выполнялся ни разу, даже на стадии формирования бюджета [1]. Фактическое финансирование отрасли было значительно меньше: в 1993 г. данный показатель составлял 0,35% ВВП, в 1994 г. — 0,82%, в 1995 г. — 0,91%, в 1998 г. — 0,86%, в 1999 г. — 0,58%, в 2004 г. — 0,11%, а в 2010 г. — 0,3% ВВП.

² Расходы на культуру за последние годы выросли больше, чем в 4 раза: с 16 млрд рублей (0,11% к ВВП) в 2004 г. до 67 млрд рублей (0,3% к ВВП) в 2010 г., а в рамках ФЦП «Культура России» (2006–2011 гг.) с 195 млн рублей в 2007 г. до 350 млн рублей в 2010 г. Тем не менее культура как графа в бюджете занимает последнюю строчку.

³ В Приморском крае в 2009 г. они составляли 570 рублей на душу населения, в Орен-

в государственной сфере составляет лишь 54% по отношению к среднему в частном секторе экономики¹. Это провоцирует «перетекание» квалифицированных специалистов в другие отрасли и регионы², а также приводит к снижению качества и разнообразия услуг в государственном секторе культуры. В логике рыночной экономики дефицит ресурса (в данном случае, человеческого) ведет к повышению издержек и снижению прибыли, а более низкий уровень качества услуг ведет к снижению их «полезности», как индивидуальной, так и социальной. В этом случае любые государственные затраты на развитие данной сферы становятся неэффективными.

бургской области — 660 рублей, в Пермском крае — 1188 рублей, в Новгородской области — 1375 рублей См.: Консолидированный бюджет всего по России и по регионам за 2009 г. [Электронный ресурс] // Министерство культуры РФ: официальный сайт. Деятельность. Статистика. Сведения по консолидированному бюджету. URL: <http://mkrf.ru/activity/statistics/budget> (дата обращения: 28.12.2010).

- ¹ Как, впрочем, и в других отраслях социальной сферы (социальная защита — 51,1%, образование — 52%, физкультура и спорт — 62,42%, здравоохранение — 63,99%).
- ² Перетекание наиболее талантливых и творческих людей в Москву и Санкт-Петербург вполне объяснимо — в столицах независимая сфера культуры (как коммерческая, так и некоммерческая) гораздо более развита, а бюджетное финансирование культуры в Москве и Санкт-Петербурге — 2126 и 2729 рублей соответственно.

В 2011–2013 гг. финансирование культуры с учетом инфляции почти останется на уровне 2010 г.³ Одним из дополнительных источников поддержания финансовой устойчивости отрасли и привлечения ресурсов в сферу являются целевые программы. Но единственная существующая на сегодняшний день федеральная целевая программа «Культура России» заканчивает свое действие в 2011 г., а в списке ФЦП на 2011–2013 гг. эта программа или аналогичная новая не значатся.

При этом в последние годы наблюдается устойчивый рост спроса на культурные продукты, который демонстрируют российские статистические данные⁴, что, безусловно, связано с повышением уровня благосостояния. Дефицит качественного культурного предложения, возникающий в связи с низким уровнем предоставляемых услуг бюджетными учреждениями, отчас-

³ 2010 г. — 67,1 млрд рублей, в 2011–2013 гг. — рост до 74,5 млрд рублей. См.: Основные направления бюджетной политики на 2011 г. и плановый период 2012 и 2013 гг. [Электронный ресурс] // Министерство финансов РФ: официальный сайт. Важная информация. 2010. 5 августа. URL: <http://www.minfin.ru/ru/> (дата обращения: 28.12.2010).

⁴ С 0,2% на платные услуги государственных учреждений (от общих расходов населения) в 1995 г. до 3% в 2009 г. См.: Россия в цифрах. 2010. [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_11/Main.htm (дата обращения: 28.12.2010).

ти покрывается за счет независимых культурных производителей, а также за счет импорта культурных продуктов из других регионов или стран. Поскольку импорт дешевле, чем содержание своих производителей (включая расходы на инфраструктуру), такая тенденция усиливается. Кроме того, в случае импортируемого происхождения в бюджет налоговых средств, что еще в большей степени снижает уровень производства культурных благ на данной территории. При этом в большей части творческих отраслей экономики творческая продукция приобретает на зарубежных рынках. Примером тому являются телевидение (создатели телевикторин или сериалов большей частью покупают идеи за рубежом и адаптируют их к нашей действительности)¹, озвученная по-русски зарубежная реклама, невероятная востребованность архитектурного бюро Н. Фостера в России². Однако не все услуги в сфере культуры могут быть компенсированы за счет импорта или независимых производителей. В частности, если речь идет о библиотечных услугах³ или об объектах

культурного наследия, утрата которых, в свою очередь, снижает туристическую привлекательность региона и возможность экономического развития территории средствами туризма.

Искусственное поддержание определенного уровня потребления культурных товаров посредством бюджетно-ценовой политики, финансирование преимущественно государственных учреждений без привязки к результату их деятельности привело к снижению качества и уменьшению разнообразия культурных услуг. В результате происходит антиселекция, или, по выражению А. Долгина, «ухудшающий отбор в культуре» [2], — ситуация, при которой некачественная продукция становится нормой, а качественная исчезает⁴. В природе действует правило «естественного отбора» — сильные выживают, слабые вымирают. Однако в культуре происходит обратное — слабые (в экономическом отношении) процветают, сильные либо уходят на другие

¹ Например, сериал «Моя прекрасная няня», основанный на сюжете американского ситкома «The nanny», и т. п.

² Например, такие масштабные проекты, как башня «Федерация» в Москва-Сити, новое здание ГМИИ им. Пушкина, небоскреб «Кристалл» в Ханты-Мансийске и др.

³ Качество библиотечных услуг сегодня в значительной степени зависит от их «ин-

тернетизации», а доступ в Интернет могут предоставить только 12% библиотек России. См.: *Коновалова Е. Ольга Синицына: У библиотек неоправданно низкий статус в сознании общества. [Электронный ресурс] // Newslab.ru: интернет-газета. Статья. Интервью. 2010. 21 июня. URL: <http://www.newslab.ru/news/article/320336> (дата обращения: 28.12.2010).*

⁴ Сейчас об этом много говорят и пишут специалисты в области кино и телевидения. См., напр.: *Дондурей Д. Б. Человека забыли! // Российская газета. 2010 г. 3 ноября.*

рынки, либо перемещаются в другие страны, с развитыми культурными рынками.

Неэффективность затрат и распределения финансовых потоков происходит, прежде всего, от неверно сформулированных приоритетов бюджетной и культурной политики, что приводит к потере части недвижимых объектов культурного наследия¹, потере квалифицированных кадров в отрасли, к оттоку творческих и образованных людей и, наконец, к нарушению культурных прав граждан — ограничению доступа к культурным ценностям и информационным ресурсам.

Монополия государства на производство культурных благ в России сформировала у людей представление о «справедливой», т. е. низкой цене на культурные товары и услуги, делающей культуру равнодоступной, а также привычку получать культурные блага на безвозмездной основе. Эти предпосылки препятствуют развитию рыночных отношений в культуре. Негосударственные поставщики, не получающие государственных субсидий, для

компенсации издержек должны повышать цены, однако большинство товаров и услуг в сфере культуры обладает эластичным спросом, и любое повышение цен на них ведет к понижению спроса и потребления². Казалось бы, это обстоятельство, согласно концепции Пигу, делает бизнес на рынке социальных благ в долгосрочном периоде невыгодным. Но концепция была сформулирована на заре масштабной индустриализации и не могла учитывать сегодняшних реалий. Самый яркий пример — Интернет. В самом начале, когда эта среда была не насыщена информацией, ее социальная полезность была низкой. Одновременно стоимость доступа в Интернет была довольно высока. С развитием технологий, благодаря чему расширялось число пользователей, росла социальная польза и одновременно снижалась цена, исключительно посредством рыночного механизма и без какого-либо вмешательства государства.

Экономическая логика предполагает наличие полноценного экономического агента, в отношении которого четко определены ресурсы

¹ Вследствие опережения темпов износа недвижимых объектов культурного наследия над темпами их восстановления и консервации, в том числе финансовых потерь от неэффективного их использования. По данным Министерства культуры РФ, только четверть объектов культурного наследия России находится в удовлетворительном состоянии, а 45% памятников выведены из гражданского оборота по причине их неудовлетворительного состояния.

² Зависимость спроса на определенные товары и услуги (в частности, на культуру, образование, развлечения и туризм) от дохода определена на основании статистических исследований. Впервые это установил немецкий экономист и статистик Э. Энгель в конце XIX в. В 1980-е гг. данные были подтверждены американскими исследователями.

и цели. Можно поспорить с А. Долгиным, утверждающим, что бизнес в сфере культуры имеет ресурсы денежные и цели тоже денежные [2, с. 103]. Современный бизнес — не только в сфере культуры — становится все более сложным: ресурсы измеримы не только в деньгах, а цели — не всегда исключительно денежные, присутствуют и «имиджевые эффекты».

Более сложный случай — это государство с его культурной политикой, где ресурсы определены и ограничены, а цели порой размыты. Помимо заботы о сохранении культурного наследия государству полагается содействовать формированию качественной культурной среды, обеспечению равного доступа к культурным благам. Как измерять потребность и оптимальный результат в культуре с учетом эффективного объема предоставления общественных благ и их способности производить «внешнее» воздействие? Тогда как определить направления поддержки между коммерческим и некоммерческим секторами? Предпочтения какой группы удовлетворять в первую очередь: той, которая создает экономические блага сейчас, обеспечивая ощутимые налоговые вливания в бюджет, или той, которая уже сделала все возможное для государства, или, наконец, предпочтения поколения, которое будет создавать будущее страны? Учесть индивиду-

альные выборы разных аудиторий практически невозможно, и здесь следует вспомнить «теорему невозможности» К. Дж. Эрроу, суть которой в том, что не существует метода агрегирования индивидуальных предпочтений для трех и более альтернатив, который удовлетворял бы некоторым вполне справедливым условиям и всегда давал бы логически непротиворечивый результат. В этой связи важно отметить, что групп населения, даже по стратификации Госстата, гораздо больше трех.

Что такое желаемый результат в культуре? Критерии качества продуктов сферы культуры четко не определены, в результате чего на рынке культуры возникает «асимметрия информации»¹, девальвирующая стоимость даже качественных культурных продуктов. Тогда каковы должны быть критерии оценки эффективности культурной политики? Численные и денежные индикаторы, которыми пользуются для характеристики деятельности в сфере культуры (количество потре-

¹ Ситуация, когда один из участников сделки менее информирован о качестве товара. Впервые это свойство было отмечено К. Эрроу. Дж. Акерлоф в работе «Рынок “лимонов”: неопределенность качества и рыночный механизм» (1970) построил математическую модель рынка с несовершенной информацией. Он отметил, что на таком рынке средняя цена товара имеет тенденцию снижаться, в том числе для товаров с идеальным качеством. Возможно даже, что рынок коллапсирует до исчезновения.

бителей государственных учреждений и расходы консолидированного бюджета), отражают ее состояние далеко не полно. Тем более, что структура статистической отчетности не предполагает учета данных по негосударственному сектору, несмотря на то, что некоммерческие организации сдают подобную отчетность с 2007 г., правда, в Министерство юстиции РФ, а не в Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ.

К. Эрроу пришел к выводу, что, несмотря на проблематичность выбора между индивидуальными предпочтениями и социальным выбором общества, такую связь установить можно, но с соблюдением определенных требований, в частности, отсутствия диктатуры, навязывающей свои предпочтения в обществе и наличия посторонних альтернатив и их независимости. В этом случае желаемым результатом в культуре является не создание возможных векторов, а формирование подвижной саморегулирующейся среды, где разные группы создают для себя желаемые альтернативы. Оба требования в современных российских условиях практически невыполнимы, поскольку сфера культуры все еще монополизирована государством, а развитие и независимость частного сектора затруднительны по причине отсутствия или несовершенства правовых и экономических механизмов.

Тем не менее, сфера культуры в России меняется: с одной стороны, в связи с реформированием бюджетного сектора, с другой — в связи с увеличением числа независимых организаций, создающих товары и услуги в области культуры, и попыткой децентрализации¹ государственного сектора. Включение в орбиту культурной политики негосударственного сектора, в том числе в сфере творческих индустрий [см.: 3; 4], будет способствовать развитию конкуренции между государственным и частным сектором за спрос и внимание со стороны потребителей, источники финансирования и трудовые ресурсы. Расширение организационно-правовых форм государственных учреждений (автономных учреждений, бюджетных учреждений с расширенным объемом прав) и переход к новым формам финансового обеспечения государственных (муниципальных) услуг повысят конкуренцию и внутри государственного сектора. Наличие конкуренции — необходимое условие качества и доступности услуг в сфере культуры. Создание

¹ Согласно положениям Федерального закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты в связи с совершенствованием правового положения государственных учреждений» от 08 мая 2010 г. № 83-ФЗ, с 1 января 2011 г. субсидии на выполнение государственного задания могут получать не только государственные учреждения, но и другие некоммерческие организации. См.: Российская газета. Документы. 2010. 12 мая.

конкурентных условий позволит сэкономить государственные средства на решение важных социальных задач, а показатели эффективности разных субъектов приведут к совершенствованию управления финансовыми потоками в ее сфере.

1. *Абанкина Т. В.* Проблемы управления результатами в культуре // Управленческое консультирование. 2006. № 2. С. 152–164.
2. *Долгин А.* Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. М., 2010.
3. *Зеленцова Е. В.* От творческих индустрий — к творческой экономике // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 190–199.
4. *Зув С. Э., Васецкий А. А.* Культурные индустрии в условиях глобализации // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 76–89.
5. *Капелюшников Р.* Теорема Коуза // Отечественные записки. 2004. № 6. С. 14–17.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2 изд. М., 1961. Т. 25.
7. *Рубинштейн А. Я.* Искусство в контексте социальной экономики // Художественная жизнь современного общества: в 4 т. СПб., 1998. Т. 3.
8. *Рубинштейн А. Я.* О социальных стандартах и нормативах бюджетного финансирования культуры // Управленческое консультирование. 2006. № 2. С. 104–128.
9. *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и созидание процветания // Новая постиндустриальная волна на Западе. М., 1999.
10. *Эдвинссон Л.* Корпоративная долготя: навигация в экономике, основанной на знаниях. М., 2005.

References

1. *Abankina T. V.* Problemy upravleniya rezultatami v kulture // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2006. № 2. S. 152–164.
2. *Dolgin A.* Manifest novoy ekonomiki. Vtoraya nevidimaya ruka rynka. M., 2010
3. *Zelentsova E. V.* Ot tvorcheskikh industriy — k tvorcheskoy ekonomike // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2009. №3. S. 190-199.
4. *Zuev S. E., Vasetskiy A. A.* Kulturnye industrii v usloviyakh globalizatsii // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2010. №1. S. 76–89.
5. *Kapelyushnikov R.* Teorema Kouza // Otechestvennye zapiski. 2004. № 6. S. 14–17.
6. *Marks K., Engels F.* Soch. 2 izd. M., 1961. T. 25. S. 231–253.
7. *Rubinshteyn A. Ya.* Iskustvo v kontekste sotsialnoy ekonomii // Khudozhestvennaya zhizn sovremennogo obschestva: V 4 t. SPb., 1998. T. 3.
8. *Rubinshteyn A. Ya.* O sotsialnykh standartakh i normativakh byudzhetnogo finansirovaniya kultury // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2006. № 2. S. 104–128.
9. *Fukuyama F.* Doverie: sotsialnye dobrodeteli i sozidanie protsvetaniya // Novaya postindustrialnaya volna na Zapade. M., 1999.
10. *Edvinsson L.* Korporativnaya dolgota: Navigatsiya v ekonomike, osnovannoy na znaniyakh. M., 2005.

Б. Я. МИСОНЖНИКОВ

ПОНЯТИЕ «ТРЕТЬЕГО МЕСТА» КАК ЭЛЕМЕНТА СИСТЕМЫ КОММУНИТАРИСТСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

Ключевые слова:

коммунитаризм, гражданское общество, местное сообщество, «третье место», контакт, коммуникация, телевидение

Key words:

communitarianism, civil society, local community, “third place”, contact, communication, television

Статья посвящена одному из аспектов коммунитаризма — исследованию состояния и функционирования местных сообществ, качеству решения ими задачи социальной адаптации и интеграции. Особое внимание уделяется рассмотрению роли и положения в социуме так называемых «третьих мест», являющихся сферой непосредственного локального коммуницирования субъектов.

This article is devoted to one aspect of communitarianism — the study of status and functioning of local communities, quality of solving by them the problem of social adaptation and integration. Special attention is paid to the role and status in society of the so-called “third places”, which are the sphere of immediate local communication of subjects.

Примечательно, что для коммунитаризма базисным элементом служат не индивиды, а небольшие общности людей, единомышленников, объединенных в неправительственные общественные организации и местные сообщества. Именно в рамках таких общностей возможно реализовать «посткапиталистические» принципы — сильное гражданское общество и сакральную идею братства, провозглашенную адептами французской Коммуны, но по-настоящему так и не востребованную ведущими идеологиями двух минувших столетий. Таким образом, в данной интерпретации «сообщество не есть лишь первичная нефор-

мальная группа или элемент социальной структуры. Сообщество есть структурированное социальное действие, аффирмативное (от англ. *affirm* — утверждать, торжественно заявлять) по сути и утверждающее моральные устои общества. Следовательно, коммунитаризм необходимо рассматривать и как социальную теорию культуры, в которой социальные процессы представляют собой функцию от культурных (ценностных) установлений морали»¹.

¹ *Галкин Д. В.* Коммунитаризм. [Электронный ресурс] // Энциклопедия социологии. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/%20социологии/Энциклопедия> (дата обращения: 9.02.2011).

Именно в том, что идеологи коммунитаризма основываются на исследованиях небольших гражданских сообществ, заключается их главный выбор, поскольку данные институционализированные сообщества объединяют, как правило, людей, «связанных общими корнями». К ним относятся «такие традиционные институты, как семья, местная община, школа, церковь», причем «сохранение традиций в рамках данных институтов считается более эффективным средством совершенствования личности, чем участие в политической жизни»¹. Многие авторы признают первостепенное значение данных сообществ: они особенно близки к простым людям, в среде которых формируется групповое сознание, становящееся влиятельной общественно-политической силой. По мнению Г. Г. Пирогова, «первичная социализация рабочей силы происходит именно в социальной сфере на уровне семей и локальных сообществ»². Казалось бы, эта истина

сама по себе тривиальна, однако практика демонстрирует всю сложность развития современного сценария социализации «низов»: они по-разному интегрированы в социум, обладают разным уровнем ответственности, но фактически всегда становятся активными субъектами процесса потребления, и этим зачастую исчерпывается их социальная активность. С. Жижек говорит даже о факте превращения приватного, т. е. сферы приватного, в «полностью объективированную „потребительскую“ сферу», и о том, «что единственный способ вырваться из оков “отчужденного” потребительства в наши дни состоит в изобретении новой общности» [4, с. 66]. Разумеется, потребительские качества представителей социальных институтов, о которых идет речь, отмечались всегда. Другое дело — уровень их актуализации, но и он в целом не заслоняет возникающих проблем социальной адаптации.

Актуальность обретает то физическое место, в котором могут быть реализованы общественные потенции представителей «локальных сообществ». Категория места рассматривается как локус, обладающий значительными континуальными свойствами, сравнительно суженное пространство локализации определенных социально-политических, нравственных, этических, психоэстетических проявлений.

¹ Грин Р. Т. Коммунитаризм (communitarianism) / пер. с англ. Н. Ипатовой. [Электронный ресурс] // Сайт некоммерческого партнерства «Планета. Общество. Человек». URL: http://dps.smrtilc.ru/Int_Encycl/Communitarianism.htm. (дата обращения: 9.02.2011).

² Пирогов Г. Г. Идеи и принципы коммунитаризма в конце XX — начале XXI века. [Электронный ресурс] // Нетда: информационное агентство. URL: <http://www.netda.ru/belka/texty/pirog1.htm+коммунитаризм&cd>. (дата обращения: 9.02.2011).

Как можно предположить, это должна быть относительно ограниченная территория, «которая не являлась бы ни средой, ни даже добавленной средой, ни ритмом или переходом между средами. <...> Территория берет взаймы у всех сред, вгрызается в них, телесно берет их в руки (хотя и остается уязвимой для вторжений). Она строится с помощью аспектов или порций сред. Она включает в себя внешнюю, внутреннюю, опосредующую и аннексированную среды. Она обладает внутренней зоной обитания или прибежища, внешней зоной собственных владений, более или менее сжимающимися пределами или мембранами, промежуточными или даже нейтральными зонами, резервами или энергетическими аннексиями» [3, с. 523]. Территория — это та сцена, на которой разыгрывается основное социальное действие, и она должна обладать соответствующими качествами.

Р. Олденбург выделяет «третье место»: первое — место интимного пребывания человека, его жилье; второе — место работы. А вот третье — это как раз то, где происходит общение и, собственно, процесс открытой социализации. Это — «неформальные места встреч, которые поддерживают соседскую жизнь <...> *Преотличнейшие местечки: кафе, кофейни, культурные центры, салоны красоты, универмаги, бары,*

другие “точки”, и как в них пролетает день. Главная притягательность никем не назначенных “точек” — “третьих мест” <...>, чтобы отличать их от крупных, полностью структурированных организаций, с одной стороны, и от семьи и других малых групп, с другой, — заключается в том, что “какой бы там намек на иерархию ни существовал, она основывается на благопристойности человека”, а не на богатстве, обаянии, напористости или даже уме» [9].

Подобные места практически всегда существовали и обеспечивали возможность общения представителей именно «локальных сообществ». Там можно было решать проблемы духовного, политико-управленческого, хозяйственного характера. Так, в Анатолии уже в начале II тысячелетия до нашей эры местная купеческая организация, находясь за пределами города, осознанно осваивает свой локус, объединяется на добровольных началах в его пределах и становится «органом самоуправления жителей торгового поселка» [5, с. 207]. В провинциальных городах древнего Рима с ведома правительства создавались культовые и ремесленные коллегии, своеобразные объединения «маленьких людей», в которых влиятельные граждане выступали в роли кураторов. Таким образом, «правительство освобождало себя от заботы о низших социальных

слоях городского населения, пере-кладывая ее на города и, соответ-ственно, на муниципальную ари-стократию». Коллегиаты в пределах ограниченного места — закрепленного за ними локуса, обладающего свойствами своеобразного континуума, — нередко встречались для обсуждения своих проблем, и такие встречи сопровождалась, как правило, пиршествами [7, с. 183]. Питейные заведения впоследствии становятся особенно популярным «третьим местом». О них имеется много исторических свидетельств. Не лишены определенного интереса хроники Р. де Клари о событиях XII—XIII вв. Автор дает живописное описание константинопольского кабака [6, с. 22].

Особую роль в культуре «локальных сообществ» Великобритании в XVIII в. начинают играть кофейни (первая из них открылась в Лондоне в 1657 г.), становясь местом встречи многих известных людей. Эти заведения быстро превращались в своеобразные клубы, в стенах которых встречались известные публицисты, коммерсанты и политики. Эти частные посещения стали, вместе с тем, исключительно важной страницей британской и даже мировой культуры: «В кофейне “Ионафана” собирались коммерсанты. В “Греческой кофейне” — ученые и юристы. Предпочитавшие пить шоколад светские щеголи облюбовали кондитерскую “Кокосовое дерево”. В кофейне

“Сент-Джеймса” проводили время вигские политики, а в “Кофейне Виля”, расположенной в центральном районе Лондона Ковент-Гардене, собирались литераторы. Наибольшей популярностью у просветителей пользовалась кондитерская “Кит-Кэт”, за которой очень скоро закрепилась слава литературного салона, а также клуба политиков и литераторов “вигской” ориентации. В противоположность этому клубу тори создали свой, под названием “Клуб братьев”. В нем часто собирались Болингброк, Свифт, поэт Александр Поп и баснописец Джон Гей» [8, с. 79].

Вообще «третьи места» могут значительно разниться между собой. Можно было бы даже их типологизировать, но отметим лишь некоторые полюса в данной системе. «Третьим местом» справедливо считать и место ярмарки, базара, и очередь, даже ту, которая пребывает в агрессивном состоянии. Вот эпизод из времен французской Коммуны: «В очередях в эти дни происходили иной раз жестокие ссоры; приходили люди, утверждавшие, что они уже несколько дней не получали хлеба» [12, с. 41].

Общение в «третьем месте» — акт особого коммуникативного значения. Именно в процессе свободного обмена мнениями вырабатывается соответствующая идеология, которая в будущем может стать даже ведущей. Идеи, рождающиеся

в ходе локальной коммуникации, могут обладать исключительно сильным социальным действием. Но даже сама непринужденная речь — а она является неотъемлемой составляющей «третьих мест», поскольку люди, собравшись, обычно не молчат, — включает в себя «императивы, выражения желаний, восклицания и т. п.» [10, с. 262]. Речь может вселять надежду, а может разочаровывать, раздражать, действовать угнетающе. Субъект общения в «третьем месте» всегда встречается с другим человеком, который обладает той или иной позицией, взглядами, моралью, и это предполагает соответствующую готовность к неожиданным формам общения, к ответу на «семиологический вызов» и к поиску «иной “локальности”» [11, с. 351].

С одной стороны, люди, встречаясь и обсуждая свои проблемы, вырабатывают собственное мнение, которое обретает качественные черты общественного, с определенными содержательными доминантами, даже несомненными перформативными свойствами: это мнение материализуется, часто становится руководством к непосредственному действию. Ему могут быть имманентны даже программные черты с той или иной долей конкретности и структурированности. А с другой стороны, локус может быть подвергнут деконструктивному воздействию, низведен до профанного

уровня, но в нем всегда имеется содержание с определенным семиотическим выражением и несомненной общественно-этической и нравственной установкой. Локус неизменно текстуализирован и феноменологичен. В границах локуса — в данном случае представленного в виде «третьего места» — всегда присутствуют «так называемые “слушатели”», в среде которых коммуникативный акт осуществляется. Ими могут быть как реальные, так и мысленно предполагаемые лица. Кроме того, на конкретную специфику ситуации влияют и локальные условия, в которых общение происходит» [2, с. 75]. То есть в случае идентификации коммуникативной ситуации всегда следует учитывать диалектику воздействия субъектов на содержательный аспект локуса и одновременно фактор влияния локальных условий на позицию и поведение субъектов.

«Третье место» в то же время в своей метафизической фиксированности и объективности — категория довольно изменчивая и даже хрупкая. Она строится именно на коммуникативной основе, факт обмена мнениями в нем — безусловный экзистенциальный императив. Без коммуникативного акта «третье место» существовать не может. В случае подмены данного акта чем-либо иным оно разрушается. Так, своеобразным субститутотом общения может стать электронная тех-

ника, например, компьютер или телевизор. В настоящее время это случается все чаще, и тогда «третье место» фактически уничтожается, перестает выполнять свою роль: субъект «уходит», пусть даже физически оставаясь. Может быть, в этом

таится самая главная угроза существованию и выполнению соответствующих социальных функций «третьих мест»: «Есть те, для кого телевидение — это предмет, и есть те, для кого оно является культурным занятием» [1, с. 58].

1. *Бодрийяр Ж.* К критике политической экономии знака / пер. с фр. Д. Кралечкин. М., 2007.
2. *Гусев С. С.* Метафизика текста. Коммуникативная логика. СПб., 2008.
3. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Тысяча плато: капитализм и шизофрения / пер. с фр. Я. И. Сиверского. Екатеринбург; М., 2010.
4. *Жижек С.* Кукла и карлик: христианство между ересью и бунтом / пер. с англ. С. Кастальского. М., 2009.
5. *Заблоцка Ю.* История Ближнего Востока в древности (от первых поселений до персидского завоевания) / пер. с польск. Д. С. Гальпериной. М., 1989.
6. *Клари Р. де.* Завоевание Константинополя / пер. с фр. М. А. Заборова. М., 1986.
7. *Культура древнего Рима: в 2 т.* / отв. ред. Е. С. Голубцова. М., 1985 Т. 2.
8. *Лабутина Т. Л.* У истоков современной демократии. Политическая мысль английского Просвещения (1698–1714). М., 1994.
9. *Лэш К.* Восстание элит и предательство демократии. М., 2002.
10. *Остин Д.* Три способа пролить чернила: философские работы / пер. с англ. В. Кирющенко. СПб., 2006.
11. *Рикер П.* Конфликт интерпретаций: очерки о герменевтике / пер. с фр. И. С. Вдовиной. М., 2008.
12. *Тарле Е. В.* Жерминаль и прериаль. М., 1937.

References

1. *Bodriyyar Zh.* K kritike politicheskoy ekonomii znaka / per. s fr. D. Kralechkin. M., 2007.
2. *Gusev S. S.* Metafizika teksta. Kommunikativnaya logika. SPb., 2008.
3. *Delez Zh., Gvattari F.* Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya / per. s fr. Я. I. Siverskogo. Ekaterinburg; M., 2010.
4. *Zhizhek S.* Kukla i karlik: khristianstvo mezhdru eresyu i buntom / per. s angl. S. Kastalskogo. M., 2009.
5. *Zablotska Yu.* Istoriya Blizhnego Vostoka v drevnosti (ot pervykh poseleniy do persidskogo zavoevaniya) / per. s polsk. D. S. Galperinoy. M., 1989.
6. *Klari R. de.* Zavoevanie Konstantinopolya / per. s fr. M. A. Zaborova. M., 1986.
7. *Kultura drevnego Rima: v 2 t.* / otv. red. E. S. Golubtsova. M., 1985 T. 2.
8. *Labutina T. L.* U istokov sovremennoy demokratii. Politicheskaya mysl angliyskogo Prosvescheniya (1698–1714). M., 1994.
9. *Lesh K.* Vosstanie elit i predatelstvo demokratii. M., 2002.
10. *Ostin D.* Tri sposoba prolit chernila: Filosofskie raboty / per. s angl. V. Kiryuschenko. SPb., 2006.
11. *Riker P.* Konflikt interpretatsiy: Ocherki o germenevtike / per. s fr. I. S. Vdovinoy. M., 2008.
12. *Tarle E. V.* Zherminal i perial. M., 1937.

Л. Р. ДУСКАЕВА

СТЕРЕОТИПЫ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ В БЛОГОСФЕРЕ СООБЩЕСТВ

Ключевые слова:

коммунитаризм, сообщество, Интернет, гражданская журналистика, социальные коммуникации, исследовательские перспективы

Key words:

communitarianism, community, Internet, citizen journalism, public communication, research perspectives

В статье анализируются возникающие с развитием Интернета новые модели коммуникации. Автор рассматривает концепцию коммунитаризма и основанные на ней понятия гражданской, социальной журналистики как перспективные направления исследования.

This article analyzes the problems concerning the development of community in modern society. It addresses questions about the role of virtual community and citizen journalism in public communication. It addresses not only the currently fashionable subject of the Internet but also fundamental questions about the role of communication in public life. This article plan further research perspectives.

В статье Б. Я. Мисонжникова утверждается мысль о значимости в коммунитаризме так называемого «третьего места», того места, в котором могут быть реализованы общественные потенции представителей «локальных сообществ». «Третьим местом» принято называть «неформальные места встреч, которые поддерживают соседскую жизнь <...> Преотличнейшие местечки: кафе, кофейни, культурные центры, салоны красоты, универмаги, бары, другие “точки” и как в них пролетает день. Главная притягательность никем не назначенных “точек” — “третьих мест” <...> чтобы отличать их от крупных, полностью структурированных организаций, с одной стороны, и от семьи и других малых групп,

с другой, — заключается в том, что, “какой бы там намек на иерархию ни существовал, она основывается на благопристойности человека”, а не на богатстве, обаянии, напористости или даже уме» [4]. Б. Я. Мисонжников пишет: «Подобные места практически всегда существовали и обеспечивали возможность общения представителей именно “локальных сообществ”» [5].

Берусь высказать предположение, что тем «третьим местом», ценность которого утверждается в коммунитаризме¹, служит сегодня бло-

1 Галкин Д. В. Коммунитаризм. [Электронный ресурс] // Энциклопедия социологии. URL: <http://slovari.yandex.ru/~книги/%20социологии/Энциклопедия> (дата обращения: 9.02.2011).

госфера, точнее, ее особая часть — блогосфера сообществ. Именно здесь можно решать проблемы духовного, политико-управленческого, порою хозяйственного характера¹. Блоггеры объединяются в сообщества на основе одинаковых тематических интересов, среди которых политика, история, кино, музыка, спорт, путешествия, автомобили, кулинария и т. д. По данным Яндекса, в русскоязычной блогосфере существует более 230 тыс. сообществ. В среднем сообществе публикуется в полтора раза больше записей, чем в среднем личном блоге, и эти записи собирают в полтора раза больше комментариев. 43% сообществ расположены на Live-Internet, 35% — на Blogs@Mail.ru, 16% — в LiveJournal. Самая большая доля блоггеров, состоящих в сообществах, на Mail.ru: почти 60%. Второе место занимает LiveJournal, в сообществах участвуют 45% его пользователей².

Коммунитарное начало в блоггинге, по всей видимости, может

быть рассмотрено в двух направлениях: во-первых, оно проявляется в том, что блоггинг, как известно, способствует сплочению и поддержке социальных связей; во-вторых, блоггинг позволяет вести общение в удобном для каждого пользователя режиме и с той интенсивностью, которая ему нужна (или которую он может себе позволить). Выделяется два направления коммуникативной мотивации в использовании блогов — общение со знакомыми и расширение круга общения³. По статистическим данным, активность блоггеров в среднем становится значительно выше через полтора года после создания дневника. Резко увеличивается число записей и еще больше — число написанных и полученных комментариев. В среднем, в течение первых полутора лет блоггеры комментируют в два раза меньше, чем в следующие полтора года, а получают комментариев в три раза меньше. Это неудивительно — со временем появляются постоянные читатели и комментаторы, а также новые социальные связи. Таким образом, для адаптации в блогосфере нужно примерно полтора года. Пик активности блога наступает через 2,5–3 года после регистрации аккаунта⁴.

¹ Грин Р. Т. Коммунитаризм (communitarianism) / пер. с англ. Н. Ипатовой. [Электронный ресурс] // Сайт некоммерческого партнерства «Планета. Общество. Человек». URL: http://dps.smrtilc.ru/Int_Encycl/Communitarianism.htm. (дата обращения: 9.02.2011).

² Блогосфера российского Интернета. 2008. Весна: информационный бюллетень. [Электронный ресурс] // URL: http://download.yandex.ru/company/yandex_on_blogsphere_spring_2008.pdf (дата обращения: 9.02.2011).

³ Блоггинг. [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 9.02.2011).

⁴ Блогосфера российского Интернета. 2008.

Обращаясь к массиву интернет-коммуникации с целью анализа речевого поведения тех, кто объединяется вокруг тематического интереса в сообщества и налаживает контакт в блогосфере, важно отметить, что коммуникативное участие в блог-сообществах — это способ самоидентификации людей и их социализации. Участники таких сообществ готовы вступать в общение со «своими» и «чужими», учитывая принятые именно в блогосфере речеповеденческие стереотипы. «Общегрупповые стереотипы — это акт не столько социопсихологического, сколько социокультурного предпочтения. Они содержат установку на принадлежность к своему кругу, характеризуются сходством, тождественностью реакций на ситуацию, отражают узуально закрепленные принципы выбора языковых форм в соответствии с принятыми в культуре нормами» [7]. Под речевыми стереотипами, вслед за И. В. Шапиной, мы понимаем речевые клише (устойчивые воспроизводимые слова и обороты), закрепленные за типичными коммуникативными ситуациями. Это могут быть слова-привычки, аксиологические характеристики, частотные сочетания слов, выражения, разговорные речевые формулы, микротексты и даже определенные последовательности микротекстов [7]. Хотелось бы обратить внимание на речевые стереотипы, которые функциони-

руют в русскоязычной блогосфере сообществ.

Один из стереотипов — это жаргонные слова-привычки, среди которых огромное число заимствованных слов. Только активный блоггер способен понять, например, высказывание, содержащее жаргонизмы и специфическую аббревиатуру: *Именно возникающие противоречия и приводят к развитию технологий.* Не будут шпилить в сеть бред, спам и копипаст — *не будут развиваться алгоритмы ПС, не будет хакеров — не будут совершенствоваться методы защиты.* Другой пример: *Следовательно, больше посетителей, подписчиков, комментариев, трекбеков, пингов, ретвитов и других полезностей для блоггера.* В числе стереотипов, известных лишь блоггерам, — аксиологические актуализаторы, в следующем примере выстраивающие иерархию мастеров ведения блога: *Нет, я не хочу сказать этим, что у нас нет авторов, которые пишут с душой, добавляя креатив. Часто появляются толковые статьи у топовых авторов, нередко можно увидеть таковые у блоггеров с более низким рейтингом и уровнем авторитетности. Но настоящему креативные статьи в полном смысле этого слова встречаются намного реже, чем в «буржуйнете».*

Обратимся к блогам, в создании которых участвуют носители субкультуры эмо. В речевом поведении

блоггеров — представителей сообществ — разграничивается «свое» и «чужое», последнее мыслится как враждебное, не принимается. Номинации «чужих» хорошо понятны внутри «своего круга», аксиологическими актуализаторами становятся такие слова, как, например, *херки*, *гопота*. Так эмо называют *готов*, представителей чуждой субкультуры. Враждебно эмо относятся к «позерам» — тем, кто, желая быть внешне похожими на эмо, внутренне чужд им. Эмо разделяют позеров на несколько видов, поэтому в речи эмо существуют несколько их названий, среди них «кащененки» (позеры, которые используют только стиль общения представителей субкультуры в Интернете, но не придерживаются мировоззрения эмо)¹. В блоге эмо пишут: «Часто встречаешь людей, для которых эмо — это стиль, и не больше. Но эмо — это, в первую очередь, состояние души, внутренний мир, целая жизнь. Да, мы способны на самоубийство! И все из-за того, что нас отверг мир». Эмо пытаются привлечь внимание к себе и своим взглядам на мир, идущим вразрез с установленными социальными ценностями. Этот протест отражен и в употреблении специфических, свойственных только носителям

эмо-культуры слов. Приведу фрагмент из статьи в журнале «Прочтение»: «Сленг ЭМО весьма своеобразен. Обычный человек на вопрос “Как дела?” в большинстве случаев отвечает “Окай”, “Хорошо”, какой-нибудь счастливчик даже скажет “Отлично”, а у ЭМО ответы всегда будут одинаковые: “I am not okay”, а кто-то употребит лексику и потяжелее, например: “Watch the fuck”. По мере распространения ЭМО-культуры в обиход стали вводиться новые понятия, появившиеся в этой среде. Например, тоннели — круглые большие дырки в ушах, а плаги — это уже серьги без дырок, вставленные в тоннели. Снэпы — браслеты на руках из резинок и проводов. Обувь же, похожую на тапочки, но с подошвой, как у кедров, называют слипами» [2].

Узнавание своего в «своем» и неприятие «чужого» способствуют гармонизации общения [3]. Для письменной речи эмо характерно изменение букв в словах, например, замена буквы «в» на «ф»: деФочка вместо деВочка. В монологах эмо изложение центрируется вокруг авторского Я. Эмо-блоггеры говорят о своих чувствах, эмоциях, переживаниях, произошедших с ними событиях. В речи эмо выражается стандартный «набор эмоций» — печали, недовольства окружающим миром и людьми. Обычное для эмо состояние — осознание одиночества и отверженности. Рассмотрим

¹ Кащеннизм. [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Кащеннизм> (дата обращения: 9.02.2011).

некоторые записи: *Сижу дома одна в полной тишине, голова жутко болит, на улице погода не радует. Вообще день сегодня, какой-то..... ну вот и я загрустила(((((((((((((((*. Многоточие подчеркивает растерянность, невозможность и неспособность найти свое место в мире. Другая запись: *Да, блин, вся жизнь моя — сплошная проблема!!!!!!!!!! С парнем ссоримся постоянно, с мамой ругаемся, в школе все уже достали, орут, чет ваще не понимаю (думают, что если я отличница, дык и не могу двойки получать, что ли?!)).....так хочется выпить каких-нибудь транквилизаторов и сдохнуть на фиг(((все равно никому не нужна...*

Стандартно в речи эмо-блоггеров подчеркивание состояния одиночества и неприкаянности: *Неужели я тут и правда никому не нужна?* Обилие знаков препинания, смайлов свидетельствует о типичном эмоциональном состоянии — угнетенности, возмущении миром. Стереотипны используемые глаголы, рас-

крывающие отношения эмо с миром: «ссоримся», «ругаемся», «достали», «сдохнуть». Продемонстрированные речевые стереотипы, свойственные блоггину эмо, обусловлены потребностью следовать конвенциональным правилам речевого поведения внутри сообщества.

Стереотипы — важнейшая сторона установления речевого контакта внутри сообществ. Они выступают как «особые формы хранения знаний и оценок» [6, с. 253], действительно способствуют «распознаванию, узнаванию и, в конечном счете, взаимопониманию» [1, с. 1], становятся ориентирами в выработке стратегии и тактик речевого поведения в той или иной ситуации. Тем самым стереотипы в виде речевых действий отражают нормы и правила речевого поведения в блогосфере, в конечном счете, эксплицируют привычную для сообщества систему ценностей. Следовательно, стереотипы являются одним из речевых проявлений коммуитаризма в русскоязычном блоггинге.

1. Байбурин А. К. К проблеме стереотипизации поведения: быт, событие, ритуал // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии: тезисы конф. М., 1995.
2. Коткова А., Аньфреева Ю. Капитан ЭМО // Прочтение. 2008. № 3 С. 34–37.
3. Карасик В. И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты. Волгоград; Архангельск, 1996.
4. Лэш К. Восстание элит и предательство демократии. М.: Логос, Прогресс, 2002.
5. Мисонжников Б. Я. «Третье место» как элемент системы коммуитаристских ценностей // Управленческое консультирование. 2011. № 2. С. 178–183.
6. Уфимцева Н. В. Слово и культура // Языковое сознание: содержание и функционирование: Тез. XII междунар. симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. М., 2000.
7. Шалина И. В. Просторечная речевая культура: стереотипы и ценности // Известия Уральского государственного университета. Екатеринбург, 2005. № 35.

References

1. Bayburin A. K. K probleme stereotipizatsii povedeniya: byt, sobytie, ritual // Rechevye i mentalnye stereotipy v sinkhronii i diakhronii: tezisy konf. M., 1995.
2. Kotkova A., Anyfrieva Yu. Kapitan EMO // Prochtenie. 2008. №3 S. 34-37.
3. Karasik V. I. Kulturnye dominanty v yazyke // Yazykovaya lichnost: kulturnye kontsepty. Volgograd; Arkhangelsk, 1996.
4. Lesh K. Vosstanie elit i predatelstvo demokratii. M.: Logos, Progress, 2002.
5. Misonzhnikov V. Ya. «Tretye mesto» kak element sistemy kommunitaristskikh tsennostey // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2011. № 2. S.
6. Ufimtseva N. V. Slovo i kultura // Yazykovoie soznanie: sodержanie i funktsionirovanie: Tez. XII mezhdunar. simpoziuma po psikholingvistike i teorii kommunikatsii. M., 2000.
7. Shalina I. V. Prostorechnaya rechevaya kultura: stereotipy i tsennosti // Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekaterinburg, 2005. № 35.

О. Г. ФИЛАТОВА

КОММУНИТАРИЗМ И ГРАЖДАНСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова:

коммунитаризм, сообщество, Интернет, гражданская журналистика, социальные коммуникации, исследовательские перспективы

Key words:

communitarianism, community, Internet, civic journalism, social communication, research perspectives

В статье анализируются новые модели коммуникации, появившиеся в результате развития Интернета. В качестве перспективных направлений исследования автор рассматривает концепцию коммунитаризма и основанные на ней понятия гражданской и социальной журналистики.

The article analyzes new patterns of communication resulted from the development of the Internet. As promising areas of research the author examines the concept of communitarianism and notions of civil and social journalism based on this concept.

В последние годы в связи со стремительным развитием социальных медиа все большую известность получает феномен гражданской (социальной, общественной) журналистики. Этот термин, имеющий в английском языке несколько аналогов («citizen journalism», «we media», «journalism 2.0», «participatory journalism»), чаще всего обозначает активное участие граждан в процессе сбора, публикации и анализа информации. Цель такого участия, по мнению американских исследователей, — «распространение независимой, заслуживающей доверия, точной и разнообразной информации в соответствии с требованиями демократии» [4]. И хотя в современ-

ном научном дискурсе еще не сложилось четкого и однозначного определения понятия гражданской журналистики, все существующие подходы объединены идеей создания уникальных форм массмедиа, направленных на расширение возможностей общества и установление нового вида равноправных социальных отношений. Как полагают С. М. Виноградова, Г. С. Мельник, «согласование ценностей и интересов на международном уровне — процесс сложный и длительный, это скорее движение к идеалу, чем его реальное достижение. И вместе с тем он выступает в качестве необходимой составляющей мировой политики» [1, с. 82].

Еще более двадцати лет назад Д. Абрамсон, Ф. Аэртон и Г. Оррен утверждали, что существуют три основные теоретические концепции, касающиеся электронных средств массовой информации: плебисцитарная демократия, принадлежность к той или иной общественной группе (сообществу) и плюрализм [3].

На наш взгляд, современное понимание гражданской журналистики отражает некоторые положения второй из указанных концепций и вписывается в рамки определенных в ней категорий. Последователи данной концепции, называемой «общественно-ориентированной», утверждают, что Интернет способствует «перестройке определяющих общественную жизнь связей между социальными группами» [2, с. 126].

Данную точку зрения можно назвать коммуитаристской, здесь различными способами доказывалось, что основная функция Интернета заключается в создании и развитии «сообщества» (community).

Исторически одна из первых, получивших в дальнейшем широкое распространение, формулировок данной идеи возникла еще в 1939 г., когда Дж. Гэллп в своей лекции предсказал возможности, открывшиеся благодаря широкому распространению технологии радио, газет, а также новым способам обучения, которые он пропагандировал. Современные воплощения идей Гэлла-

па имеют различные формулировки, однако большинство из них начинается со ставшей в наши дни клише фразы: «физическое расстояние в наши дни не является определяющим для создания и существования сообщества».

Коммуитаристская концепция и основанные на ней понятия гражданской, социальной журналистики ставят превыше всего этические нормы журналистики, продвигают позитивные и полезные для общества новости, презирают индивидуализм в журналистике. Утверждается, что общество, а не средства информации, формирует темы общественной дискуссии, и это позитивно сказывается на точности и глубине освещения событий, приводит к всеобщей солидарности. Коммуитаристская концепция предлагает новый путь, следуя которому журналистика сможет наилучшим образом соответствовать общественным интересам, стать настоящим «гражданской».

Однако такая общественно ориентированная точка зрения неоднократно подвергалась критике. Так, С. Дохени-Форина и Д. Фостер утверждали, что отсутствие социальной солидарности во время взаимодействия в сети Интернет, а также потворство в солипсизме, ограничивают возможность создания нового сообщества [5; 7]. Фостер даже предостерегал, что всевозрастающее использование термина

«сообщество» для обозначения общественных связей в Интернете, возможно, приведет к сужению общего значения указанного слова.

Вообще, понятие «сообщество» является одним из наиболее часто употребляемых и обсуждаемых и в то же время до сих пор не имеющих четкого определения терминов, особенно когда речь идет об Интернете. А. Этциони признавал, что «виртуальное» сообщество не будет лучшей заменой реально существующему. «Реальные сообщества, создавая прочные доверительные связи между людьми, выгодно отличаются от “виртуальных”», — заявлял основоположник коммуитаризма еще 10 лет назад [6, р. 295]. Однако он же отмечал и такие преимущества онлайн-сообществ, как доминирование интенсивных информационных взаимодействий между людьми и возможность развиваться независимо от дистанционных ограничений, государственных границ и проблем паспортного контроля.

В настоящее время исследователи активно изучают устройство сообществ, функционирующих на основе сети Интернет, а также сущность взаимодействия среди подключенных к сети участников дискуссионных групп, блогеров и т. д. [9].

С нашей точки зрения, в настоящий момент преждевременно делать вывод относительно реально

существующего сообщества, которое расширяет свой доступ к сети Интернет с целью получения большего влияния на общественно-политическую деятельность. По всей вероятности, в сети Интернет будет развиваться огромное множество разнообразных сообществ, а исследователи, имея на руках исторические факты, смогут указать на условия, при которых одна форма сообщества будет преобладать над другой.

Преодоление с помощью новых средств коммуникации больших расстояний в пространстве — еще не достаточное условие для создания важнейших форм обмена общественно-значимой информацией. Проблема намного сложнее. Она предполагает невозможность одновременного эффективного участия огромного количества граждан в обсуждении сложных вопросов. Это возвращает нас к наблюдениям У. Липпмана: общение между гражданами должно быть опосредовано, поскольку рост количества всевозможных средств коммуникации сам по себе не приведет к увеличению желаний и возможностей граждан участвовать в качественно новом, необходимом для построения более справедливого общества и более эффективной политики, взаимном обмене информацией [8].

Для большинства пользователей в настоящее время Интернет является признанным, чрезвычайно по-

лезным инструментом для серьезного общения, которое возникает в условиях сравнительно высокой степени доверия, дружеских отношений и т. п. Существует множество примеров, когда Интернет так или иначе расширил и укрепил существующие профессиональные сообщества. Однако все это еще очень далеко от выполнения грандиозной задачи сторонников коммуитаристской теории по строительству более масштабного политического сообщества. Тем не менее, представляется очевидным, что в настоящее время при осуществлении своей деятельности журналист обязан учитывать существование гражданской журналистики и ее роль в коммуникационном процессе.

Рассмотренные выше точки зрения имеют большое значение, по-

скольку они касаются вопросов определения роли коммуникации в общественной жизни. Актуальность и практическое значение подобных исследований трудно переоценить, т. к. реалии информационного века, а вместе с ним и феномен гражданской журналистики, стремительно становятся социальной реальностью, определяя и новые направления исследований.

Работая в контексте этой темы, необходимо продолжить и обновить традицию практических исследований по вопросу, каким образом новые коммуникативные технологии становятся обязательной частью социально-политической сферы на всех уровнях общества — локальном, национальном и мировом, акцентируя внимание на инновационных способах использования Интернета.

1. *Виноградова С. М., Мельник Г. С.* Внешнеполитический имидж России в медийном пространстве посткризисного периода // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 75–84.
2. *Филатова О. Г.* Политическое влияние Интернета на массовую аудиторию: концептуальные основания исследования // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. Вып 3. СПб., 2007. Ч. 1. С. 126–133.
3. *Abramson J. B. F., Arterton C., Orren G. R.* The Electronic Commonwealth. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.
4. *Bowman S, Willis C.* We media. How audiences are shaping the future of news and information. Reston, VA: The media center at the American Press Institute, 2003.
5. *Doheny-Farina S.* The Wired Neighborhood. New Haven: Yale University Press, 1996.
6. *Foster D.* Community and Identify in the Electronic Village // Porter D. Internet Culture: Rout ledge, 1997. P. 23–38.
7. *Etzioni A.* Communities: Virtual vs. Real // Science 1997. July 18. P. 277–295.
8. *Lippmann W.* Public Opinion. N. Y.: Macmillan, 1922.
9. *Turner F.* From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism: University Of Chicago Press, 2006.

References

1. *Vinogradova S. M., Melnik G. S. Vneshnepoliticheskiy imidzh Rossii v mediynom prostranstve post-krizisnogo perioda // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2009. № 3. S. 75–84.*
2. *Filatova O. G. Politicheskoe vliyanie Interneta na massovuyu auditoriyu: kontseptualnye osnovaniya issledovaniya // Vestn. S.-Peterb. gos. un-ta. Ser. 9. Filologiya, vostokovedenie, zhurnalistika. Vyp 3. Ch. 1. SPb., 2007. S. 126–133.*
3. *Abramson J. B. F., Arterton C., Orren G. R. The Electronic Commonwealth. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1988.*
4. *Bowman S, Willis C. We media. How audiences are shaping the future of news and information. Reston, VA: The media center at the American Press Institute, 2003.*
5. *Doheny-Farina S. The Wired Neighborhood. New Haven: Yale University Press, 1996.*
6. *Foster D. Community and Identify in the Electronic Village // Porter D. Internet Culture: Rout ledge, 1997. P. 23-38.*
7. *Etzioni A. Communities: Virtual vs. Real // Science 1997. July 18. P. 277–295.*
8. *Lippmann W. Public Opinion. N. Y.: Macmillan, 1922.*
9. *Turner F. From Counterculture to Cyberculture: Stewart Brand, the Whole Earth Network, and the Rise of Digital Utopianism: University Of Chicago Press, 2006.*

А. И. КУГАЙ, Е. М. ПРОШИНА

БОЛОНСКИЙ ПРОЦЕСС И НАЦИОНАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ: ДОСТОИНСТВА И ИЗДЕРЖКИ

Ключевые слова:

система высшего образования в СССР, англо-саксонская модель образования, Болонский процесс, бакалавриат, магистратура

Key words:

higher education system in the USSR, Anglo-Saxon model of Higher education, Bologna process, Master's degree, Bachelor's degree

Статья посвящена рассмотрению проблем, связанных с переходом России на Болонскую систему образования. Проводится критический анализ истории, смысла и содержания Болонского процесса. Особое внимание уделяется теме влияния англо-саксонской образовательной модели на Болонский процесс, рассматриваются ее преимущества и издержки по отношению к российской образовательной традиции.

The article considers the problems of the transition of Russia to the Bologna system of education. A critical analysis of history, essence and content of the Bologna process is provided. Special attention is paid to the influence of Anglo-Saxon model of education upon the Bologna process, its benefits and charges in relation to the Russian educational tradition are examined.

Ведущиеся в последние годы дискуссии о будущем системы высшего образования в России обусловили возникновение двух крайних подходов к определению модели образовательного процесса. Сторонники первого, выступая с позиции традиционалистов, руководствуются лозунгом «Назад в будущее — к советской системе образования!»¹. Противоположный

полюс образуют ревностные сторонники Болонской системы, принимая ее как эталонную модель в современной системе высшего образования². В то же время в интеллектуальных кругах Евросоюза вектор одобрения Болонского процесса сменила его ожесточенная критика. Знаковой в этом отношении является книга К. де Монлибера «Губительные последствия университетской “модернизации” в Европе», в которой в ироничной форме утверждается, что европейская ре-

¹ Сегодня позиция традиционалистов наиболее авторитетно артикулируется ректором МГУ В. А. Садовничим: «В России достойная система образования, и нам включаться никуда не надо. Нам нужно сотрудничать, быть открытыми и обогащаться». См.: Виктор Садовничий: России не следует включаться в Болонский процесс. [Электронный ресурс] // MsuNews.Ru — Новости МГУ. 2008. 26 ноября. URL: <http://www.msu.ru/news/2291/> (дата обращения: 15.02.2011).

² Локомотивом внедрения англо-саксонской модели выступает министерство образования и науки Российской Федерации, возглавляемое А. А. Фурсенко.

форма образования в действительности оказывается «реформой слов», а ее базовые характеристики — «прозрачность», «мобильность», «гибкость», «совершенство», «конкурентоспособность», «междисциплинарность» — декларациями, не обеспеченными реальным содержанием [3].

На этом фоне возникает необходимость осуществить критический анализ природы и содержания Болонской модели в ее соотношении с советской образовательной традицией, с ее достоинствами и издержками.

Каковы сильные стороны старой советской пятилетней системы, по сути, унаследованной от немцев, внесших немалый вклад в организацию отечественно науки и образования? (По такой системе работала Австро-Венгрия и Центральная Европа).

Во-первых, следует отметить политехнический и универсальный характер образования. В СССР не существовало системы подготовки специалистов-менеджеров, поскольку считалось, что человек, получивший высшее образование, при наличии организаторских качеств подготовлен к управленческой деятельности в различных областях.

Во-вторых, фундаментальность образования, которое давалось по всем специальностям. Это — пять лет обучения, две курсовые работы, диплом, производственные практи-

ки в различных регионах и республиках Советского Союза. Наши западные коллеги до сих пор недоумевают по поводу целесообразности осуществления таких программ, ссылаясь на дороговизну такого образования, но так было во всех вузах.

В-третьих, высокий статус высшего образования. Практически во всех вузах СССР проводился значительный конкурсный отбор. При этом коммунистический эгалитарный подход обеспечивал доступность высшего образования для всех слоев общества.

В-четвертых, государственная поддержка образования. Перспективная молодежь могла рассчитывать на бесплатное обучение в государственных вузах.

В-пятых, существование строгой, основанной на германских организационных принципах дисциплины учебного процесса, предусматривавшей непрерывную систему контроля, высокий уровень преподавания. Система образования резонировала с системой государственного управления в СССР и способствовала обеспечению страны высококвалифицированными специалистами.

В-шестых. Экономический потенциал государства, социальная стабильность, наличие в обществе стратегических целей позволяли людям видеть перспективу и ориентироваться в том, что будет со стра-

ной и какие специальности будут востребованы, а государство, в свою очередь, гарантировало трудоустройство.

Таким образом, советская система образования, по сути, готовила магистров. При соотнесении ее с нынешней Болонской системой вдруг выясняется, что мы оказываемся в ситуации героя пьесы Ж.-Б. Мольера «Мещанин во дворянстве» — господина Журдена, который с изумлением обнаружил, что, оказывается, всю жизнь говорил прозой, не ведая об этом.

Каковы основные недостатки советской системы образования, почему ее решили менять?

Во-первых, недостатком советской системы была ее чрезвычайная идеологизированность.

Во-вторых, ее международная обособленность.

В-третьих, советская модель не была приспособлена к профессиональной переориентации. Допустим, человек поступил на физический факультет, проучившись три года, осознал, что желает стать экономистом. Ему бы пришлось написать заявление об отчислении и поступать на первый курс экономического факультета. Если изменились обстоятельства, то обратный ход осуществить в такой образовательной системе уже проблематично. Таким образом, человек становился заложником решения, принятого в 16-летнем возрасте,

и вместо 5 должен был проучиться 8 лет.

В-четвертых, ее отличала линейная запрограммированность, безальтернативность и узость учебных курсов. Вспомним так называемые фондовые лекции, деперсонифицирующие преподавательскую деятельность.

«Бакалавр-магистр» — это англосаксонская система двухуровневого образования, которая, зародившись в Англии, утвердилась сначала в Америке, а нынче и в Европе. Наглядным примером американской двухуровневой образовательной модели может служить система подготовки специалистов в области политической науки в Американском военном университете в штате Западная Вирджиния (табл. 1).

Не вдаваясь в подробный анализ представленных программных требований, обратим внимание на три детали: *контекстуальность, практическую и исследовательскую направленность образовательного процесса*. Тематика спецкурсов формируется в соответствии с динамикой геополитической и социокультурной обстановки. Уже на уровне бакалавриата происходит овладение навыками исследовательской и аналитической работы, умением в письменной форме излагать ее результаты.

Введенная Европейским союзом Болонская система направлена на унификацию образовательной прак-

тики для обеспечения мобильности рабочей силы в пределах Европы. Болонский процесс — это попытка найти адекватный ответ превосходству США в сфере инновационных технологий, основанному на доминировании в системе образовательных услуг. Именно США, где люди в течение жизни неоднократно меняют место жительства в связи с поступлением предложений высокооплачиваемой работы, стали образцом подражания современной Европы.

Наличие в Евросоюзе национальных государств, разнообразие

языков и культур диктовали необходимость создать систему, при которой люди могли бы перемещаться из страны в страну, работая по специальности. Для достижения этой цели потоки студентов, как в старое Средневековье, должны бороздить Европу, перемещаясь из вуза в вуз, из страны в страну, взаимодействуя с разными культурами. При этом деньги выделяются на мобильность и унификацию, невзирая на то, что для получения качественного образования следовало бы обучаться в одном вузе.

Таблица 1

Программные требования подготовки специалистов в области политической науки в Американском военном университете¹

	Бакалавр политологии (Bachelor of Arts in Political Science)	Магистр политологии (Master of Arts in Political Science)
<i>Основные требования</i>	<ul style="list-style-type: none"> – Исследование, анализ и письмо – Сравнительные политические системы – Американское правительство – Политическая теория – Политические партии и заинтересованные группы – Государство, местное самоуправление – Общественная политика – Политическая социология 	<ul style="list-style-type: none"> – Международные политические системы – Публичный порядок – Законный и общественный порядок – Методы исследования в социологии – Политическая философия – Американское президентство, Конгресс, бюрократия

¹ Таблица составлена по материалам сайта «American military University». См.: AMU Degree Program: Bachelor of Arts in Political Science. [Электронный ресурс] // American military University. URL: <http://www.amu.apus.edu/academic/programs/degree/861/bachelor-of-arts-in-political-science> (дата обращения: 3.02.2011); AMU Degree Program: Master of Arts in Political Science. [Электронный ресурс] // American military University. URL: <http://www.amu.apus.edu/academic/programs/degree/834/master-of-arts-in-political-science> (дата обращения: 3.02.2011).

<i>Дополнительные требования</i>	<i>5 дисциплин на выбор из следующих:</i> – Американское разведывательное ведомство – Анализ угрозы – Международное развитие – Конституционное право – Общественное управление – Общественная экономика – Этнические исследования – Специальные темы в политологии	<i>4 специальности на выбор из следующих:</i> – Экономика защиты – Экологическое управление – Экологическая экономика – Экологическая политика, регулирование и закон – Основные принципы экологических систем – Американская конституционная история – Международные организации
	<i>Общее образование:</i> – Английский язык (ENGL101 — высокий уровень письменной речи), – Гуманитарные науки – История – Литература – Политология – Социология – Математика – Естественные науки	– История внешней политики США – Стратегическая география и геополитика – Правительство и безопасность в Корее – Латиноамериканские проблемы безопасности – Семинар в ближневосточной политике и безопасности – Политика и безопасность в Персидском заливе – Ближневосточная культура – Ислам – Учреждения национальной безопасности – Политика здоровья

Болонская система позволяет человеку детальнее определиться в выборе профессии, осуществить перерыв между первой и второй ступенью образования. Предположим, что человек, поработав после трехлетнего обучения, решил повысить свою квалификацию или сменить специальность, либо полагает, что приобретенных знаний, навыков

и умений на уровне бакалавриата ему достаточно для самореализации. Очевидно, решившие продолжить обучение в магистратуре осмысленнее относятся к образовательному процессу, чем люди, которые приходят в высшее учебное заведение прямо со школьной скамьи. Показательна в этом отношении сложившаяся в США практика подготовки

юристов. Известно, какое высокое положение в этой стране занимает специальность юриста. Поэтому юридическое образование дается как второе высшее, куда можно поступить, лишь закончив бакалавриат. Признано, что лучшую подготовку для школы права дает философская специализация. Выпускник философского бакалавриата уже владеет качествами, позволяющими стать квалифицированным юристом: наработанным категориальным аппаратом и логической культурой, широким кругозором и риторическими навыками. Естественно, философия имеет отношение не только к праву, но и к иным формам деятельности, поскольку обучает человека ориентироваться в коммуникативной ситуации. Магистратура дает возможность получить образование по второй профессии без отрыва от производства за счет того, что занятия проводятся не во все дни недели и обучение по магистерской программе предусматривает активную самостоятельную работу студента. При этом есть возможность выполнять научно-исследовательские проекты, используя материал реальных кампаний и организаций.

В основном в Болонской системе принята форма «3+2» (три года — бакалавриат и два — магистратура), но иногда по ряду специальностей можно встретить и «4+1» и «4+2». К слову, англичане, родоначальники этой системы, не торопятся пе-

реходить на двухлетнюю систему, у них доминирует одногодичная магистратура. Магистратура дает возможность лучше реализоваться в специальности, поскольку твой личностный капитал обучающегося возрастает. Мобильность и международный статус магистратуры приводят к тому, что унифицируется язык образования. Даже во Франции и Германии — странах, имеющих вековые национальные образовательные традиции, каждая вторая программа идет на английском языке. В то же время в Европе бакалавриат, как правило, функционирует на национальных языках.

Значительным достоинством Болонской системы является то, что она подкреплена системой грантов для студентов, способных учиться в магистратуре.

Поскольку вступление России в Болонский процесс является свершившимся фактом, наиболее продуктивным стал бы путь поэтапного, безболезненного перехода на европейскую образовательную модель при сохранении очевидных достижений советской образовательной системы. Для российских регионов наиболее приемлемой моделью получения высшего профессионального образования на переходном этапе была бы многофункциональная модель бакалавр + специалист + магистр «4+1+1» (см.: [2]). Тем более, Болонская система является достаточно гибким инструментом,

обеспечивающим для вузов значительную свободу маневра (см.: [1]).

Отдавая должное очевидным достоинствам Болонской системы, следовало бы видеть ее издержки, а также вызовы, которые она несет России.

Первая связана с тем, что Россия гораздо меньше интегрирована в европейские структуры и процессы, чем страны Евросоюза. Следует ли полагать, что Европейский союз будет заинтересован в развитии высоких технологий в России, Украине или Казахстане? С какой стати страны Евросоюза станут производить наши самолеты ТУ, АН или МиГ, когда у них есть аэробус. А, значит, Болонский процесс может превратиться в узаконенный процесс оттока талантливой молодежи за пределы России.

Вторая опасность состоит в том, что в угоду Болонскому процессу на официальном уровне внедряются методики, направленные на снижение уровня образования. Особое место в этой политике отводится системе тестирования, которой, начиная с 1990-х гг., повсеместно подменяют привычный экзамен. Тестовый госэкзамен призван разом определять способности будущих юристов, физиков, врачей и управленцев. Большинство базовых понятий, тем более в области гуманитарных и социально-экономических дисциплин, не имеет одно-

значных определений. Но их пытаются втиснуть в прокрустово ложе двузначной, черно-белой, агрессивной логики. Тестовая уравнительная система контроля отнюдь не стимулирует творческую активность будущих специалистов. Смоделируем ситуацию, каким был бы ответ шотландца на вопрос: ощущает ли он чувство гордости за шотландский виски. Вряд ли обрадовала бы его ситуация, при которой европейский рынок отменил бы национальные крепкие напитки, введя вместо них усредненный европейский алкоголь. Но почему мы поступаем так с образованием?

Третья угроза проявляется в том, что под влиянием более мощно развитой технологической культуры постепенно может происходить утрата интереса к своему языку и культуре, потеря национальной идентичности.

И, наконец, Болонская система эффективна более всего в условиях кризиса. Придав образовательной системе гибкость, она помогает сегодня людям ориентироваться в условиях неопределенности, в ситуации, когда в обществе отсутствует заказ на специалистов. Но что будет завтра? Если утихнут волны кризиса и начнется устойчивый промышленный рост, быть может, мы еще вспомним испытанную систему и вернемся к ней, но уже в обновленном виде.

1. Мельвил А. Ю. Россия и болонские реформы // Управленческое консультирование. 2005. № 3. С. 177–179.
2. Цинченко Г. М. Подготовка специалистов по социальной работе в рамках Болонского образовательного процесса // Управленческое консультирование. 2009. № 1. С. 173–178.
3. *Schultheis F., Roca I., Escoda M., Cousin P.-F.* (dir.). Le cauchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen. Paris: Raisons d'agir, 2008.

References

1. Melvil A. Ю. Rossiya i bolonskie reformy // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2005. № 3. S. 177–179.
2. Tsinchenko G. M. Podgotovka spetsialistov po sotsialnoy rabote v ramkakh Bolonskogo obrazovatel'nogo protsessa // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2009. № 1. S. 173–178.
3. *Schultheis F., Roca I., Escoda M., Cousin P.-F.* (dir.). Le cauchemar de Humboldt. Les réformes de l'enseignement supérieur européen. Paris: Raisons d'agir, 2008.

Н. В. ДУНАЕВА

ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО ОБЩЕСТВА В РОССИИ: К 150-ЛЕТИЮ «ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ»

Ключевые слова:

правовые средства, модернизация, аграрное общество, крестьянская реформа 1861–1866 гг., частная собственность на землю, выкуп земли, местное самоуправление

Key words:

legal means, modernization, agrarian society, agrarian reform of 1861–1866, private ownership of land, land redemption, local government

Автор анализирует юридические предпосылки модернизации аграрного общества в России на примере коронного (государственного) сектора российского землевладения, с целью глубже оценить многие стороны глобальной крестьянской реформы 1861–1866 гг. и ее последствия для правового развития России.

The author analyzes the legal prerequisites of modernization of the agrarian society in Russia as an example of the corona (state) sector of the Russian land tenure, in order to further evaluate the many aspects of the global peasant reform of 1861–1866 and its consequences for the legal development of Russia.

Восстановление исторической преемственности правовых ценностей и средств социальной эволюции, объективных связей с правовым содержанием ее этапов требует постоянной актуализации историко-правового знания, в первую очередь, о наиболее важных, «узловых» правовых фактах и явлениях прошлого. Корни многих современных проблем развития российского права уходят в предшествующие этапы его истории, а потому историко-правовое знание служит необходимым инструментом модернизации российского общества. Определяющее значение для эволюции российского права всегда имели исторические этапы,

связанные с осуществлением в широких масштабах социальной модернизации, одним из которых являются 1860-е гг. Историко-правовая проблематика, связанная с «эпохой Великих реформ», не только не утрачивает со временем своей когнитивной значимости, но открывает новые грани в связи с ростом интереса к изучению механизмов правовой и культурной преемственности, эффективности права в современном обществе [2; 9].

Несмотря на значительный объем историографии крестьянской реформы 1860–1880-х гг. [7; 8], малоизученными остаются именно те ее аспекты, которые связаны с инвариантностью эволюционного

развития правового положения крестьян, проживавших в том секторе российского землевладения, где собственником земли являлся монарх как глава государства, носитель высшего государственного титула и регалий, глава императорского дома (более 20 млн человек). Выбор правовых средств, темпов и форм правовой эволюции юридически свободной половины дореформенного российского крестьянства, составлявшего 80% населения империи, в значительной степени предопределил результаты второй (после петровских преобразований) волны российской модернизации, став своеобразной «матрицей» и для ее советского («классового») этапа. Переходный характер эпохи «Великих реформ» предопределяет конкретно-исторический аспект преемственности в отечественном праве, соотношение традиции («наследства») и инновации («инновелизации») в процессе разработки законодателем нормативно-правовой модели модернизации.

Существование в дореформенном сословном праве России категории «свободных сельских обывателей», равно как в средневековом праве западно-европейских государств — различных групп крестьян коронного сектора землевладения было обусловлено определенным уровнем развития монархического государства, которому соответство-

вала «лестничная» структура общих (сословных) правовых статусов юридически не равных подданных. Связь государства с правопорядком [14, с. 66] — взаимообусловленный процесс, и переход общества на новую ступень развития всегда сопровождался формированием новой (общегражданской) конструкции правового статуса личности, что требовало от государства серии последовательных действий по выработке, реализации и корректировке адекватных состоянию общества правовых средств.

Правовой статус свободных сельских обывателей Российской империи, закрепленный в девятом томе Свода законов, до «эпохи Великих реформ» формировался как синтез правовой традиции и волевых правотворческих действий государства, опиравшегося на обычно-правовой уклад крестьянской жизни. Институциональный потенциал норм, исходивших от верховной власти в условиях абсолютной монархии, был чрезвычайно силен, хотя, вводя правовые новации, российские самодержцы всегда опирались на традицию. Переход от традиционного общества к модерну через новую сословно-правовую структуру вносил существенные корректировки в процесс преемственности правовых форм и неизбежно изменял в правовом регулировании соотношение традиции и инновации, нормативно-правового

и индивидуального «сегментов», а также качественные характеристики и «государственно-организованного», и «самовоспроизводящегося» права [1; 13; 16, с. 30].

В «коронном» секторе российского аграрного общества складывались наиболее благоприятные условия для выработки правовых средств социальной модернизации. Здесь государство отработывало приемы, способы и методы эффективного управления, развивало основы нового социально-правового института «крестьян-собственников»: в органах управления коронным аграрным сектором были сосредоточены наиболее квалифицированные и опытные кадры государственных служащих, способные осуществлять нормативное правовое регулирование и принимать управленческие решения, адекватные как потребностям, так и возможностям общества и государства на соответствующем этапе их развития.

Важнейшей юридической предпосылкой модернизации аграрного общества стало формирование в российской правовой мысли первой половины XIX в. ее либерально-этикатической правовой модели, представленной работами М. М. Сперанского, а также деятельностью ряда высших российских чиновников (Н. С. Мордвинова, М. Н. Муравьева, Л. А. Перовского и других). Содержательно эта модель была

близка опыту проведения эволюционной модернизации в государствах «средне-восточно-европейской» группы, и свободное сельское население должно было стать основой формирования «среднего класса» в России, главной особенностью которого должно было являться обладание «недвижимой собственностью в известном количестве» [15, с. 66]. Организацию процесса приватизации следовало взять на себя государству.

Сословный характер был присущ общественным отношениям в целом, и представления о социальных различиях между основными группами российского общества имели глубокие корни в народной жизни и правосознании [10, с. 147; 11, с. 284], но сословия как важнейшие институты государственного права России не препятствовали формированию основ новых общегражданских институтов, индифферентных к сословным различиям в формально-юридическом отношении (частной собственности на землю или территориального самоуправления). Правовые инновации, сформировавшие «ростки» будущего общегражданского правового пространства, на данной стадии эволюции правовой системы могли создаваться только в рамках сословной традиции. Роль «государственно-организованного» права в этом процессе являлась определяющей, поскольку оно моделировало новые

формы правового «аутопойезиса», которые сами субъекты, осуществляя индивидуальную правовую деятельность, наполняли ее необходимым социальным содержанием.

Существенной предпосылкой модернизации аграрного общества стал процесс унификации правового статуса сельского населения «коронного» сектора землевладения. Если в 1830–1840-е гг. его содержание связывали с распространением данного сословного статуса на все российское крестьянство, то, начиная с 1857 г., руководители государственных органов управления коронными имуществами выдвинули новую цель унификации: достижение формально-юридического равенства крестьян в базовых правах (в первую очередь, имущественных) с другими сословиями. Министр госимуществ М. Н. Муравьев, понимая необходимость сохранения на переходный период ведомственного коронного управления, подчеркивал, что административная и имущественная стороны «быта» крестьян будут действительно унифицированы только тогда, когда все «население <...> будет состоять не из отдельных сословий, пользующихся отличными одно от другого правами и несущих столь же различные обязанности», и когда общества или волости станут однородными по населению территориальными единицами, «в пределах которых заключались бы обыватели

одних и тех же прав и обязанностей с иными группами сельского населения»¹. Важным шагом на этом пути стало принятие законов от 20 июня 1858 г. и 26 августа 1859 г., уравнивших удельных, дворцовых и государевых крестьян в сословном правовом статусе с государственными крестьянами².

Углубление предпосылок модернизации достигалось на рубеже 1850–1860-х гг. введением в Мингосимуществе и департаменте уделов единых принципов государственного управления, разработкой рациональной земельно-правовой политики, унификацией управления земельным имуществом российской короны. Важнейшим направлением административной деятельности коронных ведомств стал переход к научной организации межевого дела, кадастрового учета земельного фонда и оценки земельной недвижимости, что создавало основы нового рационального поземельного налогообложения. Темпы проведения работ позволяли создать в России в обозримом будущем объективную систему кадастрового учета земель и регистрации земельных прав, но при условии укрепления ее административного механизма, на-

¹ Российская национальная библиотека. Главный комитет об устройстве сельского состояния. Материалы [Конволюты]. СПб. Т. 1–31, 1857–1868. Т. 14. Ал. 8. С. 30–31.

² Полное собрание законов Российской империи (второе). Т. 33. № 33326; Т. 34. № 34831.

учной и технической оснащенности, совершенствования кадрового корпуса специалистов¹.

Анализ деятельности государственных органов в сфере управления земельным имуществом короны позволяет усомниться в справедливости ее оценки, прозвучавшей пятьдесят лет назад, как «реакционной попытки перевести управление государственными имениями на почву удельного частновладельческого хозяйствования и превратить Министерство [госимуществ] в политическую опору против ликвидации крепостных отношений» [5, с. 548–549]. Министр госимуществ М. Н. Муравьев не был противником отмены крепостного права, он, как и Б. Н. Чичерин в дискуссии с «Колоколом» и К. Д. Кавелиным [17, с. 52–64], сопротивлялся легкомысленному выбору правовых средств глобальных социальных преобразований. Проектируемый им путь к гражданской свободе крестьян был связан с рационализацией государственного управления традиционными общественными отношениями, постепенным формированием в патриархальной российской деревне новых социальных институтов, основанных на личной инициативе, предприимчивости,

естественных правах и свободах человека, развитие которых могло бы обеспечить выход российского общества на новый цивилизационный уровень.

Важнейшей предпосылкой модернизации стал переход на землях российской короны с 1859 г. к индивидуализации крестьянского землевладения и землепользования (приватизации крестьянами земли и развитию долгосрочной индивидуально-семейной хозяйственной аренды), которой принадлежала ключевая роль в правовом механизме реализации либерально-этистской модели модернизации аграрного общества. Эти аспекты крестьянской реформы до недавних пор оставались значительным пробелом историографии [3, с. 21; 6, с. 73–75.]. Организатором этого процесса являлся М. Н. Муравьев — один из самых авторитетных специалистов по управлению земельно-аграрной сферой России. План реформирования поземельных отношений в обоих секторах российской аграрной экономики (коронном и частновладельческом), административно дистанцированных друг от друга при крепостном праве, представлялся ему как эволюционный, регулируемый государственной властью процесс «дисперсной» индивидуализации субъектов сельскохозяйственной деятельности посредством «крестьянской приватизации» земли

¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 811. Ед. хр. 1. Д. 24. Л. 38–38 об.; История уделов за столетие их существования. 1797–1897: в 3 т. СПб., 1901–1902. Т. 1. С. 114.

и развития долгосрочной аренды в обоих секторах российского землевладения. Следствием этого процесса должно было стать утверждение в аграрном обществе поземельных имущественных прав и правовых институтов, индифферентных к сословному статусу собственника или пользователя земли, т. е. общегражданских.

Опираясь на зарубежный опыт и отечественную практику реализации законов 1801, 1803, 1842, 1846 гг. и других, М. Н. Муравьев проектировал более реалистичные, чем его предшественник на посту министра госимуществ, основания для развития массового индивидуального землевладения, главной целью которого являлось образование «среди наших крестьян самостоятельных фермеров» [12, с. 45]. Новая земельно-правовая политика исключала монополизм архаичных правовых институтов, предполагала возможность выбора «сельскими обывателями» вида вещных прав на землю и организационно-правовых форм ведения сельскохозяйственной деятельности, прочные кредитные механизмы, рациональное управление аграрной сферой со стороны коронных органов, развитие институтов территориального местного самоуправления, соответствующих новым условиям хозяйствования на земле.

В Главном комитете по крестьянскому делу в мае 1859 г. рас-

смотрение этих планов было отложено до принятия законов о поземельном устройстве помещичьих крестьян, что ставило решение вопроса о гражданских правах юридически свободной половины русского крестьянства в зависимость от проектируемой редакционными комиссиями модели правового статуса бывших помещичьих крестьян¹.

Разработчики либерально-этантистского проекта модернизации России не отказались от принципов, лежащих в его основе, и после принятия законов 19 февраля 1861 г., хотя современникам практически неизвестны два законопроекта от 17 и 27 октября 1861 г., разработанные в Мингосимуществе и департаменте уделов по применению к свободным сельским обывателям положений законодательства 19 февраля 1861 г. [6]. Компромиссный характер этих законопроектов давал возможность, сохраняя наиболее жизнеспособные нормы законодательства для бывших крепостных, не отказываться от реализации на землях российской короны программ крестьянской приватизации и индивидуализации землепользования, получивших старт в 1858—1860 гг.

¹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1180. Оп. 15. Ед. хр. 17. Л. 171–173 об.; Журналы Секретного и Главного комитетов по крестьянскому делу. Пг.: Государственная типография, 1915. Т. 1. С. 430–446.

Как в законах 19 февраля 1861 г. сословная организация крестьян была неразрывно связана с механизмом формирования общественной собственности на землю посредством ее обязательного коллективного «выкупа», так в «коронных» законопроектах план индивидуальной приватизации был органично связан с бессословной административной моделью местного самоуправления. В отличие от законодательства 19 февраля 1861 г., закреплявшего на многие десятилетия сословную и правовую изоляцию крестьян, законопроекты от 17 и 27 октября 1861 г. открывали не только «коронным» крестьянам, но и всему российскому обществу наиболее реальный путь к бессословному гражданскому равенству, общему правовому статусу личности, соответствующему общеевропейской либеральной традиции.

Индивидуальный землевладелец как массовый сельскохозяйственный производитель и основная социальная сила модернизации традиционного общества формировал не только качественно новый реальный сектор экономики, но и новый правопорядок, новый тип субъекта права — правовой личности с иным, чем в тради-

ционном обществе, мировосприятием, ценностными установками, правовыми интересами и когнитивными запросами. В современной России преодоление отечественным правоведением последствий искусственного разрыва интеллектуальной традиции коррелирует с процессами качественного обновления содержания, методов и средств правового регулирования общественных отношений в целях формирования социальной базы современного этапа модернизации и решения многих вопросов, доставшихся «в наследство» от прошлого.

Изучение исторических аспектов эволюции самой массовой в XIX в. модели сословного правового статуса в контексте масштабных правовых реформ предоставляет участникам современного законодательного процесса в нашей стране и за рубежом ценный материал для более глубокого осмысления и обоснованного проектирования социальных инноваций, выработки оптимальных правовых средств их реализации в целях формирования гражданского общества, развития правовой личности, укрепления основ цивилизованного демократического правопорядка.

1. Ван Хоек М. Право как коммуникация // Правоведение. 2006. № 2. С. 44–61.
2. Гавров С. Н. Модернизация и российский традиционализм // Управленческое консультирование. 2010. № 4. С. 78–85.
3. Долбилов М. Д. Проекты выкупной операции 1857–1861 гг.: к оценке творчества реформаторской команды // Отечественная история. 2000. № 2. С. 15–36.
4. Долбилов М. Д. М. Н. Муравьев и освобождение крестьян: проблема консервативно-бюрократического реформаторства // Отечественная история. 2002. № 6. С. 67–90.

5. *Дружинин Н. М.* Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М.; Л.: АН СССР, 1958. Т. 2.
6. *Дунаева Н. В.* Между сословной и гражданской свободой: эволюция правосубъектности свободных сельских обывателей Российской империи в XIX в. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2010.
7. *Жук С. И.* Современная американская историография крестьянства пореформенной России // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 151–159.
8. *Захарова Л. Г.* Великие реформы 1860–1870-х гг.: поворотный пункт российской истории // Отечественная история. 2005. № 4. С. 151–166.
9. *Колдаева Н. П.* Правовые реформы в России и вопросы преемственности права (историко-социологический аспект) // Правовая политика и правовая жизнь. 2008. № 4. С. 39–40.
10. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 1.
11. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. 2.
12. Обзорение деятельности Министерства государственных имуществ по заведованию государственными крестьянами и южными поселянами с 1838 по 1866 года // Сельское хозяйство и лесоводство. Журнал МГИ. 1867. Январь. Ч. XCIV, приложение.
13. *Поляков А. В.* Теория права в глобализирующемся обществе: постмодернистская интерпретация // Правоведение. 2007. № 4. С. 7–12.
14. *Разуваев Н. В.* Понятие и признаки традиционного государства // Управленческое консультирование. 2008. № 3. С. 51–71.
15. *Сперанский М. М.* План всеобщего государственного преобразования (Введение к Уложению государственных законов 1809 г.). СПб.: Русская мысль, 1905.
16. *Честнов И. Л.* Субъект права: от классической к постклассической парадигме // Правоведение. 2009. № 3. С. 22–30.
17. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания. Путешествие за границу. М.: Север, 1932.

References

1. *Van Khoek M.* Pravo kak kommunikatsiya // Pravovedenie. 2006. № 2. S. 44–61.
2. *Gavrov S. N.* Modernizatsiya i rossiyskiy traditsionalizm // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2010. № 4. S. 78–85.
3. *Dolbilov M. D.* Proekty vykupnoy operatsii 1857–1861 gg.: K otsenke tvorchestva reformatorskoy komandy // Otechestvennaya istoriya. 2000. № 2. S. 15–36.
4. *Dolbilov M. D. M. N. Muravyev i osvobozhdenie krestyan: problema konservativno-byurokraticheskogo reformatorstva // Otechestvennaya istoriya. 2002. № 6. S. 67–90.*
5. *Druzhinin N. M.* Gosudarstvennye krestyane i reforma P. D. Kiseleva. T. 2. M.-L.: AN SSSR, 1958.
6. *Dunaeva N. V.* Mezhdru soslovnoy i grazhdanskoj svobodoy: evolyutsiya pravosub'ektnosti svobodnykh selskikh obyvateley Rossiyskoy imperii v XIX v. SPb.: Izd-vo SZAGS, 2010.
7. *Zhuk S. I.* Sovremennaya amerikanskaya istoriografiya krestyanstva poreformennoy Rossii // Voprosy istorii. 2001. № 1. S. 151–159.
8. *Zakharova L. G.* Velikie reformy 1860–1870-kh gg.: povorotnyy punkt rossiyskoy istorii // Otechestvennaya istoriya. 2005. № 4. S. 151–166.
9. *Koldaeva N. P.* Pravovye reformy v Rossii i voprosy preemstvennosti prava (istoriko-sotsiologicheskij aspekt) // Pravovaya politika i pravovaya zhizn. 2008. № 4. S. 39–40.
10. *Mironov B. N.* Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): V 2 t. SPb.: Dmitriy Bulanin, 1999. T. 1.
11. *Mironov B. N.* Sotsialnaya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.): V 2 t. SPb.: Dmitriy Bulanin, 1999. T. 2.
12. *Obozrenie deyatelnosti Ministerstva gosudarstvennykh imuschestv po zavedovaniyu gosudarstvennyimi krestyanami i yuzhnyimi poselyanami s 1838 po 1866 god // Selskoe khozyaystvo i lesovodstvo. Zhurnal MGI. 1867. Yanvar. CH. XCIV, prilozhenie.*

13. *Polyakov A. V.* Teoriya prava v globaliziruyuschemsya obschestve: postmodernistskaya interpreta-tsiya // *Pravovedenie*. 2007. № 4. S. 7–12.
14. *Razuvaev N. V.* Ponyatie i priznaki traditsionnogo gosudarstva // *Upravlencheskoe konsultirovanie*. 2008. № 3. S. 51–71.
15. *Speranskiy M. M.* Plan vseobshego gosudarstvennogo preobrazovaniya (Vvedenie k Ulozheniyu gosudarstvennykh zakonov 1809 g.). SPb.: Russkaya mysl, 1905.
16. *Chestnov I. L.* Sub'ekt prava: ot klassicheskoy k postklassicheskoy paradigme // *Pravovedenie*. 2009. № 3. S. 22–30.
17. *Chicherin B. N.* Vospominaniya. Puteshestvie za granitsu. M.: Sever, 1932.

В. Б. АЛЕКСАНДРОВ

РУССКАЯ ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА

ОБ ИСТОКАХ ВЛАСТИ, ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Ключевые слова:

русская философия, XX век, власть, государство, право

Автор обобщает основные философские идеи, которые были выдвинуты русскими мыслителями XX века по проблемам власти, государства и права. В статье рассматриваются взгляды трех больших русских философов: Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и И. А. Ильина.

Одной из отличительных черт русской философии является постоянный интерес к социальной проблематике, своего рода практическая направленность, предполагающая размышления о путях совершенствования общества, достижения справедливости и даже мирового блага. По словам С. Л. Франка, «едва ли можно назвать хотя бы одного национального русского мыслителя, который бы не выступал одновременно в качестве морального проповедника или социал-реформатора» [6, с. 489]. В центре подобного рода исследований естественным образом оказываются темы власти, государства, права.

Философские основания идей, выдвинутых русскими мыслителями по данной проблематике, находятся в оппозиции к основным парадигмам западноевропейской философской мысли. Русские фи-

Key words:

Russian philosophy, XX century, power, state, law

The author summarizes the main philosophical ideas of Russian thinkers of the XX century on the problems of government, state and law. The paper considers the views of three great Russian philosophers — N. A. Berdyaev, S. L. Frank and I. A. Ilyin.

лософы критикуют взгляды субъективного идеализма Д. Беркли, И. Г. Фихте, критической философии Э. Канта, материализма К. Маркса. Принципиальное переосмысление в их трудах получают идеи Г. В. Ф. Гегеля, которые, как известно, всегда оказывались в центре внимания русских мыслителей. Со всей определенностью можно сказать, что философские построения русских философов явились реализацией особого типа ментальности, во многом отличной от той, которая свойственна европейской классической философии. Данная ментальность, независимо от того, в какой степени это ими осознавалось, выражала отечественную культурную традицию, касающуюся форм организации общественной жизни, понимания ценностных оснований совместной жизни людей.

В данном контексте интересно обратиться к творчеству трех больших русских философов: Н. А. Бердяева, С. Л. Франка и И. А. Ильина. Несмотря на общность духовной интенции, определяющей содержание их философии, идеи, высказанные ими по интересующему нас вопросу, характеризуются определенными отличиями. Эти отличия связаны, прежде всего, с тем, что каждый из названных мыслителей, укоряя власть в духовном бытии человека, по-своему видит природу этого бытия, выводя на первый план те или иные его стороны.

Разработка темы власти, права и государства осуществлялась ими примерно в одно и то же время — конце второго — начале третьего десятилетия XX в., хотя соответствующие работы увидели свет в разное время. В связи с этим представляется правильным определять порядок рассмотрения взглядов русских мыслителей не в соответствии с хронологической последовательностью выхода в свет их трудов, а с необходимостью выразить логику углубления воззрений по интересующей нас проблематике. Такой подход позволяет, на наш взгляд, создать целостное представление о понимании истоков власти, государства и права в отечественной философской традиции.

Можно сформулировать несколько наиболее характерных черт мышления русских авторов, опре-

деляющих особенности рассмотрения проблемы власти, государства и общества. Это, во-первых, неприятие ими рационалистического (в широком смысле) подхода к пониманию общественной жизни, предполагающего ее изучение на основе определения черт «эмпирического человека»; во-вторых, — это органическое понимание общества, выводящее на первый план его трактовку как иерархически организованной целостности; в-третьих, — это восприятие общественной жизни как духовной и, в самом глубинном смысле, мистичной, божественной в своей основе.

Весьма отчетливо эти позиции представлены в воззрениях Н. А. Бердяева. «В государстве есть мистическая основа, — пишет он, — и эта мистическая основа должна быть признана и с позитивной точки зрения как предельный факт, не поддающийся объяснению. Начало власти — совершенно иррациональное начало. Во всякой власти есть гипноз, священный или демонический гипноз. Никто еще и никакой власти в мире не подчинялся по рассудочным рациональным основаниям» [1, с. 54]. К числу теорий, делающих акцент на рациональных основаниях человеческой деятельности, он относит и теорию общественного договора, и классовую теорию государства, и концепцию, объясняющую происхождение государства экономическими факто-

рами, и теории, ставящие государство в зависимость от человеческого произвола. Все подобные теории, отмечает Бердяев, наталкиваются на существование некоторого рационально неразложимого остатка, на какую-то непостижимую тайну власти. Никто еще никогда не подчинялся власти из рационалистических оснований. «Покорность масс всякой государственной власти есть всегда безумие, есть состояние гипноза, есть трепетание народа перед реальностями, превышающими эмпирическую жизнь людей» [1, с. 55].

С рационалистическим подходом мыслитель связывает непонимание божественного, священного характера власти и государства. Онтология власти исходит от Бога. Формулируя эту позицию, Бердяев уходит за пределы философского дискурса и обращается к Святому Писанию, в котором он находит истоки своих идей. В частности, Бердяев полагает, что идею священной природы власти «поведал всему христианскому миру гений апостола Павла, когда он сказал, что “всякая власть от Бога” и что “начальствующий носит меч не напрасно”» [1, с. 56].

Критикуя рационалистический подход, философ указывает на то, что в его рамках невозможно выразить «органическую целостность» общественной жизни. Этот подход атомизирует ее и пытается воссоздать

общество и государство из механической суммы атомов. Такая устремленность рационалистического мышления связана с непониманием священной, божественной природы власти и государства.

Эмоциональные, публицистически страстные тексты Бердяева представляют собой интуиции, выражающие определенный тип культурного опыта. В них мы видим больше констатаций, чем концептуального философского обоснования несостоятельности критикуемых точек зрения. Фиксируя определенную духовную установку, находящую отклик в душе человека со сходным жизненным и духовным опытом, мыслитель, не принимая рационалистическое философствование, сам не стремится к системному обоснованию своей точки зрения. Как отмечалось, отдельные фрагменты его работ сближаются с богословскими текстами.

Более обстоятельную философскую разработку проблема взаимоотношений власти, государства и права, при выраженном акценте на их мистическую природу, находит в трудах С. Л. Франка. Свои рассуждения на эту тему мыслитель начинает с постановки вопроса: «Почему немисливо вообще человеческое общество без права?» Ответ, предлагаемый им, таков: «Право ниоткуда не выводимо, оно первично, ибо свою авторитетность черпает только из самого себя. В первичном

своим смысле право есть просто должное в человеческих отношениях — то, что в них зависит не от эмпирической человеческой воли, а от высшего абсолютного веления правды» [5, с. 77]. Франк критикует позитивистские теории права, понимающие его как «совокупность велений, исходящих из господствующей в обществе силы — власти», точку зрения договорной теории, согласно которой право есть «результат добровольного соглашения между людьми», за то, что они «бессознательно молчаливо предполагают именно то, что хотят объяснить». Логика мыслителя такая: и веление власти, и соглашение между людьми могут быть источником права, потому что они воспринимаются людьми «как нечто правомерное, как инстанция, которой человек “должен подчиняться”» [5, с. 77].

Франк, как и Бердяев, полагает, что государство, закон, власть мистичны по своей природе, но он идет дальше, пытаясь осмыслить и выразить эту мистичность. Исходный пункт его размышлений, по его собственному признанию, соответствует духу объективного идеализма. Он пишет, что «существо общественного явления, как такового, состоит в том, что оно есть объективная сущая идея» в значении, «близком к значению платоновских идей» [5, с. 70]. В дальнейшем эта объективно-идеалистическая уста-

новка подвергается им существенной корректировке. Это проявляется в том, что Франк считает необходимым отличать идеи общественных явлений от идей математических и логических. Главное отличие состоит, во-первых, в том, что общественное бытие, в отличие от абстрактно-идеального, есть бытие конкретное, протекающее во времени, во-вторых, в том, что бытие математических и логических идей не зависит от того, сознают их люди или нет, и даже от того — существуют ли вообще люди на свете или нет. Общественные явления — государство, право и прочие — предполагают не только бытие людей, в отношении которых они имеют силу, но и подчинение их данному явлению, которое, в свою очередь, предусматривает осознание людьми этих форм, их законности. Объективная, надындивидуальная реальность должна быть представлена как присутствующая в нас самих. Эта область бытия и есть то, что называется духовной жизнью. Таким образом, русский философ дополняет объективный идеализм Гегеля (с его панлогизмом) принципом творческой активности человека, определяющим его готовность принимать идеальные, надындивидуальные формы общественного бытия, к которым относятся и государство, и власть, и правовые нормы.

Для русского мыслителя должное, выражением которого являют-

ся такие формы общественной жизни, как власть, право и государство, имеет для человека двойственное существование. С одной стороны, оно «непосредственно дано человеческому духу, во всей своей абсолютности живет в нем и говорит внутри его самого и, с другой стороны, оно является человеческому духу как начало трансцендентно-объективное, извне обращенное к нему и требующее от него повиновения» [5, с. 83]. В свете такой установки Франк не приемлет субъективно-идеалистическую точку зрения Беркли и Фихте (разделявшуюся, по его мнению, в определенной степени, и Кантом), согласно которой все сущее есть лишь содержание «я» и существует в нем как его представление. Такая философия, полагает мыслитель, есть не что иное как «отражение некоего первичного жизненного чувства нового европейского человека, его коренного и инстинктивного индивидуализма» [5, с. 48]. Для Франка является непреложным существование наряду с внутренней стороной человеческого бытия трансцендентного, сверхчеловеческого плана, в который всей своей духовной жизнью вовлечен человек. Внутренний мир человека, имеющий неизмеримые глубины, изнутри соприкасается с абсолютной, сверхчеловеческой божественной реальностью. Взаимодействие с этой реальностью осознается не как результат дей-

ствия чьей-либо чужой воли, а как основа и сущность его собственной жизни [5, с. 83]. Существование власти, права и государства возможно благодаря внутренней, глубинной духовной жизни человека как реализация его субъективных, творческих усилий в процессе «овнутрения» объективно-трансцендентного начала должного в этих формах его существования. Общественная жизнь, — пишет Франк, — «есть именно обнаружение, раскрытие и воплощение вовне этой глубинной стороны духовной жизни» [5, с. 75].

Дальнейший шаг в осмыслении «механизма», благодаря которому выполняются правовые нормы, веления власти, делает И. А. Ильин. Он продолжает линию понимания человека как существа духовного. Главное, что характеризует природу человека, согласно Ильину, — это воля к духу. Уже самый первобытный человек, пишет он, «таит в себе волю к духу и способность к духу».

Первой конкретизацией этой позиции выступает введение категории «духовное достоинство». «Основой человеческого бытия и его деятельности, — утверждает философ, — выступает присущее ему духовное достоинство и живое существование его в самом себе» [3, с. 311]. Духовное достоинство — это особая форма чувства собственного достоинства. Оно достигается только в религиозной вере. «Чувство собственного достоинства, — пишет

И. А. Ильин, — приобретает духовный характер, когда у человека есть чувство, что “он стоит перед лицом Божиим”». Утверждение своего духовного достоинства означает для человека способность к «восприятию и осуществлению объективной высшей ценности». Это означает, что «человек должен пережить реальную встречу с божественными содержаниями, испытать и признать их сродство со своею личною природой и утвердить их в себе и себя через них» [5, с. 311–312]. В ходе утверждения духовного достоинства человека происходит его духовное самоопределение.

Одним из проявлений стремления к духовному самоопределению выступает правовое поведение человека. Стремление к духовному самоопределению в сфере правовых отношений выражается, согласно И. А. Ильину, законом духовного достоинства, который составляет первую «аксиому правосознания».

Только духовная жизнь человека, стремящегося к духовному самоопределению, нуждается в естественном и содержательно-совершенном праве. Для человека-животного, пишет Ильин, право не нужно. Он будет выстраивать отношения на основе «наивной силы». Человек — созидатель хозяйства не может обойтись без права, но это будет поверхностное, схематическое право, предполагающее культивирование и применение дурных

и несправедливых «положительных» норм. И «только человеку как творцу духовной жизни доступно нормальное правосознание, только ему дано искать и находить правое право, ибо только ему открыта цель права и его живой источник» [5, с. 232].

Духовное самоутверждение есть, согласно Ильину, главный мотив, побуждающий человека следовать нормам права. Данный тезис является ключевым в учении Ильина о правосознании и позволяет переосмыслить в соответствии с этим, глубоко религиозным взглядом на природу права, основные принципы либерального понимания общественного устройства.

Это переосмысление осуществляется в двух других аксиомах правосознания: законе автономии и законе взаимного признания. Эти аксиомы являются, по сути дела, своеобразным толкованием идеи свободы человека как автономного действующего существа в соответствии со своими желаниями, которая, как известно, ограничивается законом, т. е. своеобразным принципом, выражающим взаимозависимость свободных людей. Как писал Локк, «свобода людей... это — свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от постоянной, неопределенной, неизвестной и самовластной воли другого человека»

[4, с. 34]. Для Ильина важно не просто признать право на собственные желания, на автономию, но и определить принципы этой автономии как «самозаконности» бытия и деятельности человека. Автономия или, что то же самое, свобода предполагает духовную зрелость, строительство не только внешней, но и внутренней жизни. Внешняя автономия имеет смысл только как проявление внутренней автономии», т. е. способности вести автономную духовную жизнь, строить свою жизнь в соответствии с собственным представлением о сущности государства и власти. Истинная автономия доступна лишь тому, кто достиг духовного самоутверждения и утвердил в себе духовное достоинство.

Что касается следования закону, то идея, вытекающая из концепции Ильина, заключается в том, что «правоотношение покоится на взаимном духовном признании людей» [3, с. 363]. «Признать за кем-то правовую обязанность, значит утвердить его правоспособность, т. е. признать его духовную природу» [3, с. 363]. В основе правоотношения лежит тройное признание, дважды осуществленное: «Во-первых, каждый из субъектов, вступая в правоотношение, признает право как отношение, как форму жизни, как объективно значащую идею, во-вторых, каждый из субъектов признает свою духовность, т. е. свое дос-

тоинство и свою автономию как правотворящую силу. В-третьих, каждый из субъектов признает духовность другого субъекта, т. е. достоинство и его автономию как силу, способную к правотворчеству» [3, с. 364]. Все эти акты не предполагают некоторых формальных процедур для их принятия. Они осуществляются молчаливо, но в структуре правосознания они в высшей степени необходимы, поскольку составляют самую сущность правоотношения.

Существенное дополнение своей концепции природы власти и права И. А. Ильин осуществляет через учение о правосознании как своеобразной «душе народа», специфической у каждого народа и принципиально отличающейся от государственного сознания, возникающего вместе с государством. Правосознание выступает, по Ильину, той почвой, на которой произрастает государственное правосознание и государственная форма народа.

На этом пути он в каком-то смысле отходит от понимания мистичности государства как выражения его божественной природы и начинает видеть ее как следствие укорененности государства в истории культуры. Так, фундаментальным положением политико-правовой концепции Ильина является мысль о том, что всякая государственная форма есть, прежде всего,

«порождение или “произведение” правосознания... множества сходно живущих, сходно “построенных” и долго общающихся личных правосознаний». Правосознание, указывает он, «возникает иррационально, оно развивается исторически, оно подлежит влиянию семьи, рода, религиозности, страны, климата, национального темперамента, имущественного распределения и всех других социальных, психологических, духовных и материальных факторов» [2, с. 453]. Философ подчеркивает, что у народов, формировавшихся в разных природных условиях, имеющих разные традиции в сферах общественной организации и духовной жизни, складывается различное по своему содержанию правосознание. В этой связи «можно было бы говорить, — пишет философ, — о “морском” правосознании греков и англичан и о “континентальном” правосознании русских и китайцев; о религиозном правосознании магометан и о безрелигиозном правосознании современных социалистов-коммунистов; о родовом правосознании древней гражданской общины и о безродном сознании современных республик» [2, с. 453]. Отсюда следует важнейший вывод, который должен иметь в виду всякий, кто пытается теоретически и практически решать проблему строительства оптимального государственного устройства для того или иного народа. «Нет ни-

чего опаснее и нелепее, как навязывать народу такую государственную форму, которая не соответствует его правосознанию (например, вводить монархию в Швейцарии, республику в России, референдум в Персии, аристократическую диктатуру в Соединенных Штатах и пр.)» [2, с. 453–454].

Развитием данной точки зрения являются мысли Ильина о содержании правосознания. Философ со всей определенностью подчеркивает, что правосознание не сводится к «сознанию» или «мышлению». Правосознание — эта душа народа, оно весьма сложно по своему содержанию и включает в себя «и волю, и чувства и воображение, и все те способности, которыми человек осуществляет свои действия во внешнем мире» [2, с. 447]. Как отмечает Ильин, «недостаточно верно знать свои правовые полномочия, обязанности и запретности; бывают люди, которые отлично знают их и постоянно злоупотребляют этим знанием для того, чтобы превысить свои полномочия, преуменьшить свои обязанности и сложить с себя запретности. Необходимо не только знать все это, но и признавать в порядке самовменения, и, признавая, иметь достаточную силу воли для того, чтобы соблюдать признанное» [3, с. 230].

Особенности существующего в обществе государственного устройства следует искать в специфике тех или иных сторон правосознания.

Интересно наблюдение И. А. Ильина о том, что правосознание, наполненное художественным видением реальности, в большей мере тяготеет к монархической государственности. Народ, для которого характерно такое правосознание, или, как говорит Ильин, художественно одаренный народ, «в глубине души <...> всегда останется предрасположенным к монархии». Художественная одаренность связана, по Ильину, со способностью к олицетворению или персонификации, которая возникает из потребности облечь «духовный предмет в живой, законченный, духовно-человекоподобный образ». И если потребность в олицетворении проникает в душу республиканского народа, то она «слагает сначала “зародыш”, потом ядро и, наконец, уклад монархии» [2, с. 460].

Волевое начало в правосознании, имеющее своей целью духовное самоутверждение, коренится в темных глубинах инстинкта. Категорию инстинкта Ильин специально не рассматривает, употребляя ее в смысле некоей, по сути дела, стихийной природной силы, укорененной в человеческом естестве. Правосознание, будучи, как отмечалось, духовным явлением, в своих истоках существовало как своеобразное «инстинктивное правочувствие». В этой двойственности его природы не заключается ничего противоземного. Инстинкт не враж-

дебен духу, хотя, конечно, бывают люди безразличные к духовному началу. Дело в том, что по своей природе дух способен овладевать инстинктом, а инстинкт — стремится обрести духовное выражение.

Представляется, что в этих рассуждениях философа о взаимодействии инстинкта и духа улавливается основной нерв правосознания, движущий мотив происходящих в нем изменений. По словам самого Ильина, «правосознание есть инстинктивная воля к духу», и, соответственно, «духовное самоутверждение состоит в том, что человек находит правильное разрешение конфликта между духовным призванием и инстинктом самосохранения». Это разрешение означает необходимость «не только овладеть инстинктом и подчинить его духу, но и оправдать его перед лицом духа» [3, с. 453]. Эти размышления — своеобразная попытка рационализировать мистические иррациональные основы всего того, что связано с феноменом права, власти и государства. Указание на данное противоречие как на важнейшее препятствие, которое следует преодолевать человеку на пути к действительно правовому поведению, выводит размышления философа в сферу реальных практических проблем.

В заключение хотелось бы отметить следующее. Выдвинутые русскими философами идеи о духовной

основе права, власти и государства, на первый взгляд, выглядят чем-то далеким от реальности, которая ставит вполне конкретные задачи совершенствования законодательства, правоприменительной практики, подбора кадров в правоохранительные органы и т. п. Однако эти умозрительные построения важ-

ны тем, что они задают некий горизонт для правоведческой мысли, вводят размышления о путях развития правовой системы общества в рамки конкретной культурной традиции, о которой необходимо помнить, решая рутинные «технические» проблемы разработки правовых норм.

1. Бердяев Н. А. *Философия неравенства* // Русское зарубежье: из истории социальной и правовой мысли. Л., 1991.
2. Ильин И. А. *О монархии и республике* // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1994, Т. 4.
3. Ильин И. А. *О сущности правосознания* // Ильин И. А. Собр. соч. М., 1994, Т. 4.
4. Локк Дж. *Избранные философские произведения*. Т. 2.
5. Франк С. Л. *Духовные основы общества*. М., 1992.
6. Франк С. Л. *Русское мировоззрение* // С. Л. Франк *Духовные основы общества*. М., 1992.

References

1. *Berdyayev N. A. Filosofiya neravenstva* // *Russkoe zarubezhe: Iz istorii sotsialnoy i pravovoy mysli*. L., 1991.
2. *Ilin I. A. O monarkhii i respublike* // *Ilin I. A. Sobr. soch.* M., 1994. T. 4.
3. *Ilin I. A. O suschnosti pravosoznaniya* // *Ilin I. A. Sobr. soch.* M., 1994. T. 4.
4. *Lokk Dzh. Izbrannyye filosofskie proizvedeniya*. T. 2.
5. *Frank S. L. Dukhovnye osnovy obschestva*. M., 1992.
6. *Frank S. L. Russkoe mirovozzrenie* // *S. L. Frank Dukhovnye osnovy obschestva*. M., 1992.

Н. В. ГОРБАТОВА, Л. И. ПОЛЯХ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СТРАНЫ

Ключевые слова:

*качество высшего образования,
методическое обеспечение образования;
конкурентоспособность вузов*

В статье рассматриваются вопросы повышения конкурентоспособности российских вузов. Одним из основных факторов повышения конкурентоспособности, по мнению авторов, является неуклонное повышение качества предоставляемых вузами услуг.

Качество российского профессионального образования и конкурентоспособности отечественных дипломов на международном рынке труда — один из наиболее часто обсуждаемых российской общественностью вопросов. При этом недовольство россиян предоставляемым качеством профессионального образования от года к году растет.

В 2001 г. о высоком качестве подготовки наших специалистов — соответствующем мировому уровню или превосходящем его — говорили 39% респондентов, а доля их оппонентов составляла 35%. Между тем в 2007 г. 28% россиян полагали, что вузовская подготовка в нашей стране соответствует мировым стандартам или даже превосходит их (7%), а 41%, напротив, были убеждены, что отечественное высшее образование — ниже мирового уровня.

Key words:

*quality of higher education,
methodical learning guidelines,
competitive position of a university*

The article is dedicated to review of issues concerning competitive positions of Russian higher education institutions. In authors opinion one of the basic factors influencing their competitiveness is permanent and steady increase in quality of educational services.

Особую тревогу должен вызывать тот факт, что наиболее радикально изменились представления людей с вузовскими дипломами. Если в 2001 г. среди них преобладало мнение о том, что отечественная высшая школа дает выпускникам образование, по крайней мере, не уступающее мировым стандартам, и лишь 29% россиян, окончивших вуз, полагали, что оно до этих стандартов не дотягивает, то к 2007 г. 50% респондентов, принадлежащих к этой группе, считали российское высшее образование не соответствующим мировому уровню¹.

Ведущие российские ученые и руководители российских вузов высоко оценивают влияние профес-

¹ Качество высшего образования в России. [Электронный ресурс] // Фонд «Общественное мнение». База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd013035> (дата обращения: 04.04.2011).

сионального образования на конкурентоспособность российской экономики. Доктор экономических наук, профессор, ректор Московской финансово-промышленной академии Ю. Б. Рубин пишет: «В контексте вступления России в “Болонский процесс”, в ВТО вопрос о конкурентоспособности российских вузов, их конкурентных преимуществах и успехах на международном рынке приобретает общегосударственное значение. А это значит, что общество вправе рассчитывать на высокий уровень профессиональной компетентности российских вузов в осуществлении конкурентных действий, создании и претворении в жизнь эффективных конкурентных стратегий и тактических моделей поведения» [4].

Ряд ведущих российских экономистов (В. Мау, С. Синельников-Мурылев, Я. Кузьминов) предложили комплексную программу по внедрению конкурентных методов в развитие и финансирование системы высшего образования в России, что должно способствовать в конечном итоге повышению конкурентоспособности как отдельных российских вузов и их выпускников, так и всей вузовской системы в целом [5].

Открытое обсуждение ключевых научных и методических аспектов реформирования системы высшего профессионального образования становится необходимым элемен-

том программы развития и модернизации российских вузов.

Актуальные аспекты совершенствования методов обучения студентов и слушателей вуза обсуждались на ежегодной научно-методической конференции Северо-Западной академии государственной службы (см.: [2]), в которой приняли участие более 100 преподавателей и сотрудников вуза.

Важность неуклонного повышения качества подготовки специалистов, бакалавров и магистров отмечалась в докладе проректора по учебной работе А. И. Федоркова [6]. Он подчеркнул, что работа в этом направлении — не только обязанность, но и стратегическая цель деятельности коллектива академии [3]. В докладе классифицировались виды и уровни управления вузом, особо подчеркивалась роль каждой группы работников академии в осуществлении управления вузом.

Одной из неотъемлемых составляющих деятельности вуза является проведение научных исследований [1]. Этот важный аспект совершенствования образовательной деятельности получил освещение в выступлении проректора по научной работе В. А. Волкова. Отмечалось, что именно осуществление научно-исследовательской деятельности позволяет современным преподавателям быть не просто ретранслятором знаний для студентов, но повы-

шает их научную и педагогическую квалификацию, создает условия для профессионального роста и развития. В. А. Волков отметил, что в СЗАГС создана и совершенствуется система стимулирования научных исследований, проводимых преподавателями, аспирантами и студентами академии. Ежегодно в СЗАГС проводятся «Конкурс на лучшую научную работу преподавателей СЗАГС» и «Конкурс инициативных научных исследований (ректорские гранты)».

Проректор-директор ИДПО ГиМС профессор А. А. Васецкий в своем выступлении наглядно продемонстрировал, как в скором будущем наука и образовательный процесс будут объединены в рамках нового структурного подразделения СЗАГС учебно-научного центра информационных технологий в го-

сударственном и муниципальном управлении. Докладчик особо подчеркнул, что подобные центры должны являться информационно-аналитической и исследовательской базой при подготовке высшего управленческого звена.

Особый интерес вызвало у собравшихся выступление заведующего кафедрой информатики Д. Ф. Миронова, посвященное изменению функций профессорско-преподавательского состава в современном информационном мире. Автор подчеркнул, что главной задачей преподавателя XXI в. становится поиск и систематизация многообразной информации, ежедневно обновляющейся и связанной с конкретными профессиональными видами деятельности, стремление научить студентов ориентироваться в информационном пространстве.

1. Волков В. А., Руковчук В. П. Научные исследования как составляющие учебного процесса в условиях перехода к двухуровневой системе высшего образования // Управленческое консультирование. 2006. № 4. С. 206–214.
2. Горбатова Н. В., Полях Л. И. Новые технологии в системе высшего профессионального образования // Управленческое консультирование. 2010. № 2. С. 222–225.
3. Горшков А. С. Формировать новое качество власти // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 5–14.
4. Рубин Ю. Б. Теория конкуренции и задачи повышения конкурентоспособности российского образования // Высшее образование в России. 2007. № 1. С. 26–44.
5. Кузьминов Я., Мау В., Синельников-Мурылев С. Страна, где много плохих вузов // Эксперт. 2009. № 37 (674). С. 72–77.
6. Федорков А. И. Особенности подготовки специалистов, бакалавров и магистров в условиях перехода на двухуровневую систему высшего профессионального образования и новые Федеральные государственные образовательные стандарты // Материалы научно-методической конференции СЗАГС. 2010. С. 37–49.

References

1. *Volkov V. A., Rukovchuk V. P.* Nauchnye issledovaniya kak sostavlyayushchie uchebnogo protsessa v usloviyakh perekhoda k dvukhurovnevoy sisteme vysshego obrazovaniya // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2006. № 4. S. 206–214.
2. *Gorbatova N. V., Polyakh L. I.* Novye tekhnologii v sisteme vysshego professionalnogo obrazovaniya // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2010. № 2. S. 222–225.
3. *Gorshkov A. S.* Formirovat novoe kachestvo vlasti // Upravlencheskoe konsultirovanie. 2011. № 1. S. 5–14.
4. *Rubin Yu. B.* Teoriya konkurentsii i zadachi povysheniya konkurentosposobnosti rossiyskogo obrazovaniya // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2007. № 1. S. 26–44.
5. *Kuzminov Ya., Mau V., Sinelnikov-Murylev S.* Strana, gde mnogo plokhikh vuzov // Ekspert. 2009. № 37 (674). S. 72–77.
6. *Fedorkov A. I.* Osobennosti podgotovki spetsialistov, bakalavrov i magistrrov v usloviyakh perekhoda na dvukhurovnevuyu sistemu vysshego professionalnogo obrazovaniya i novye Federalnye gosudarstvennye obrazovatelnye standarty // Materialy nauchno-metodicheskoy konferentsii SZAGS. 2010. S. 37–49.

И. А. ИВАНЧУК

ПОЭТ И ГОРОД

Ключевые слова:

поэт, город, человек, И. А. Бродский, Санкт-Петербург, рецензия на книгу

Статья содержит отзыв на книгу о поэте И. А. Бродском, лауреате Нобелевской премии, почетном гражданине Санкт-Петербурга, о его отношении к Ленинграду — Санкт-Петербургу, городу его детства и юности.

Вышла в свет и поступила в научную библиотеку СЗАГС книга «Стихами Бродского звучит в нас Ленинград»¹ (автор А. Ф. Измайлов). Это научно-популярное издание раскрывает тему: поэт и город, исходя из категорий пространства и времени, к которым поэт наиболее часто обращался в своих поэтических и прозаических произведениях. Отображая город как единое урбанистическое пространство, поэт считал, что город и человек как философские категории равноправны.

Текст любого литератора нельзя понять без контекста территориального, поэтому автор книги раскрывает тему в жанре литературного краеведения. Ленинград и ленинградцы сделали Бродского поэтом, восприимчивым к окружающему миру, особой красоте города, внимательным к деталям, неуступчи-

Key words:

poet, city, I. A. Brodsky, Saint Petersburg, book review

The article contains a review of a book about the poet I. A. Brodsky, Nobel Prize laureate, honorary citizen of St. Petersburg, about his attitude to Leningrad — St. Petersburg, the city of his childhood and youth.

вым в отстаивании справедливости. Мы путешествуем по страницам его произведений как по улицам, проспектам, набережным. Может быть, родившись в другом месте, он также стал бы поэтом, но поэтом совсем другим. Архитектура, искусство, люди этого великого города дали ему многое. И поэт навсегда оставил нам в своих произведениях нежное отношение к своим близким и друзьям, к тому месту, где его не забыли и которое он никогда не забывал.

В повествовании органично перекликаются собственные ассоциации автора книги, рассказы и воспоминания очевидцев, расшифровываются объекты поэтических впечатлений поэта. Воссоздавая прошлое исторических фотографий (глава «Остановленные мгновения»), автор акцентирует внимание читателя на одной из новых граней таланта Иосифа Бродского — искусстве фотографии. Перед читате-

¹ Измайлов А. Ф. Стихами Бродского звучит в нас Ленинград. СПб.: ООО «Полиграф», 2011. — 160 с.

лем — философия фотографии, которую автор описывает, анализируя многочисленные высказывания Бродского, Мандельштама, других известных людей. Созданные образы города, философские суждения о смысле бытия автор, вслед за Бродским, рассматривает в русле философско-культурологического концепта Имя — Миф — История — Личность.

Интересен подбор и описание материала, связанного с отношением поэта к жанру литературного краеведения.

Философский аспект авторского повествования (категории бесконечности, плотности, света, времени) органично сочетается с динамикой сюжетного повествования (глава «Стихи бродят где-то далеко, перекликаясь между собою...» об отношениях поэта с А. А. Ахматовой).

Действие книги динамично развивается, главы разнообразны и разноаспектны, повествование украшают поэтические тексты из произведений поэта.

Со страниц книги звучит живой голос поэта: его стихи, фотоснимки, дружеское общение предстает на фоне оживающих красот горо-

да — Мойки, Зимней канавки, Васильевского острова, Невы...

Новизна аспектов повествования, портреты современников, кинематографичность описания города во взаимосвязи помогают раскрыть эстетические составляющие творческой личности Иосифа Бродского. Читатель совершает увлекательную прогулку во времени и пространстве по любимым местам Ленинграда — Петербурга, сопровождаемый автором книги и поэтом Иосифом Бродским.

Книга учит задумываться и размышлять, быть верным памяти и истории, не воспринимать как данность красоту любимого города, ощущать музыкальность архитектуры и природы. Данная книга, несомненно, найдет своего читателя в среде краеведов, музейных работников, литераторов, журналистов, фотокорреспондентов, архивистов. Она будет интересна как старшему поколению, так и молодежи. Ее материалы могут быть использованы в учебных программах по изучению Санкт-Петербурга как явления культуры, в создании музейных экспозиций, в образовательном программном курсе средней школы «История города».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопов Сергей Владимирович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Доцент кафедры политологии
Кандидат политических наук, доцент
sergakopov@gmail.com

Александров Владимир Борисович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Заведующий кафедрой русского языка
и культурологии
Доктор философских наук, профессор
kr@szags.ru

Горбатова Наталья Валентиновна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Научный сотрудник научного отдела
Кандидат политических наук
nauka@szags.ru

Древал Ирина Владимировна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Доцент кафедры государственного
и муниципального управления
Кандидат технических наук, доцент
Saira66@mail.ru

Дунаева Наталья Викторовна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Заместитель директора Института дополни-
тельного профессионального образования
государственных и муниципальных служащих

Akopov Sergey Vladimirovich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Associate Professor of the Chair of Politology
Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor
sergakopov@gmail.com

Alexandrov Vladimir Borisovich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

The Head of the Chair of Russian Language
and Culturology
Doctor of Philosophy, Professor
kr@szags.ru

Gorbatova Natalya Valentinivna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Research scientist
Ph. D. in Political Science
nauka@szags.ru

Dreval Irina Vladimirovna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Associate Professor of the Chair of State
and Municipal Management
Ph. D. in Technical Sciences, Associate Professor
Saira66@mail.ru

Dunaeva Nataliya Victorovna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Deputy Director of the Institute of Additional
Professional Education for Public and Municipal
Servants

Кандидат юридических наук, доцент
natdunaeva@yandex.ru

Дускаева Лилия Рашидовна

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный
университет
Заведующая кафедрой теории речевой
деятельности и языка массовой коммуникации
факультета журналистики
Доктор филологических наук, профессор
LRD2005@yandex.ru

Иванчук Ирина Анатольевна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Профессор кафедры культурологии
и русского языка
Доктор филологических наук, доцент
kr@szags.ru

Измайлов Альберт Федорович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Научный редактор редакционно-издательского
отдела
Кандидат филологических наук
oleg02_07@mail.ru

Кашина Марина Александровна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Доцент кафедры социологии и социальной
работы
Кандидат философских наук, доцент
Kashina_soc@inbox.ru

Косов Юрий Васильевич

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы

Ph. D. in Juridical Sciences, Associate Professor
natdunaeva@yandex.ru

Duskaeva Lily Rashidovna

Saint-Petersburg
Saint- Petersburg State University

The Head of the Chair of the Theory of speech
activity and Language of Mass Communication
of the Faculty of Journalism
Doctor of Philology Science, Professor
LRD2005@yandex.ru

Ivanchuk Irina Anatolyevna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Professor of the Chair of Culturology and Russian
Language
Doctor of Philology, Associate Professor
kr@szags.ru

Izmailov Albert Feodorovich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Scientific Editor of the Editorial Publishing
Department
Ph. D. in Philology
oleg02_07@mail.ru

Kashina Marina Alexandrovna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Associate Professor of the Chair of Sociology
and Social Work
Ph. D. in Philosophy, Associate professor
Kashina_soc@inbox.ru

Kosov Yury Vasilievich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Декан факультета международных отношений
 Доктор философских наук, профессор
 pokosov@peterlink.ru

Кугай Александр Иванович

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия государственной
 службы
 Профессор кафедры политологии
 Доктор философских наук, профессор
 Kugay3@yandex.ru

Кудрявцева Елена Игоревна

Санкт-Петербург
 Северо-Западная академия государственной
 службы
 Доцент кафедры управления персоналом
 Кандидат психологических наук, доцент
 elena-igorevna-k@mail.ru

Мельвиль Елена Хасымовна

Москва
 Московская высшая школа социальных
 и экономических наук
 Преподаватель факультета управления
 социокультурными проектами
 lmelvil@gmail.com

Мельник Галина Сергеевна

Санкт-Петербург
 Санкт-Петербургский государственный
 университет
 Профессор кафедры периодической печати
 факультета журналистики
 Доктор филологических наук, профессор
 melnik-spb@mail.ru

Мисонжников Борис Яковлевич

Санкт-Петербург
 Санкт-Петербургский государственный
 университет
 Заведующий кафедрой периодической
 печати

Dean of the Faculty of International Relations
 Doctor of Philosophy, Professor
 pokosov@peterlink.ru

Kugay Alexander Ivanovich

Saint-Petersburg
 North-West Academy of Public Administration
 Lecturer of the Chair of Politology
 Doctor of Philosophy, Professor
 Kugay3@yandex.ru

Kudryavtseva Elena Igorevna

Saint-Petersburg
 North-West Academy of Public Administration
 Associate Professor of the Chair of Staff
 Management
 Ph. D. in Psychology, Associate Professor
 elena-igorevna-k@mail.ru

Melvil Elena Hasimovna

Moscow
 The Moscow School of Social and Economic
 Sciences
 Lecturer of the Faculty of Social and Cultural
 Project Management
 lmelvil@gmail.com

Melnic Galina Sergeevna

Saint-Petersburg
 Saint-Petersburg State University
 Professor of the Chair periodical press
 of Journalism Faculty
 Doctor of Philology Science, Professor
 melnik-spb@mail.ru

Misonzhnikov Boris Iakovlevich

Saint-Petersburg
 Saint-Petersburg State University
 The Head of the Chair of Periodical Press

Доктор филологических наук, профессор
bmiss20550@mail.ru

Наумов Владимир Николаевич

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Заместитель заведующего кафедрой
математики и моделирования социально-
экономических процессов
Доктор военных наук, профессор
naumov122@list.ru

Нещерет Александр Карлович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Заведующий кафедрой мировой
и национальной экономики
Кандидат экономических наук, профессор
akn-spb@mauk.ru

Полях Людмила Ивановна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Научный сотрудник научного отдела
nauka@szags.ru

Прошина Елена Михайловна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Профессор кафедры политологии
Кандидат философских наук, профессор
polit@szags.ru

Разуваев Николай Викторович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Доцент кафедры гражданского и трудового
права

Doctor of Philology Science, Professor
bmiss20550@mail.ru

Naumov Vladimir Nikolaevich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Deputy Head of the Chair of Mathematics
and Modeling of Social and Economical Processes
Doctor in Military Science, Professor
naumov122@list.ru

Nescheret Alexander Karlovich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Head of the Chair of the World and National
Economy
Ph. D. in Economy, Professor
akn-spb@mauk.ru

Polyakh Ludmila Ivanovna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Research scientist
nauka@szags.ru

Proshina Elena Mikhailovna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Professor of the Chair of Political Science
Ph. D. in Philosophy, Professor
polit@szags.ru

Razuvaev Nikolay Viktorovich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Associate Professor of the Chair of Civil
and Labor Law

Кандидат юридических наук, доцент
kgtp@szags.ru

Руковчук Александр Владимирович

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский университет экономики
и финансов
Доцент кафедры финансов
Кандидат экономических наук, доцент
nauka@szags.ru

Самылов Павел Васильевич

Калуга
Филиал Северо-Западной академии
государственной службы в г. Калуге
Директор
Кандидат исторических наук
academ@kaluga.ru

Соколова Елена Павловна

Челябинск
Южно-Уральский государственный университет
Заведующая кафедрой массовой коммуникации
факультета журналистики
Кандидат политических наук, доцент
e_socolova@mail.ru

Старцева Светлана Геннадьевна

Вологда
Филиал Северо-Западной академии
государственной службы в г. Вологде
Заместитель директора
star@vlgda.ru

Ульзетуева Дарима Дамдиновна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Старший преподаватель кафедры математики
и моделирования социально-экономических
процессов
udad@mail.ru

Ph. D. in Law, Associate professor
kgtp@szags.ru

Rukovchuk

Saint-Petersburg
Saint-Petersburg University of Economy
and Finances
Associate Professor of the Chair of Finances
Ph. D. in Economy, Associate Professor
nauka@szags.ru

Samylov Pavel Vasilievich

Kaluga
Branch of the North-West Academy of Public
Administration in Kaluga
Director
Ph. D. in History
academ@kaluga.ru

Sokolova Elena Pavlovna

Chelyabinsk
South Ural State University
The Head of Chair of Mass Communication
of Journalism Faculty
Ph. D. in Political Sciences, Associate Professor
e_socolova@mail.ru

Startseva Svetlana Gennadievna

Vologda
Branch of the North-West Academy of Public
Administration
Deputy Director
star@vlgda.ru

Ulzetueva Darima Damdinovna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration

Senior Lecturer of the Chair of Mathematics
and Modeling of Social and Economical Processes

udad@mail.ru

Филатова Ольга Георгиевна

Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный
университет
Доцент кафедры связей с общественностью
факультета журналистики
Кандидат философских наук, доцент
filatovo@gmail.com

Цзян Вэй

Пекин, КНР
Пекинский административный институт
Доцент кафедры истории партии
и государственного устройства
Доктор политических наук
weijiang68@yahoo.com.cn

Чекмарева Ольга Игоревна

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Преподаватель кафедры финансов
и государственного регулирования экономики
res.183@inbox.ru

Шамахов Владимир Александрович

Санкт-Петербург
Северо-Западная академия государственной
службы
Ректор
Доктор экономических наук, профессор
Действительный государственный советник
Российской Федерации 1 класса
rector@szags.ru

Шляпентох Владимир Эммануилович

Ист Лансинг, Мичиган, США
Мичиганский университет
Профессор Мичиганского университета
Доктор экономических наук, профессор
shlapent@msu.edu

Filatova Olga Georgievna

Saint-Petersburg
Saint-Petersburg State University

Associate Professor of the Chair of Public
Relations of the Faculty of Journalism
Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
filatovo@gmail.com

Jiang Wei

Beijing, China
Beijing Administrative Institute
Associate Professor of the Chair of History of the
Party and State Structure
Doctor of Political Sciences
weijiang68@yahoo.com.cn

Chekmaryova Olga Igorevna

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Lecturer of the Chair of Finances and State
Regulation of Economy
res.183@inbox.ru

Shamahov Vladimir Alexandrovich

Saint-Petersburg
North-West Academy of Public Administration
Rector
Doctor of Science (Economy), Professor
Full State Counsellor 1st Class of the Russian
Federation
rector@szags.ru

Shlapentokh Vladimir Emmanuilovich

East Lansing, Michigan, USA
Michigan University
Professor of Michigan University
Ph. D. in Economy, Professor
shlapent@msu.edu

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Уважаемые авторы!

Для публикации в журнале Северо-Западной академии государственной службы «Управленческое консультирование. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления» принимаются научные материалы, соответствующие основной научной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления сложными социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления.

Позиция авторов публикуемых в журнале статей может не совпадать с точкой зрения учредителя, редколлегии и редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы статей.

Представляя свои материалы в редакцию, авторы передают издателью авторское право на их публикацию в журнале. Публикуются только те рукописи, которые нигде ранее не публиковались. Редколлегия журнала имеет право сокращать или

снимать с публикации поданный материал.

Редакция не вступает в переписку с авторами и не гарантирует возвращение не заказанных ею рукописей и иллюстративного материала.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

ПОРЯДОК ЭКСПЕРТИЗЫ И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Статьи, поступающие в редакцию от авторов, принимаются в установленном порядке. Автор(-ы) готовит и представляет в редакцию:
 - экземпляр статьи на бумажном носителе, подписанный автором и заверенный подписью руководителя подразделения, а также электронную версию статьи;
 - рецензию, содержащую обоснованную рекомендацию к опубликованию статьи и заверенную подписью и печатью.

2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае, если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору(-ам) по его запросу направляется аргументированный отказ. Основанием для публикации является положительная рекомендация двух рецензентов журнала — докторов наук по специальности.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ

1. Каждая статья должна быть сопровождена:
 - сведениями об авторе, которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степе-
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - шрифт — «Times New Roman»;
 - аннотации, ключевые слова — 12 кегль, междустрочный интервал — 1;
 - основной текст — 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5;
 - ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы в алфавитном порядке), 12 кегль, междустрочный интервал — 1.
3. Порядок расположения материалов:

- инициалы и фамилия автора(-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе (-ах);
 - название статьи. Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - аннотация на русском языке;
 - аннотация на английском языке (идентична аннотации на русском языке);
 - ключевые слова на русском языке;
 - ключевые слова на английском языке;
 - основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
- абзацный отступ — 1,25 (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - расстановка переносов не применяется;
 - все примечания (в том числе сведения об авторе) оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста вниз полосы документа;
 - все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, на-
бранные прописными буквами, полужирным кеглем не допускаются);
 - нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
 - маркированный список пунктов начинается только в виде тире.
5. Оформление ссылок:
- ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 — 2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска*. Области библиографического описания разделяются точкой;

- для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер и страницы, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой.
6. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *tiff или *jpg.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Савельев Виктор Васильевич
 Москва
 РАГС при Президенте Российской Федерации

Профессор кафедры национальных, федеративных и международных отношений

доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода “золотым легионом” постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004. 740 с.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

— *монографии*:

Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990.

— *статьи в научных сборниках*:

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.

— *публикации в многотомных изданиях*:

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М.: ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7.

— *статьи в научных журналах*:

Муази Д. Эмоциональное изменение глобализации // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 68–75.

— статьи в газетах:

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

— правовые акты:

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

— архивные документы (при первой ссылке указывается полное на-

именование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

— электронные ресурсы:

Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta. Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения 20.09.2008).

4. Ссылки на таблицы и рисунки (приводятся внутри текста):
(табл. 2).

- 5 **V. A. SHAMAKHOV**
To Match the Vector of Modernization

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 8 **M. A. KASHINA, I. V. DREVAL**
Development of the System of Additional Professional Education of Civil Servants in the Context of Bologna Educational Process Implemented in EvrAzES Countries
- 18 **V. N. NAUMOV, D. D. ULZETUEVA**
Scenario Approach to Forecasting of the System of Higher Professional Education for Educational Institutions of Public Administration
- 34 **P. V. SAMYLOV**
Improving the Quality of Training of Civil Servants in High School by Means of Project Activities
- 41 **TSYAN VAY**
Efficiency of Public Administration at the Background of Euro-Asian Integration
- 49 **O. I. CHEKMARYOVA**
Problems of Forming the System of Indicators of Municipal Social and Economic Development

POLICY AND A LAWFUL STATE

- 56 **V. E. SHLAPENTOKH**
On Formation of the New Russian Elite
- 66 **N. V. RAZUVAEV**
State as a Philosophical and Legal Category
- 77 **A. K. NESCHERET**
General Coordinates of Innovative Development in the Conditions of Eurasian Integration
- 87 **Yu. V. KOSOV**
Correlation of energy supply and environmental security in global economic crisis
- 96 **G. S. MELNIK**
Modern journalism in the context of communitarianism
- 105 **E. P. SOKOLOVA**
Implementation technology ideologies political movements in the mass consciousness
- 111 **S. G. STARTSEVA**
Problems of Formation and Implementation of Regional Youth Policy (Taking Vologda Region as an Example)
- 238 **S. V. AKOPOV**
Moreno question

- 131 A. F. IZMAILOV**
For World without Nazism: Modern View at the Events in Lithuania
in 1944–1956

POWER AND ECONOMY

- 140 E. I. KUDRYAVTSEVA**
Competence as a Key Concept of the Actual Theory and Practice
of Management
- 149 A. V. RUKOVCHUK**
Optimization of the Organizational Structure of Bank Management
- 166 E. H. MELVIL**
Economy of Culture: State Paternalism or Free Market?

SOCIETY AND REFORMS

- 177 B. Ya. MISONZHNIKOV**
The Concept of a “Third Place ” as an Element of Communitarian
Values
- 183 L. P. DUSKAEVA**
Stereotypes of Speech Behavior in Blogosphere of Communities
- 189 O. G. FILATOVA**
Communitarianism, And Civic Journalism As A Promising Research
Directions
- 194 A. I. KUGAI, E. M. PROSHINA**
The Bologna Process and National Tradition: Benefits and Charges

HISTORY AND CULTURE

- 202 N. V. DUNAEVA**
Legal Means of Modernization of the Agrarian Society in Russia:
to the 150th Anniversary of the Great Reforms
- 211 V. B. ALEXANDROV**
Russian Philosophy of the XX Century about the Origins
of Government, State and Law

SCIENTIFIC LIFE

- 221 N. V. GORBATOVA, L. I. POLYAKH**
Quality of Russian Higher Education as the Factor
of Competitiveness of the Country

BOOK REVIEWS

- 225 I. A. IVANCHUK**
The Poet and the City

2011. № 2 (42)

**УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ
КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ**

Научно-практический журнал Северо-Западной
академии государственной службы

Выходит четыре раза в год

Все статьи рецензируются

Редакторы С. В. ТАИРОВА, В. А. ПЯТЕНКО

Аннотации статей и перевод
на английский язык Е. Н. СТАНКОВА

Корректор ТЮЛЬКАНОВА Л. Г.
Дизайн обложки и верстка НЕНАХОВОЙ Н. Б.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ АКАДЕМИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Сдано в набор 14.02.2011 г. Подписано к печати 14.03.2011.

Формат 70×100/16. Офсетная печать.

Усл. печ. л. 15. Тираж 650 экз.

Заказ № 2236

Цена свободная

Издание зарегистрировано Северо-Западным региональным управлением
Комитета Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации СМ 4 № П-2046 от 10 июля 1996 г.

Индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 12971

Комплекс издательских и полиграфических работ
выполнен ООО «Нестор-История»
197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел.: (812) 235-15-86, e-mail: manager_nestor@bk.ru